АнгарА

4

1962

539666

АНГАРА

PC
A646

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Орган Иркутского отделения
Союза писателей РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Очерки наших дней

Голоса молодых

N 4 (57)
ОКТЯБРЬ
ДЕКАБРЬ

РС

Взрослым о детях

Мы помним их имена

Критика и библиография

39666

Обложка и рисунки
художника *Б. Куприянова*,
на вклейках репродукции гравюр
художника *А. Шипицына*

Редакционная коллегия:
Главный редактор *Ф. Таурин*,
В. Киселев, *Л. Красовский*, *Г. Кунгуров*,
И. Луговской, *И. Медведев*, *К. Седых*,
М. Сергеев, *В. Титов* (зам. гл. редактора),
В. Трушкин

1966 г.

Адрес редакции:
г. Иркутск, ул. 5-й Армии, дом 36, отделение Союза писателей РСФСР.
Телефон 56—76

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Франц Таурин

Светлая нефть

1

Это произошло в день выборов в Верховный Совет СССР, 18 марта 1962 года.

Было около десяти часов утра.

Почти все избиратели — не только жители головного села Марково и раскинувшегося на противоположном берегу застывшей Лены поселка нефтеразведчиков, но и колхозники окрестных деревень — уже проголосовали. За несколько часов стопки белых и голубых бюллетеней перед членами избирательной комиссии словно стаяли под лучами весеннего солнца, весело заглядывавшего в высокие окна школы.

Председатель участковой комиссии, старший геолог марковской нефтеразведки Леонид Кузьмич Овченков, склонившись над списками избирателей, медленно вел пальцем вдоль графы «отметка о голосовании», почти сплошь заполненной пометками «да», выписывая фамилии не успевших еще проголосовать. Тут и престарелые, за которыми надо послать подводу или машину, и больные, кому надо отвезти избирательную урну на дом.

— Леонид Кузьмич! — окликнули Овченкова. — Вас к телефону.

— Сейчас, — отозвался Овченков, торопливо просматривая последнюю страницу списка.

— Скорее, Леонид Кузьмич! Там на буровой что-то случилось!

Овченков кинулся к телефону.

Кто-то на другом конце провода кричал в трубку:

— Нефть! Пошла нефть!

В голосе была радость и одновременно тревога.

Эти же чувства охватили и старшего геолога Овченкова.

Такова уж профессия разведчика нефти. Нефть — черная кровь земли — одно из ценнейших богатств земных недр — нелегко дается в руки человеку.

И дело не только в том, что ее трудно найти. А найти ее очень трудно. В отличие от других недровых богатств: угля, руд, самородных металлов — нефть подвижна. Она, как говорят геологи, способна мигрировать, то есть перемещаться, даже, может быть, бу-

дет точнее сказать — переселяться в толщах земных пластов. И потому часто случается, что там, где по всем геологическим признакам следовало бы находиться нефти, ее не оказывается. И глубочайшие, в несколько тысяч метров буровые скважины выявляют или совершенно пустую породу, или только слабые следы нефти, говорящие лишь о том, что нефть здесь когда-то была, но что теперь ее здесь уже нет.

Слишком много благоприятных условий должно совпасть, чтобы образовалось нефтяное месторождение, нефтяная залежь.

Чтобы хоть примерно представить себе всю сложность процессов образования нефтяной залежи, надо мысленно заглянуть в глубь веков.

Сотни миллионов лет назад в первозданных теплых морях нашей планеты буйно развилась жизнь. Растительные и животные останки, опускаясь на илистое дно морских впадин, покрывались песчаными и глинистыми отложениями и в результате сложных биохимических реакций превращались в нефть.

Многолетними работами академика И. М. Губкина было доказано, что процесс образования нефти происходил непрерывно и повсеместно. Но для того, чтобы образовались нефтяные залежи, требовалось сочетание ряда условий.

Прежде всего нужно было иметь достаточно мощный пласт пористой породы, которая могла бы впитать в себя образовавшуюся нефть (такие породы: песчаники, известняки, доломиты — геологи называют коллекторами). Затем этот пласт должен быть прикрыт сверху и подперт снизу пластами плотной, непроницаемой ни для жидкости, ни для газа породы. И, наконец, все эти пласты должны быть соответствующим образом изогнуты так, чтобы образовался свод, купол, насыщенный нефтью и газом и подпираемый снизу водой.

И только лишь в том случае, если благоприятная для образования на нефтяной залежи конфигурация пластов сохранится достаточно долго, в их сводчатых изгибах накапливаются массы нефти и газа.

И если эта благоприятная конфигурация сохранится до наших дней, мы сможем, проткнув буровой скважиной верхние, прикрывающие залежь пласты, обнаружить, найти, открыть нефтяное месторождение.

Но и после того, как нефть обнаружена, она не сразу дается в руки.

В своем подземном глубинном бассейне нефть находится под колоссальным давлением в десятки, иногда в сотни атмосфер. И как только скважина откроет ей выход, нефть с неистовой силой выбрасывается на поверхность земли.

И, едва успев открыть нефть, разведчики все силы устремляют на то, чтобы закрыть ее, заглушить вырывающийся из глубины недр фонтан нефти и газа. Потому что такой неуправляемый фонтан таит в себе страшную угрозу. Достаточно малейшей искры, чтобы вызвать катастрофу. История нефтедобычи прискорбно богата опустошительными пожарами.

И законное чувство гордости — наконец-то пошла сибирская нефть! Пошла из марковской скважины, заложенной по составленному им, Овченковым, геологическому обоснованию! — не может приглушить тревожной озабоченности.

Вдоль заметенной сугробами реки тянет острым мартовским ветром. Овченков его не замечает. Он торопится на буровую.

Никто из людей, толпившихся возле котельной, не мог точно сказать Овченкову, как это случилось...

Старший оператор каротажного отряда Виталий Ефименко в белой рубахе, запятнанной брызгами нефти, лежал на земле. Товарищи склонились над ним. Делали ему искусственное дыхание. Думали, что он еще жив. А он был уже мертв.

Никто не видел, как это случилось.

Виталий, установив по своим приборам, что из скважины «пошел газок», тотчас же предупредил всю смену буровщиков, напомнил: надо соблюдать осторожность!

Но сам об осторожности забыл.

Когда после первых выбросов газа и воды в желобе показалась густая маслянистая нефть, Виталий забыл обо всем. Он видел только нефть, древнейшую в мире кембрийскую нефть, которую они искали столько лет, которая — не в одной уже скважине, — поманив разведчиков выбросом газа, жилкой битума или жидкой капелькой, снова исчезала, упорно не даваясь в руки.

Многие, даже сами разведчики, разуверились в кембрийской нефти. Может, и нет такой нефти в природе? Ищут ее с начала тридцатых годов. Ищут в Якутии, ищут между Обью и Енисеем, ищут в Иркутской области... Если сложить все скважины, пробуренные в поисках этой мифической нефти, можно проткнуть планету насквозь. Уж если есть она, так давно бы оказалась. Была ли когда кембрийская нефть на нашей планете? Может, ее, кембрийской нефти, никогда и не было?

Виталий Ефименко верил в кембрийскую нефть. Товарищи, знавшие его еще по фронту, — он всю Отечественную отвоевал танкис-

том — говорили, что Виталий всякое дело, за которое брался, исполнял убежденно.

Когда скважина дала первый основательный выброс газа, Виталий заплясал от радости. А когда показалась нефть, кинулся к желобу, подставил пригоршни и, как ребенок, переплескивал маслянисто поблескивающую жидкость из ладошки в ладошку. Потом побежал в каротажную будку, взял несколько бутылок и стал набирать в них долгожданную древнюю нефть. Отнес дорогую добычу в будку и снова побежал к желобу с новой партией бутылок.

Нефть текла еще тонким слоем поверх воды и, чтобы набрать в бутылку чистой нефти, Виталий наклонился к желобу и... одурманенный газом, упал...

Впрочем, этого никто не видел. Об этом можно только догадываться. Буровики, находившиеся на смене, были заняты приготовлениями к тому, чтобы заглушить начинающийся фонтан А зрители — их уже сбежалось немало, — задрав вверх головы, смотрели на невиданное еще чудо. Из скважины с шумом вырывался фонтан газа, воды и нефти, и с ясного неба падал желтый маслянистый дождь, оттесняя любопытных от буровой вышки.

Когда Виталия увидели, он лежал ничком на желобе, обхватив его руками.

Его отнесли в сторону от скважины, пытались оказать ему помощь, но было уже поздно...

Древнейшая в мире кембрийская нефть нелегко давалась в руки. Ей мало было десятилетий, заполненных тревогами, сомнениями, напряженными поисками, самоотверженным трудом сотен и тысяч людей, разведавших ее. Ей нужна была искупительная жертва.

И, самое горькое, жертва была ненужной. Потом рассказывали, что за несколько дней до фонтана противогазы (которые всегда имеются в каротажной будке и составляют ее табельный инвентарь) отправили куда-то, кажется, на проверку. Я упоминаю об этом вовсе не для того, чтобы отыскать здесь причину гибели Виталия Ефименко. Убежден, что ни Ефименко, ни кто другой и не подумали бы надеть противогазы. У нас повсеместно бытует пренебрежительное и в какой-то мере ироническое отношение к правилам техники безопасности. Но этот факт говорит и о том, что возможность скорого появления нефтяного фонтана, по-видимому, не предполагалась.

И, конечно, противогазы не спасли бы Виталия Ефименко. Он был смелый, беспокойный, порывистый человек. Таким он был и в бою и в труде. В народе таких людей называют рисковыми. Такие люди не всегда умирают в своей постели.

Фонтан с каждой минутой набирал силу. Спертая под колоссальным давлением нефть расчищала себе подземные пути к скважине, проткнувшей свод ее темницы.

На другой день в Марково прилетели руководители треста Востсибнефтегеология и Усть-Кутского района: управляющий трестом Карасев, главный инженер Розенбаум, главный механик Чирко, секретарь райкома партии Н. С. Сябренко.

Скважина уже фонтанировала чистой нефтью. Мощная струя била на высоту пятидесяти метров и зеленовато-желтым дождем низвергалась вниз. Снег вокруг скважины, в радиусе на добрую сотню метров, осел и окрасился в грязно-желтый цвет.

Ветер, часто менявший направление, относил брызги то на поселок нефтеразведчиков и близлежащую деревню, то на Лену. Хотя ширина реки здесь более полукилометра, при сильном ветре брызги нефти относило на правый берег реки.

Нефть прожигала снег, скатывалась в ложбину, неподалеку от буровой.

Нефтяное озеро ширилось на глазах. Дебит скважины не был еще замерен, но специалисты определили на глаз, что каждый час выбрасывается несколько десятков тонн.

Создавалось угрожающее положение.

И дело было не только в опасности пожара. Хотя и она была очень велика. В непосредственной близости от скважины, в зоне нефтяного дождя и газового выброса, находились поселок разведчиков и деревня Верхне-Марково. И малейшая неосторожность, необдуманно зажженная спичка или даже ничтожная, не заметная глазу искра могли вызвать катастрофу.

Но даже если бы пожара и удалось избежать, сама нефть таила в себе страшную угрозу.

Близилось время весеннего паводка. Лощина, где скапливалась нефть, заливалась вешними водами. Озеро нефти, хлынув в русло реки, убило бы в ней все живое, ожертвило реку и тысячи гектаров покосов и заливных земель в ее долине, лишило воды сотни деревень и поселков, расположенных по берегам Лены.

Надо было как можно быстрее закрыть фонтан.

Прежде всего надо было установить и доказать, что к скважине можно подойти. Смерть Виталия Ефименко была грозным предостережением.

Иван Петрович Карасев решил вопрос быстро и радикально.

Трое — сам Карасев, Розенбаум и Чирко, — облачившись в прорезиненные плащи с капюшонами, вошли в нефтяной ливень, прошли к самой скважине и находились там, точно по часам, пятнадцать минут.

Дышать загазованным воздухом было трудно. Мельчайшая нефтяная изморось оседала на лице и руках, проникала под одежду, вызывая неприятный раздражающий зуд, разъедала глаза, высекая слезу.

Но непосредственной опасности немедленного отравления не было. Это имело решающее значение. Потому что надеть противогазы в этом мутном ливне было равносильно тому, что лишиться зрения. К тому же фильтры противогазов, пропитавшись нефтью, очень быстро перестали бы пропускать воздух.

Выйдя после пятнадцатиминутного дежурства из-под нефтяного ливня, управляющий трестом отдал приказ приступить к закрытию фонтана.

У нефтеразведчиков есть поговорка: «Закрыть фонтан не легче, чем открыть». Как ни странно несведущему человеку это утверждение, оно лежит рядом с истиной.

В мощных нефтяных фонтанах — а марковский фонтан, когда замерили его дебит, оказался самым мощным из всех открытых в нашей стране за последние пятнадцать лет — давление струи на выходе из обсадной трубы составляет десятки атмосфер.

В Марково, потом уже, когда все самое трудное и опасное осталось позади, любили вспоминать недоуменный возглас одной старой колхозницы, которая, обеспокоенная бесконечным нефтяным дождем, сказала в сердцах:

— И чего, прости господи, думают? Неужто тряпок не найдется заткнуть эту окаянную дыру!

Простодушная наивность деревенской старухи кажется смешной. Однако, кроме самих нефтеразведчиков, вряд ли кто представляет, как трудно и опасно закрывать столь мощный нефтяной фонтан.

Просто закрыть, «заткнуть» фонтанирующую трубу невозможно. Любая пробка будет выброшена огромным давлением нефтяной струи.

Обуздывать фонтан приходится исподволь, с хитростью.

На конец обсадной трубы надевают специальную фонтанную арматуру. Нефтяники называют ее «елкой». Елка — это трехметровый отрезок трубы с несколькими перпендикулярно врезанными отводами, оснащенными задвижками. Когда «елка» надета и надежно прикреплена к обсадной трубе, можно, регулируя задвижками, направить струю в нужном направлении или совершенно приглушить ее.

Казалось бы, по идее все очень просто. На деле же — очень сложно и трудно. Рвущаяся к небу нефтяная струя, словно разгадав коварный замысел людей, решивших обуздать ее, отбрасывает массивную металлическую «елку», как легкое перышко.

«Елку» приходится буквально нанизывать на струю. Для этого «елку» подвешивают, берут несколькими лебедками «на растяжку», и, подтягивая трос, насаживают фонтанную арматуру на конец обсадной трубы.

Операция эта требует от всех, выполняющих ее, недюжинного мастерства, четкой согласованности действий, хладнокровия и мужества.

Да, и мужества! Обсадная труба, «елка», барабаны лебедок, трос — это все металл. Любой удар может вызвать искру. Искра — это катастрофа и гибель людей.

На встрече с журналистами и писателями Иван Петрович Карасев весьма красочно рассказывал:

— По печальной традиции, нефтяной фонтан всегда ассоциируется с нефтяным пожаром. К сожалению, это факт. Мне приходилось видеть массу фотодокументов о нефтяных фонтанах. Снимок первый — скважина выбрасывает вспененную воду. Снимок второй — из скважины начинает бить нефть. И так далее. А снимок пятый — все пылает, нефтяной пожар. Недаром, как только начинает бить фонтан, немедленно присылают специалистов по тушению нефтяных пожаров. К нам, в Марково, специалисты по пожарам не успели приехать. Это нас несколько ободрило. Раз нет специалистов — пожара не будет.

Но так Иван Петрович рассказывал уже через месяц после того, как фонтан в Марково был благополучно обуздан. А в те тревожные дни вряд ли он был склонен к столь благодушной иронии.

Дамоклов меч нефтяного пожара висел над Марковской разведкой.

Всевозможные меры предосторожности были приняты. Огнеопасный район оконтурили красными флажками. В дело пошли предвыборные лозунги. Выставили охрану, вооружив ее разнокалиберными ружьями с холостыми зарядами. Категорически запретили зажигать лампы и топить печи в ближайших селениях.

Не надо забывать, что на дворе стоял по-сибирски холодный март. Начались стоны и вопли: «Ребятишки не кормлены!», «Картошка в подполье замерзает».

И тогда Иван Петрович Карасев, верный своему правилу испытывать все самому, произвел рискованный эксперимент.

На улице поселка разведчиков, напротив крайнего дома, ближайшего к скважине, на расстоянии каких-нибудь двухсот — трехсот метров от нее, он развел костер, назвав его контрольным. Самое удивительное в этой истории то, что при этом присутствовал старший по званию из всех, находившихся в Марково, сотрудник пожарной охраны.

Мы потом спрашивали Ивана Петровича:

— Помогал вам пожарник разводить костер?

— Нет, — ответил Иван Петрович, — он молча наблюдал.

Закрывать фонтан поручили семерке опытных и отважных людей. Возглавил семерку старший инженер марковской нефтеразведки, заложивший эту счастливую и хлопотную скважину весной 1961 года и пробуривший ее до нефтяных горизонтов кембрийского моря, — Иван Константинович Черняков. Под его началом состояли: буровой мастер Фандеев и бурильщики Сапожников, Чувашов, Мельников, Озеров и Седунов. Не случайно выбрали именно их. Они не один год проработали вместе. В бригаде Чернякова, который тогда был их мастером, забурили они эту скважину. Каждый знал каждого «насквозь» и даже глубже. Каждый доверял мастерству и мужеству своих товарищей.

Общее руководство операцией осталось за Розенбаумом и Чирко.

Но для решающей схватки с фонтаном, кроме бойцов и командиров, нужна была материальная часть. Нужны были арматура, лебедки, цемент для закупорки скважины, машины для его подвозки, бульдозеры для обвалования нефтяного озера.

Осетровский порт и Усть-Кутская РТС выделили электросварщиков для изготовления фонтанной арматуры. Со строительства Братской ГЭС прислали лебедки. Специальным распоряжением Усть-Кутского райисполкома с транзита сняли трактора, бульдозеры и цемент.

Нефтеразведчики получили все необходимое для того, чтобы приступить к обузданию фонтана.

— Я еще раз убедился в преимуществах нашей социалистической системы, — говорил позднее по этому поводу Иван Петрович.

Наконец подготовка закончена. Приступили к закрытию. Первое и, пожалуй, самое трудное — насадить «елку» на конец обсадной трубы и сделать фонтан управляемым. Если уподобить стихийно рвущуюся из-под земли струю дикому необъезженному коню, то можно сказать, задача состояла в том, чтобы надеть на нее узду.

«Елку» подняли тросом, перекинутым через верхний блок буровой вышки. Теперь струя прямо била в фонтанную арматуру и, конечно, отбросила бы ее со своего пути, если бы «елка» не удерживалась тросами, закрепленными на барабанах трех лебедок.

Сначала предполагалось поставить четыре лебедки, но кто-то из главковских специалистов сказал, что проще маневрировать тремя лебедками, и его совет приняли.

По мере того, как «елка» опускалась, приближаясь к обсадной трубе, струя нефти все яростнее ударяла в поставленное ей препятствие. В оглушающем грохоте человеческий голос был нем. Заранее разработали систему сигналов, и главный механик Чирко, координировавший работу лебедок, флажками подавал команду машинистам.

Труднее всего было семерке Чернякова. Они находились в самой нефтяной коловерти. Если раньше нефтяной ливень хлестал только сверху, то теперь прижатая «елкой» струя била во все стороны. Нефтяные брызги секли людей по лицу, разъедали глаза. Люди буквально захлебывались нефтью. Но ни один не дрогнул и не покинул своего рабочего места.

...Казалось, вот-вот «елка» сядет на место. Но три лебедки не могли справиться со струей. Пришлось спешно устанавливать четвертую.

Главковский специалист в отчаянии схватился за голову. Но никто не стал его упрекать. Не до этого было.

Четвертый трос натянулся, как струна, и «елка», вздрагивая, медленно поползла к выходу обсадной трубы.

И тут, когда осталось преодолеть всего несколько сантиметров, туго натянутый трос коснулся металлической опоры. Это видели все. И каждый понимал, что это игра со смертью. Что раньше?.. Сядет на место «елка»... или скребущий по металлу трос высечет зловещую искру...

Прошло несколько десятков устрашающе длинных секунд... Каждая могла стать последней в жизни всех этих усталых, измученных нечеловеческим напряжением, но попрежнему непреклонных в своем упорстве людей.

«Елка» села на место. Бурильщики надежно прихватили ее на болты. Струя глубинной

кембрийской нефти по-прежнему била в небо, но уже через главный ствол «елки».

Фонтан был обуздан.

Через несколько дней после того, как проверили давление и дебит скважины и установили, что она дает в сутки свыше тысячи двухсот тонн нефти, скважину закрыли наглухо, закачав в нее с помощью насосов высокого давления несколько десятков тонн цемента.

Пока бурильщики обуздывали фонтан, остальные работники нефтеразведки вместе с помогавшими им колхозниками и грузчиками Осетровского порта вели многодневную борьбу с нефтью за Лену.

Нефтяное озеро возле скважины давно переполнилось. Нефть растеклась по окрестным ложбинам и настойчиво рвалась к руслу реки. На ее пути воздвигали запруды и плотины: нефть размывала их. Ей преграждали путь новыми плотинами.

Как и в борьбе с фонтаном, здесь тоже победили люди. Победили ценой отчаянно упорного труда, ценой многих бессонных ночей.

Почти на километр протянулась вереница нефтяных озер, перехваченных узкими поясками запруд. В озерах скопилось более тридцати тысяч тонн (пятнадцать большегрузных эшелонов) нефти.

Древнейшей кембрийской нефти. Лучшей в мире.

Об изумительном качестве этой нефти надо писать специально. Приведу только одну цифру. В марковской нефти — 83% светлых продуктов. Она совсем не похожа на обычную нефть. Если бы не зеленоватый опалесцирующий оттенок, я бы сказал, что она напоминает густо стопленное молоко. Бульдозеристы, работавшие на сооружении плотин, и даже шоферы заправляли ею баки своих машин, и моторы великолепно работали на этом первозданном горючем.

И вот тридцать тысяч тонн этой великолепной, лучшей в мире нефти — той самой кембрийской нефти, которую до сих пор добывали только литрами, — скопилось в ложбинах вдоль берега Лены.

Вывезти ее было неподсильно. Сохранить от паводка — невозможно. Оставалось одно. Уничтожить ее. Сжечь.

Нефть выпускали из озера и порциями в тысячу тонн сжигали.

Целую неделю пылали костры, застилая небо черной копотью.

Нелегко было разведчикам смотреть на эти костры. Говорят, некоторые плакали.

Я верю этому.

2

Кембрийскую нефть долго не хотели принимать всерьез.

Соглашались, что такая нефть в природе существует. Факты, хотя и не очень многочисленные и не очень яркие — все же факты. Но весьма неохотно, с большими оговорками признавали ее промышленное значение.

То, что подобную позицию занимали хозяйственники — неудивительно. Хозяйственникам главное — «дать план». И дать его — сегодня. И с этой позиции несколько литров или даже несколько тонн кембрийской нефти имели, как принято говорить в таких случаях, чисто академическое значение.

Куда более удивительно то, что и многие крупные ученые считали поиски кембрийской нефти малоперспективными.

Весьма характерно в этом отношении выступление профессора С. В. Обручева на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири, состоявшейся в Иркутске в 1947 году.

Я заранее прошу извинения за длинную цитату, но рассказать об этом короче — не сумею.

Профессор С. В. Обручев в докладе «Геологические перспективы развития минерально-сырьевой базы Иркутской области» заявил:

«...Второй вопрос, который возбудил очень оживленную дискуссию, — это вопрос о нефти. Нефть обычно связана с краевыми зонами платформ, с теми зонами, где образуются небольшие складки, параллельные складкам геосинклинали. Еще недавно считалось, что в таких древних отложениях, как нижний палеозой (то есть кембрий. — *Ф. Т.*) вряд ли происходило накопление органических осадков в таком количестве, чтобы могла образоваться нефть, кроме того, эти осадки подвергались таким изменениям в течение дальнейшей жизни земли, что трудно предполагать, чтобы эта нефть могла сохраниться.

Но открытие несколько лет назад на реке Толбе в Якутии нефти доказало, что и в древних палеозойских отложениях может заключаться нефть. В связи с этим надежды на палеозойскую нефть (профессор С. В. Обручев упорно не хочет уточнить адрес нефти и назвать ее кембрийской. — *Ф. Т.*) сильно возросли, **но в настоящее время нужно** считать, что вопрос этот практически для настоящего дня не имеет **такого значения, какое ему приписывали раньше.** Это, конечно, чрезвычайно важный вопрос и в научном, и в практическом отношении, **но надежды на обнаружение про-**

мышленной нефти в ближайшем будущем в пределах Иркутской области не так велики.

Поэтому, если решать вопрос о том, как получить немедленно жидкое топливо, то конечно нужно отдать предпочтение получению искусственного жидкого топлива из углей, так как это может быть **сделано немедленно, а промышленные запасы нефти, может быть, будут найдены, может быть, и нет, или может быть — через много времени»** (подчеркнуто везде мною. — *Ф. Т.*).

Большинство геологов, принимавших участие в конференции 1947 года, придерживались иных взглядов.

Профессор Н. А. Флоренсов, главный геолог Восточно-Сибирского геолого-разведочного треста В. С. Карпышев, представитель Якутского геологического треста Ф. Г. Гугари считали весьма перспективными поиски кембрийской нефти в Восточной Сибири и настаивали на их продолжении и дальнейшем развитии.

Профессор В. М. Сенюков, очень высоко оценивая перспективы нефтеносности кембрийских отложений Иркутской области, так закончил свой доклад:

«Путь практического решения проблемы нефтеносности кембрия Восточной Сибири лежит через бурение глубоких опорных скважин для вскрытия предполагаемых нефтеносных фаций нижнего кембрия в районах, не изученных глубоким бурением, куда в первую очередь следует отнести Усть-Кут, Бельск — Усолье и Божежан — Каменск. Темпы и качество работ будут решать успех. Научная вера в нефть, в сибирскую нефть — в этом залог успеха!»

Но были и скептики.

Геолог Толстихина утверждала: «Геологическая история этой территории неблагоприятна для сохранения залежей нефти в том случае, если эти залежи в большом количестве когда-то сформировались». И заканчивала категорически: «Нецелесообразно сейчас вкладывать большие народные средства в дело поисков и разведок нефти в Сибири».

В то время (первые послевоенные годы) сторонников кембрийской нефти было меньше, чем противников. Но многие противники из осторожности предпочитали отмалчиваться, в то время как сторонники весьма энергично отстаивали свои взгляды.

Чтобы понять, почему противников было больше, обратимся к истории поисков кембрийской нефти.

Начало изучения геологического строения и нефтеносности кембрийских отложений Сибири связано с именем отца советской нефтяной геологии академика Ивана Михайловича Губкина. Еще в 1932 году он дал научно обоснованные прогнозы и направления нефтепоисковых работ в Западной Сибири, Прибайкалье и Якутии и лично руководил этими работами.

В 1932 году Московский нефтяной институт направил в Якутию две геологические партии: Д. Зегебарта — в бассейн среднего течения Лены и Г. Фришенфельда — в район междуречья Лены и Вилюя.

В 1933 году в бассейне реки Толбы (правый приток Лены) студентом В. Сенюковым в нижне-кембрийских толщах обнаружены признаки нефти.

Весной 1934 года академик Губкин созвал первое совещание сибирских геологов, на котором вопрос систематических поисков нефти в Сибири был поставлен особенно остро.

В 1935 году создана комплексная Лено-Алданская экспедиция и в ее составе Толбинская геолого-разведочная группа, возглавляемая В. М. Сенюковым. В январе 1937 года в бассейне Толбы на Кучугей-Биллыкской структуре В. М. Сенюковым была получена впервые жидкая кембрийская нефть.

В 1938 году создана Якутская нефтяная экспедиция (начальник А. Кутуков), а несколько позднее создан Якутский геологический трест, и нефтепоисковыми работами была охвачена значительная территория Южной Якутии.

Этими работами была принципиально доказана нефтеносность кембрийских отложений.

В 1939 году началась разведка нефти и газа в Иркутской области. Война приостановила эти работы на целое десятилетие.

За годы с 1939 по 1962 бурением было охвачено двадцать восемь площадей. Всего пробурено около ста глубоких скважин. Многие из этих скважин обнаружили прямые или косвенные признаки нефти и газа.

Но сколько-нибудь значительных месторождений выявлено не было.

Древнейшая кембрийская нефть лежала где-то очень далеко и упорно не давалась в руки.

В работе иркутских геологов В. Васильева, Г. Гришина и И. Карасева «Пути практического решения проблемы нефтегазоносности Восточной Сибири», опубликованной в 1959 году, сопоставляются эффективность разведочных работ в Восточной Сибири и Урало-Волжском районе (Второе Баку).

Авторы приходят к выводу, что по итоговому объему буровых работ 1958 год в Во

сточной Сибири соответствует 1938 году в районах Второго Баку.

Но там к 1938 году были открыты нефтяные районы: Ишимбаевский, Туймазинский, Бугурусланский, Самаро-Лукский, Прикамский и начаты разведкой — Саратовский и Татарский.

В Восточной Сибири к 1958 году не было открыто **ни одного** нефтяного района.

Противникам кембрийской нефти не приходилось особо затрудняться поисками доказательств своей правоты. Оставалось лишь теоретически обосновать свою позицию. В кембрийский период органическая жизнь только зарождалась. Органических остатков было мало, и нефть если и образовывалась, то в мизерных, не имеющих практического значения количествах. Да и та, что образовалась, за пятьсот миллионов лет расползлась, рассеялась в толщах земных пластов.

Следом за теорией шла практика.

30 января 1957 года министр нефтяной промышленности СССР приказал: в связи с необходимостью концентрации основных средств на более перспективных площадях временно прекратить разведочные работы на Усть-Кутской площади, Усть-Кутского района, Иркутской области.

Работы были приостановлены, и открытие марковского месторождения было задержано почти на четыре года.

А в декабре 1958 года начальник Главгеологии РСФСР приказал: упразднить весь трест Востсибнефтегеология.

Первый секретарь Иркутского обкома партии Семен Николаевич Щетинин спешно вылетел в Москву и полтора часа убеждал начальника Главгеологии в реальности поисков кембрийской нефти. Неизвестно, какие геологические доводы он приводил, но жизнь тресту была сохранена.

Ближайшее будущее подтвердило, что секретарь обкома оказался геологически грамотнее начальника Главгеологии. И прежде всего потому, что без колебаний опирался на единодушное мнение иркутских ученых и геологов, которые убежденно верили в кембрийскую нефть Сибири.

Как пример такой убежденности и творческой принципиальности хочется привести эпизод защиты одной диссертации.

Весной 1957 года, то есть вскоре после того, как по приказу министра прекратилась разведка на Усть-Кутской площади, молодой аспирант Георгий Александрович Кузнецов перед ученым советом геологического факультета Иркутского университета защищал кандидатскую диссертацию.

В отличие от многих печально обтекаемых диссертаций, работа молодого ученого завершалась конкретными практическими выводами.

Опираясь на тщательный геологический анализ структур, Кузнецов утверждал, что наиболее перспективной структурой является марковская антиклиналь и предлагал заложить глубокую скважину близ деревни Марково на Лене.

Молодого ученого не смутило то, что пробуренные уже в этом районе скважины не обнаружили нефти. Он доказал, что эти скважины были заложены без правильного учета геологической обстановки: не на своде, а на замыкании структуры.

Не смутил его и приказ министра, оценивающий район Усть-Кута как мало перспективный, так же как не смутили и возражения оппонентов, в числе которых был и управляющий трестом Востсибнефтегеология И. П. Карасев.

В своем заключительном слове Кузнецов сказал:

«Выступление Ивана Петровича Карасева, как всегда, было живым и интересным, но несмотря на это, оно ни на иоту не поколебало моих убеждений о направлении дальнейших поисковых работ на нефть».

И снова утверждал, что кратчайший путь к кембрийской нефти лежит через деревню Марково.

И все же сам Георгий Александрович Кузнецов не претендует на то, чтобы его считали первооткрывателем марковского месторождения.

Думается, что он прав.

Когда одного из старейших геологов Восточной Сибири, бывшего начальника Иркутского геологического управления Игоря Константиновича Минеева спросили, кого он считает первооткрывателем марковской нефти, он ответил примерно так:

«Крупные геологические открытия не падают с неба и не являются результатом внезапного гениального озарения. Для того, чтобы возникла уверенность в перспективности того или иного района, необходима многолетняя предшествующая этому работа десятков, а иногда и сотен геологов и геофизиков, изучавших и разведывавших данный район».

И действительно, марковская скважина была заложена в соответствии с разработанным в 1957—58 гг. планом региональных комплексных геофизических исследований и опорного бурения, в составлении которого принимали участие: геологи — Васильев, Гришин, Карасев, Кравченко, геофизики — Са-

винский, Шехт, Мандельбаум, Троицкий, Пятин, научные работники — Притула, Мордовский и многие другие.

Когда Л. К. Овченков составлял геологическое обоснование на заложение марковской скважины, он опирался на исследования десятков геологов, начиная от академика В. А. Обручева, который еще в конце XIX века заложил основы стратиграфии данного района, и до работ геолого-съемочной партии под руководством Г. К. Гинзбурга, которая в 1952 году составила геологическую и структурную карты право- и левобережья верхнего течения Лены.

В нашей стране принято по заслугам награждать людей за их трудовую доблесть и успехи в труде.

Будут отмечены и открыватели марковской нефти.

Пока же можно лишь сказать, что для того, чтобы забил марковский фонтан, требовались и фанатическое упорство В. Сенюкова и его товарищей, доставших первую каплю кембрийской нефти, и принципиальная убежденность Г. Кузнецова, поверившего в марковскую скважину, и организаторская деятельность И. Карасева, мужественно отстоявшего самое право искать нефть в Прибайкалье, и самоотверженная упорная работа приленских нефтеразведчиков во главе с И. Черняковым и Л. Овченковым, и, конечно, многолетний героический труд геологов и геофизиков, исходивших тысячи километров по суровой и нехоженой сибирской тайге.

И чем глубже вникаешь в суть дела, тем зримее становится, что это не только история открытия одного из крупнейших месторождений нефти, но прежде всего история о несгибаемом упорстве убежденных в своей правоте людей, о их гражданском мужестве и принципиальности, об истинно коммунистическом отношении к своему труду.

3

До Усть-Кута мы добрались на рейсовом самолете АН-2.

Мы — это управляющий трестом «Востсибнефтегеология» Иван Петрович Карасев, работник Главгеологии инженер Сергей Сергеевич Васильевский, член президиума ЦК геологов Макар Васильевич Резниченко, председатель Иркутского теркома Юрий Николаевич Степанченко, журналист Александр Гайдай и я.

Из Иркутска вылетели в ясное теплое июньское утро. На небе ни облачка. Но в промежуточном порту Жигалово нас огорчили. Усть-Кут не принимает. Проливные дожди расквасили аэродром. Надо ждать.

— Сколько?

Диспетчер аэропорта пожимает плечами.

— Как погода в Усть-Куте. Разведрит, подсохнет аэродром — часа через два полетите. Занепогодит — на ночевку останетесь.

— А если и завтра в Усть-Куте дождь?

— Еще ночку переночуете.

Дальнейшие «а если?» просто бессмысленны.

Надо же так... Здесь, в Жигалово, чистое небо. Термометр, прибитый в тени под навесом крыльца, показывает 28°. А в Усть-Куте холодно и затяжной дождь. И это в пределах одной области. Размышляя по поводу контрастов погоды, нагляднее постигаешь значительность сибирских расстояний, скрадываемую вошедшей в быт авиацией.

Нам повезло. Над Усть-Кутом разведрило, и часа через три мы втиснулись в кабину. Впрочем, разведрило не очень-то. Пролетев минут пятнадцать, самолет все чаще стал зарываться в облака, оседлавшие верхушки зажавших Лену гор.

Кто-то из пассажиров опасливо вспомнил, что потолок у нашего АН-2 всего пятьсот метров, что он мало приспособлен для слепого полета.

— Вы забываете о пилотах, — успокоили его. — Ветераны трассы. Могут лететь с завязанными глазами.

Пилотам глаз никто не завязывал, и через два часа мы благополучно, хотя и претерпев основательную болтанку, приземлились на Усть-Кутском аэродроме.

Аэродром на правом берегу, город на левом. Нас ожидал райкомовский полуглиссер. С трудом вместились и поплыли. Райком от аэропорта в одиннадцати километрах, на другом конце города.

Горы прижимают Усть-Кут к берегу, и он растянулся вдоль Лены почти на пятнадцать километров.

Усть-Кут — ворота на северо-восток Сибири. Здесь конечная станция железной дороги, связывающей бассейн Лены с Великой транссибирской магистралью, и перевалка грузов с железной дороги на Лену. Экономическое значение города возрастает не по дням, а по часам. Сибирская нефть открывает городу новые блестящие перспективы.

Усть-Кут быстро растет. Я не был здесь десять лет и поражен обилием новых зданий, изменивших облик города.

Издали видно величественное белое здание на крутом берегу. Высокую бетонную набе-

режную украшает традиционная ограда из массивных, важно провисших цепей.

— Вокзал порта Осетрово, — говорит Юрий Николаевич и с гордостью добавляет:— Второй по величине в Сибири после Красноярского.

— Осетрово?— удивляется Макар Васильевич. — Мы же летели в Усть-Кут?

— У города три имени, — поясняет Юрий Николаевич. — Сам город — Усть-Кут, его речной порт — Осетрово, железнодорожная станция — Лена.

Дальше на многие сотни метров протянулись пирсы, густо оснащенные портальными кранами. Плавно поводя ажурными длинными стрелами, краны споро разгружали стройные, окрашенные в веселые светлые тона самоходные лихтеры.

Я вспомнил грузные неуклюжие деревянные баржи и толпы грузчиков с седелками на спине, торопливо бегающих с тяжелой поклажей по зыбким досчатым сходням...

Да, и Усть-Кут и Лена сильно переменились за последние десять лет.

В райкоме нас сразу провели к первому секретарю, Николаю Семеновичу Сябренко.

Нефть сейчас в Усть-Куте — вопрос № 1. И сразу же завязался оживленный разговор о делах и неотложных нуждах марковской разведки.

Прислушиваясь к беседе геологов с секретарем райкома, я понял, что Николай Семенович отлично знает состояние марковских дел и что райком не стоит на позициях бесстрастного наблюдателя, а энергично и действенно помогает нефтеразведчикам.

— Теперь еще теснее наши связи будут,— сказал Николай Семенович. — Вчера приняли в члены партии начальника марковской разведки Валентина Михайловича Шалагина, и в кандидаты — старшего инженера Ивана Константиновича Чернякова. Теперь можно создать в разведке парторганизацию.

Шалагин и Черняков сидели тут же за длинным райкомовским столом, и когда Николай Семенович сказал, что теперь можно с них вдвойне спросить за кембрийскую нефть, оба улыбнулись.

Шалагин, невысокий, несколько склонный к полноте, но живой и подвижный, с открытым счастливым лицом сангвиника, улыбнулся весело, даже слегка лукаво, а смуглый широкоплечий и немного угловатый Черняков — смущенно, можно сказать, стеснительно.

Николай Семенович особенно упирал на необходимость как можно быстрее строить жилье.

— Если будете так копаться, застанет вас зима в летнем платье. К вам люди едут из Баку и с Поволжья. Для них наша зима сама по себе страшна. Они не умеют зимой жить в палатках. Да и сибирякам зимовать в палатках — не сахар.

Впрочем, с ним никто не спорил. И Карасев и остальные геологи были озабочены тем, что жилье строится медленно. Выяснилось, что в Марково нет опытного строителя, и Николай Семенович, посоветовавшись с работниками райкома, тут же порекомендовал нефтяникам опытного прораба.

— Какой оклад можете дать? — спросил он у Карасева.

Иван Петрович ответил с присущим ему размахом:

— Какой надо. И плюс каждый месяц премиальные, если будет строить хорошо.

От Усть-Кута до Марково сто сорок километров вниз по Лене. В нашем распоряжении был райкомовский полуглиссер. Но теперь, когда к нам присоединились Шалагин с Черняковым, полуглиссер никак не мог вместить нас.

Нам выделили катер «Прибой». Тот мог забрать не только восемь, но и восемнадцать, а при нужде и тридцать шесть пассажиров. Но Карасев оставил за собой и полуглиссер. И пояснил, что хозяева поедут вперед, чтобы приготовить ночлег гостям.

Так мы и разделились. Хозяйственникам достался стремительный полуглиссер, а профсоюзникам и литераторам — старый, видавший виды «Прибой».

Кто-то, кажется, Саша Гайдай, пошутил: размещение не только показательное, но даже символичное.

«Прибой» отплыл в семь вечера. Иван Петрович помахал нам с причала рукой и еще раз заверил: «Мы вас встретим!» У него в запасе была великолепная скорость полуглиссера.

Кроме нас четверых, в каюте катера оказался еще пассажир. Точнее, пассажирка. Тоненькая, смуглая и черноволосая женщина, похожая на подростка-школьницу. Просто не верилось, что огромный рюкзак, лежавший рядом на скамье, только что был на ее хрупких плечах. А у женщины, кроме рюкзака, был еще внушительный чемодан.

Кто она и куда едет, на ночь глядя, с такой тяжелой поклажей?

Степанченко спустился в каюту последним. Увидев его, женщина обрадованно улыбнулась:

— Юрий Николаевич!

Они радушно поздоровались, и Юрий Ни-

колаевич представил нам нашу новую спутницу.

Ее звали Дорой. От отчества она решительно отказалась.

Завязался разговор. Выяснилось, что Дора тоже из беспокойного племени геологов. Она исследует и систематизирует обнаруженные в древнейших отложениях останки животных и растительных организмов. В чемодане у нее были образцы. Она показала нам их. На обломках темно-серого, почти черного камня оттиски каких-то не то жуков, не то рачков. Дора называла их трилобитами.

— Это в кембрии, в кембрии! — несколько раз повторила она. — Жестоко ошибаются те, кто пытается доказывать, что кембрий был беден органической жизнью.

Без лишних уточнений было ясно, что перед нами убежденный сторонник кембрийской нефти.

Дора увлеченно рассказывала о находках, сделанных ею и ее товарищами. И мы даже не успели репортерски беззастенчивыми вопросами разведать ее биографию. Уже потом Юрий Николаевич рассказал нам, что Дора родилась, выросла и училась в Закарпатье. И, окончив там институт, по собственному желанию приехала в Сибирь.

Уже начало смеркаться, а в каюте совсем стемнело, когда Дора, глянув в окно, сказала, что ей пора выходить.

— Почему? — удивились мы.

Оказалось, что где-то в этих местах, недалеко от реки, работает партия геологов. Их тут, вдоль Лены, не одна. И Дора должна во всех этих партиях побывать, осмотреть отложенные для нее образцы с отпечатками древнейшей флоры и фауны.

— И где же завершится ваш маршрут?

— В Марково.

Мы стали уговаривать Дору ехать до Марково.

— Не все ли вам равно? Начнете с той партии, что в Марково, и будете двигаться не вниз, а вверх по Лене. Вся и разница.

— Нет, — возразила она. — Мне удобнее сойти здесь. Двигаться по реке вниз легче, чем вверх. Не подвернется катер — можно на лодке. А вверх по реке труднее.

— Ночь на дворе. И ветер такой холодный. Да и как вы одна по тайге!

— Тут недалеко, километра полтора. Тропа знакомая.

Катер пристал к берегу. Мы помогли Доре выгрузиться. Она поднялась на обрыв, круто нависший над узкой полоской бечевника. Катер развернулся и поплыл вниз по реке. Дора помахала нам рукой. На блеклом фоне почти погасшей зари ее тоненькая фигурка с горбом рюкзака за плечами была похожа на добродушного сказочного гнома.

Потом она повернулась и пошла от берега к спускавшемуся с горы лесу. Мы долго смотрели ей вслед, пока маленькая фигурка не слилась с теменью тайги.

Мне стало как-то не по себе при мысли, что мы — четверо сильных, здоровых мужчин — едем в теплой, укрывающей нас от холодного ветра каюте, а эта хрупкая женщина, сгибаясь под тяжестью поклажи, бредет сейчас одна по ночной тайге.

Кажется, и остальные думали о том же. По крайней мере, все хмуро молчали.

— Вот, такая вот работенка у геологов, — сказал, наконец, Юрий Николаевич.

Я долго стоял на палубе, не замечая злого ветра, усиленного встречным движением катера.

В долину реки неторопливо, по-хозяйски вступала ночь. Между темной водой и темными склонами берегов, уходящими далеко вверх к самому небу, смутно просвечивала прибрежная песчаная кайма. Узкий серп ущербной луны, как бы обозначая путь катера, проложил по густой воде зыбкую серебряную дорожку...

После крутого поворота погасли заслоненные откосом огни прижавшейся к берегу деревеньки. Скрылась за тучами краюшка месяца. Темень воды слилась с теменью берегов. И если бы не огоньки створ и бакенов, можно подумать, что катер плывет не по реке, а по безбрежному темному морю...

В Марково добрались около двух часов ночи. Стремительный полуглиссер так и не обогнал нас. В селе, как и следовало ожидать, все спали. Улеглись и мы на лавках в каюте катера. Но уснуть как следует не успели.

Нас «догнали» хозяева на полуглиссере и повели на ночлег.

По-настоящему огляделись утром.

Лена, в Усть-Куте только сделавшая заявку на звание великой сибирской реки, здесь уже явилась нам полноводным потоком шириною более полукилометра. Мощь реки подчеркивалась тем, что пойма ее привольно раскинулась между далеко раздвинутыми лесистыми кряжами материкового берега.

По обеим сторонам реки селения. То, что сейчас условно объединяют в одном названии «Марково», на самом деле целое гнездо деревень. Средняя школа, в которой мы ночевали, находится в селе Марково. Это старинное ленское поселение. Первый дом поставил здесь триста лет назад землепроходец Кипрюшка

Марков. По его имени и село назвалось. И по сию пору среди коренных жителей всего куста деревень едва ли не более половины Марковых.

Рядом с селом Марково — деревня Мироново. Напротив, через реку, Матвеево и чуть выше по течению — деревня Верхне-Марково. Вплотную к ней примыкает поселок нефтеразведчиков.

Неподалеку от крайнего дома поселка — знаменитая теперь на всю страну марковская опорная скважина № 1, хлестнувшая в день выборов редким по мощи фонтаном кембрийской нефти.

С этой скважины и началось наше знакомство с марковской нефтеразведкой.

Запах нефти мы услышали по меньшей мере за километр. А вскоре заметили и видимые признаки. Переходя по досчатым мосткам узкую, но глубокую рытвину, разделяющую Верхне-Марково и поселок разведчиков, мы увидели радужную пленку на поверхности журчавшего под ногами ручья.

— Уж вроде вся выгорела, — сказал сопровождавший нас Овченков, — но сама земля пропиталась нефтью и теперь отдает помаленьку.

Возле самой буровой не было никаких следов нефтяного потопа. Нам объяснили, что в противопожарных целях верхний слой почвы, пропитанный нефтью, сняли бульдозерами. И теперь вся площадка вокруг буровой была похожа на истоптанную пашню.

От буровой вышки остались только фундамент и насаженная на конец обсадной трубы многорукая металлическая «елка».

Черняков отозвал меня и показал на серо-бурый от насохшей глины деревянный желоб.

— Здесь подняли Виталия Ефименко...

Голос его прозвучал глухо, и всегда живые темные глаза потухли.

Потом мы прошли вдоль ложбины с обгоревшей землей. На дне их скопились лужицы воды. Поверх воды матово блестела пленка нефти. И казалось, что это нефть, сжатая в глубине тяжелыми пластами земной коры, продавливается сквозь поры земли на ее поверхность.

Возле крайнего дома поселка Иван Петрович остановил нас.

— Здесь я раскладывал контрольный костер.

Мы огляделись.

Стены домика потемнели от впитавшихся капель нефтяного дождя. В палисаднике перед окнами когда-то росли куст черемухи и два небольших кедра. Сейчас черемуха скорбно протягивала голые ветви, длинная шелковистая хвоя кедров побурела и поникла.

— Вы родились под счастливой звездой, Иван Петрович, — сказал кто-то из нас.

Карасев пожал плечами.

— Надо же было успокоить людей.

Я спросил у инженера из Главгеологии:

— Когда же начнется здесь промышленная добыча нефти?

— Для того, чтобы приступить к разработке месторождения, надо знать величину его запасов. Тогда определится и способ разработки, и способ транспортировки добытой нефти, — ответил Сергей Сергеевич. — Короче говоря, после того, как даст ответ вторая разведочная скважина. Она заложена в километре от первой. Если она покажет такой же дебит, как и первая — значит, налицо мощный нефтяной пласт. Окончательно определятся запасы после того, как пробурятся скважины по ожидаемому контуру залежи. Но принципиальный ответ даст уже вторая. Та, что сейчас бурится.

Я с невольным уважением посмотрел на воткнувшуюся в небо вышку.

Издали она была похожа на телевизионную мачту. Но когда мы приблизились к ней, то оказалось, что это не только мачта, но и сложный производственный агрегат.

По обитому из толстых плах помосту мы поднялись на площадку, где работала бригада бурильщиков. Толстый трос, перекинутый через крон-блок, удерживал колонну труб, медленно вонзающихся в скважину. Старший бурильщик, иначе начальник смены, массивным рычагом регулировал скорость бурения.

Где-то рядом, за стенкой, гудели и рычали работающие моторы. Там машинное отделение буровой. Там работают дизеля общей мощностью во много сотен лошадиных сил.

Черняков, пригибаясь к самому моему уху, дает пояснения.

Принцип работы буровой установки не сложен. Дизеля приводят в движение насосы, которые нагнетают по трубам в скважину глинистый раствор. Давление огромное — в несколько десятков атмосфер. Глинистый раствор, проносясь через турбобур, вращает турбину, на конце которой закреплен рабочий инструмент — долото, высверливающее скважину в толще земной коры. Глинистый раствор по затрубному пространству поднимается на поверхность, вынося попутно измельченную долотом породу. Порода оседает в отстойнике, а раствор снова закачивается в скважину.

Но все это просто только в пересказе.

На деле же работа бурильщика требует основательных знаний, солидного опыта и, сверх всего, быстроты соображения, решительности и мужества.

Надо не только знать, какую поступательную скорость придать долоту в данной породе, но и чувствовать, понимать в каждое мгновение, что происходит там, глубоко под землей.

Ошибаться нельзя: превысишь допустимую в данных условиях скорость — вызовешь аварию; понизишь скорость против возможной — снизишь проходку, сорвешь выполнение плана. И надо — в каждую минуту! — определять, и определять точно, безошибочно максимальную возможную скорость.

О проницательных людях говорят: «На три аршина в землю видит». Бурильщик должен «видеть в землю» на три километра (именно на такой глубине его подстерегают особые неожиданности). Не говоря уже о чрезвычайных, так называемых форомажорных обстоятельствах, когда, например, обвалится скважина, оборвется сверло или, наконец, внезапно выбросит газ или нефть...

И хотя беглые пояснения Чернякова наполовину, если не на три четверти, заглушены ревом моторов, становится понятно, что бурильщик — профессия серьезная.

Метрах в тридцати от работающей буровой установки — избушка на курьих ножках. И к ней тянутся медные не то толстые провода, не то тонкие трубки.

Это каротажная будка.

Подходим к ней. И первое, что бросается в глаза — на досчатом крылечке женские резиновые сапожки. Мы смотрим на свою обувь и после этого не входим в будку, а только, открыв дверь, заглядываем внутрь.

В будке во всю стену какой-то замысловатый аппарат, отдаленно напоминающий пульт управления электростанции. По крайней мере, тут тоже какие-то измерительные приборы с круглыми циферблатами и настороженно застывшими стрелками.

За пультом миловидная молодая женщина. Это оператор-каротажник Галя Большакова.

Вот так же сидел у своих приборов Виталий Ефименко... всего десять недель назад...

И как будто угадывая наши мысли, Галя Большакова показывает нам, на котором именно циферблате дрожала и металась стрелка, когда из скважины «*пошел газок*».

Потом мы побывали на строящихся буровых установках.

Строить буровые — дело тоже не простое. И трудность даже не в том, чтобы смонтировать в полевых условиях такую махину, как сорока или пятидесятиметровая металлическая вышка. Сложность в том, что приходится ставить их в самых неожиданных местах. Не там, где удобнее по наземному рельефу, а там, где надо по рельефу подземных пластов.

За примерами ходить недалеко. Одна из строящихся в Марково вышек сооружается в таежной чащобе, на крутом склоне горы.

В обжитых нефтяных районах (Баку, Татария) введено разделение труда. Одни бригады строят буровые, другие — бурят. В Сибири бурильщики делают все сами. Начиная с расчистки площадки и сооружения фундаментов и до монтажа вышки и установки двигателей.

Мы побывали на трех строящихся буровых. На первой из них фундамент был уже готов. Массивный ростверк, связанный из могучих стволов вековых сосен и лиственниц, толщиной без малого в полтора обхвата, возвышался метра на два над землей.

Нам рассказали, что конструкцию фундамента разработали сами марковцы. По типовому проекту фундамент должен быть бетонным. Деревянный фундамент, по сравнению с бетонным, экономит много времени и средств.

— Есть возражения? — спросил Карасев у представителя Главгеологии.

Сергей Сергеевич внимательно осмотрел ростверк и твердо сказал:

— Благословляю.

Карасев тут же распорядился представить в трест все необходимые расчеты для премирования рационализаторов.

На второй из строящихся буровых только приступили к сооружению фундамента, а на третьей, расположенной на крутом склоне горы, заканчивалась лишь расчистка и планировка площадки.

Всеми работами по строительству буровых руководит прораб Александр Петрович Карпилайнен. Это человек среднего роста, крепкого сложения, с энергичным задубевшим на солнце и морозе лицом и с детски простодушными голубыми глазами. Он немногословен, но к каждому его слову с вниманием прислушиваются не только руководители разведки, но и сам управляющий трестом.

Это понятно. Александр Петрович построил не один десяток буровых в разных концах Восточной Сибири.

Я слышал, как Карасев говорил начальнику разведки Шалагину:

— Раз Карпилайнен здесь, за буровые не тревожусь. Все они будут готовы к сроку. И вы ему не мешайте, а сами займитесь строительством жилья.

Сейчас внимание Александра Петровича сосредоточено на двух последних буровых. Эти буровые сооружаются бригадами, прибывшими из Татарии. Одну бригаду возглавляет молодой инженер Владимир Чернозубов (они сооружают буровую на склоне горы), вторую — столь же молодой техник Александр Травин (их буровая на другом правом берегу Лены).

Бурильщики они опытные, но строить им приходится впервые. Поэтому особая забота Александра Петровича Карпилайнена оправдана.

Вечером возле конторы нефтеразведки состоялось общее собрание.

Контора помещается в давно срубленном, но еще надолго годном добротном пятистеннике. Двор необъятных размеров, на глаз не менее гектара. Основательная ограда из толстых плах. На задах длинный двухэтажный амбар.

Заинтересовавшись, расспрашиваю одного из рабочих, не знает ли, кому принадлежал этот дом.

Рабочий, видимо, из местных жителей, рассказывает охотно и обстоятельно. Дом принадлежал самому богатому мужику в округе. В двухэтажном амбаре хранились товары. Хозяин занимался также и торговлей. Но был он мужик не только оборотистый, но и умный. Односельчан не притеснял. А когда началась коллективизация, первым вступил в колхоз, передал артели, без утайки, все свое имущество и много лет был председателем колхоза.

На двор вынесли стулья и расставили рядами. На всех стульев не хватило. Расселись кто на ящиках, кто прямо на траве. А несколько парней подкатили стоявшую поодаль телегу и разместились в ее кузове.

Управляющий трестом рассказал о положении дел и задачах коллектива, о том, какое значение придается сибирской нефти, какие меры принимают министерство и главк, чтобы шире развернуть разведочные работы.

Слушали внимательно. Задали много вопросов. Выступали горячо и заинтересованно.

То, что марковской нефтеразведке установлен план по бурению, равный прежнему плану всего треста, никого не озадачило. Говорили о том, что может помешать развороту работ. О нехватке техники: тракторов, бульдозеров, автомашин. О неполадках в материально-техническом снабжении. И больше всего о том, что медленно строится жилье и некуда будет принять людей, которые едут на подмогу сибирякам.

Иван Петрович обстоятельно отвечал на вопросы, докладывал, сколько, чего и откуда отгружено.

На это один из рабочих возразил: отгружено — это, конечно, хорошо, а еще бы лучше, кабы поступило. Лето в Сибири короткое. Каждый день дорог.

Рабочий был прав. Много особенно дорогого в Сибири летнего времени упущено.

Я внимательно прислушивался ко всему, что говорилось на собрании, и складывалось впечатление, что в министерстве и главке еще какое-то время бытовало по инерции пренебрежительное отношение к сибирской нефти, и даже эффектный марковский фонтан не смог сразу преодолеть этой инерции.

На собрании разгорелся спор, как быстрее строить жилье.

Управляющий трестом посоветовал привлечь всех рабочих. Пусть в свободное от работы время все, умеющие держать топор в руках, строят для себя небольшие двухквартирные дома. А бригада строителей будет собирать поступающие с домостроительного комбината шестнадцатиквартирные.

Предложение пришлось большинству по душе, его горячо поддержали.

Неожиданно возразил инженер Чернозубов.

— Стране нужна сибирская нефть, — сказал Чернозубов. — И нужна как можно быстрее. Сроки зависят от нас, буровиков. Поэтому считаю, что превращать квалифицированных бурильщиков в плотников неразумно. Если не хватает людей, мы согласны работать две смены, но там, где мы дадим наибольшую пользу. И вообще, я думаю, раз изменились масштабы работ, надо менять организацию труда. Сейчас у нас какое-то натуральное хозяйство. Сами рубим лес, сами копаем землю, сами строим буровые, сами бурим. Теперь еще сами будем строить дома. Многие из наших ребят топора в руках не держали. А бурить они умеют. Надо уже сейчас подумать об организации специализированных бригад, ввести правильное разделение труда.

Уже после собрания я долго размышлял: кто прав? Видимо, прав был Карасев, предложивший использовать все возможности коллектива, чтобы быстрее строить жилье. И правильно поступило собрание, приняв его предложение. Но прав был и молодой инженер Чернозубов. Он яснее других видел завтрашний день и уже сегодня говорил о том, что завтра станет решающе важным: о правильной, технически грамотной организации труда. К тому же молодой инженер не был педантом и сам признал, что пока нет настояще-

го разворота буровых работ, все, в том числе и его бригада, могут и должны помогать строить жилье.

На следующий день мы уже наблюдали, с каким энтузиазмом приступили нефтеразведчики к строительству «своих» домов.

Поздно вечером мы на рейсовом теплоходе линии Киренск—Усть-Кут отплыли из Марково.

Если бы я писал не очерк, а путевые заметки, то рассказал бы подробно, какой великолепной ухой угощали нас в бревенчатом домике Ивана Константиновича Чернякова, с каким достоинством и тактом исполнял роль тамады Иван Петрович Карасев, как умело и торжественно разливал он уху по тарелкам (больше разливать было нечего. По неизвестной для нас причине, скорее всего из-за нерасторопности местного сельпо, в Марково в те дни действовал «сухой закон»).

Но так как все это к кембрийской нефти не имеет прямого отношения, ограничусь этим упоминанием.

4

Осталось сказать несколько слов о прогнозах и перспективах.

Опираясь на дебит марковского фонтана, работники Востсибнефтегеологии определили ориентировочные запасы месторождения в несколько сот миллионов тонн. Бурящиеся сейчас и закладываемые скважины уточнят эти прогнозы.

Ясно одно — открыта нефть промышленного значения.

Еще важнее то, что структур, подобных марковской, в Иркутской области обнаружено много. Теперь работы по глубокому бурению развернутся с должным размахом, и нет сомнения, что они будут успешными.

Если же говорить о марковском месторождении, то промышленная его разработка в корне изменит облик прилегающего района и по-новому определит направление его экономического развития.

На месте старинного села Марково вырастет новый светлый социалистический город. Разведчики уже назвали его Нефтеленском.

В названиях улиц и площадей нового города будут увековечены имена смелых и упорных разведчиков кембрийской нефти. И, конечно, в городе ленских нефтяников будет улица Виталия Ефименко.

* *
*

Сейчас, когда пишутся эти строки, там, в Марково, долото второй контрольной скважины грызет вторую тысячу метров. Начала работу еще одна буровая. Скоро и остальные вступят в строй.

За околицей деревни Матвеево поднялись корпуса шестнадцатиквартирных домов. Вырисовывается уже первая улица — улица Сибирских нефтяников.

Коллектив марковских нефтеразведчиков пополняется новыми энтузиастами, приехавшими из далекого Баку. Среди них бурильщик Хачатур Богиян, буривший когда-то первую скважину на Нефтяных Камнях Каспия, а затем пробуривший скважину, давшую первую индийскую нефть.

Хорошие, замечательные люди едут на Лену. Упорно работая вместе со старожилами-сибиряками, они дадут Родине Большую Сибирскую нефть.

А когда эти строки легли на журнальную страницу, ленские разведчики уже отрапортовали стране светлой кембрийской нефтью из второй марковской скважины.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Валентина Марина

Добрые люди

Скоро здесь будет море. Напоенный влагой ветер будет приносить целительные дожди. А пока широкая долина реки с вырубленными лесами — раздолье для лихого северо-западного ветра. Всю нынешнюю весну он шумел, разбойно посвистывал над Приангарьем, закручивал пыльные столбы на распаханных полях, выхватывал зерно из-под рожков сеялок, слепил глаза и уносил, без конца уносил куда-то драгоценную влагу.

Сколько интересных людей встретишь сегодня в Приангарье! Коренные жители этих мест с неподвижными каменными скулами, потомки казаков с веселыми голубыми глазами, такими неожиданными на темных, продубленных суровыми ветрами лицах, угрюмоватые, неторопливые переселенцы из Чувашии с их четкими, словно углем нарисованными чертами. Но всех их, таких разных, таких непохожих, роднит одно — беспокойство о будущем урожае. Опоздаешь с посевом на неделю — не досчитаешься осенью многих тонн.

На заре поднимаются трактористы, прицепщики, сеяльщики, кладовщики, подвозчики зерна и возвращаются, когда багровое от пыли солнце устало сваливается за какую-нибудь лобастую гору. Но и тогда не замирает жизнь на полях. Всю ночь, вспарывая темноту тревожным светом прожекторов, поднимают яровой клин, вносят аммиачную воду трактористы. А за полночь, в самый чертов темный час заспанные поварихи, зябко позевывая от холода, везут им ночной незамысловатый ужин, и привычные лошади в сплошной черноте распаханных полей уверенно находят дорогу.

Надо ухватывать проворно бегущие весенние дни. Приангарская степь, как своенравная красавица, щедро одарит того, кто спешил к ней, не досыпая ночей, не страшась холода и пыли, и жестоко обманет нерадивого, трусоватого. Весь июнь, а то и половину июля не будет здесь ни одного дождя. Чахлыми и желтыми поднимутся поздно посеянные хлеба, едва зародив по три-четыре щуплых зерна на маленьком, колючем колосе. Зато те, что взяли силу от нерастраченной весенней влаги, станут стеной над узкими полевыми дорогами и, кланяясь в пояс полновесным, налитым колосом, сполна отплатят за бессонные ночи, за не вовремя съеденный обед, за пыль и холод трудной посевной.

Главный агроном Первомайского совхоза Гавриил Калинович Белов только в два часа ночи вернулся со второго отделения, но в семь утра он уже побрит, причесан, и свежая рубашка под старым пиджаком повязана галстуком.

Мне нравятся эти новые молодые руководители. Всем своим видом они доказывают, что можно крепко, с душой работать и «думать о красе ногтей». А ведь совсем недавно щеголевато одетого в разгар посевной агронома сочли бы пустельгой, бездельником. Один тоже молодой агроном с горечью рассказывал мне тогда: «Попало мне вчера на бюро райкома. План сева, говорят, не выполнен, а он жену под руку и в кино!»

Скажи сегодня такое Белову — только усмехнется, как явной глупости, на которую не стоит отвечать.

Мы едем по разоренным, умирающим улицам старого Балаганска. Большинство домов уже перевезено на новое место. Повсюду битый кирпич, стекло, остатки фундаментов, осиротелые, с ободранными боками печи.

Чернеют пеньки вырубленной рощи. Теперь мало кто помнит, что был Балаганск уездным городом, центром большой плодородной округи в 38 тыс. квадратных верст. Московский тракт, а потом железная дорога низвели его до положения районного села, а Братская ГЭС добила. Летом над старым Балаганском сомкнутся воды Братского моря. Но сейчас в это плохо верится: под колесами юркого газика дымно пылит накатанная, сухая дорога.

— С одной посевной работы хватает по маковку, а тут еще это переселение... — говорит Гавриил Калинович. — Осенью, как хлеб вывозили, сюда машин нагнали — не передохнуть. Сейчас бы нам хоть третью часть — и в один день вывезли бы все, что надо. Но не вдолбишь! Был я с месяц назад у одного такого товарища в облисполкоме, старался втолковать — только улыбается да сочувствует. Между прочим, деньги получает не за сочувствие, а прямо-таки за подготовку водохранилища. Каждый месяц. Есть же такие!

Вроде жалуется человек, а молодое лицо его весело, даже озорновато. Видна в нем та сила, которая не боится забот, а сама ищет, где бы схватиться с трудностями, одолеть их, проверить себя.

Совсем недавно, всего семь лет назад Белов окончил Иркутский сельскохозяйственный институт, а уже работал и в степном Куйтунском, и в таежном Тайшетском районах. В Приангарье ему нравится — простор! Больше двадцати трех тысяч гектаров запашки в одном Первомайском совхозе, тысячи голов тонкорунных баранов, батальоны сложной техники. Есть, где развернуться, есть, где поставить эксперимент, есть, за что отвечать. И, кажется, его нисколько не радует предстоящее повышение — перевод в территориальное управление.

— Я здесь только-только людей узнал, помощниками обзавелся. Ведь в таком хозяйстве один за всем не доглядишь — пропадешь, —хмурясь, рассказывает Белов. — А люди здесь замечательные, — снова улыбается он и предлагает: — Давайте заедем к Зое Зеленикиной. Она у нас первая, еще 7 мая отсеялась с пшеницей. А ферма, между прочим, самая трудная. Поля неудобные, блюдцеобразные. Края оттают, а в середине еще лед. Это подземные воды вымоют где-нибудь залежи соли, вот и получаются такие блюдца. Но Зоя их не боится — одолевает! Ульяновский сельскохозяйственный институт кончила. Волжанка. А ничего. Осваивается у нас на Ангаре.

Радуясь успеху товарища, снова весь засветился улыбкой Белов. И это тоже нравится мне в нем: рассказывая о людях, об их работе, достижениях, ни разу не сказал «мы», «я», «руководство совхоза». Словно его и нет, этого руководства. А может, так оно и есть? Может, лучший метод руководства в том и заключается, чтобы подобрать на каждый участок дельных, инициативных людей и потом не мешать им? Все равно ведь нельзя объять необъятного — доглядеть самому за каждым гектаром из двадцати тысяч, за каждой овцой, за каждым пастухом и трактористом. Только закружишься, себя замучаешь и людей недоверием обидишь.

ВОЛЖАНКА НА АНГАРЕ

Конечно, это была пустая затея — найти Зою Зеленикину в семь часов утра на усадьбе фермы. Еще на заре, не доглядев сладких девичьих снов, она вскочила с теплой постели. Плеснув в загорелое лицо студеной водой, торопливо расчесала светлые волосы, сунула ноги в ловкие маленькие сапожки.

— Хоть молока стакан выпей,— спросонья сказала соседка по квартире Надя. Но где там! Быстрая Зоина фигурка уже промелькнула под окнами. Легкие торопливые шаги простучали по крыльцу общежития молодых механизаторов. Тут спят, как глыбы каменные, — мертво. Даже храпа не слышно, даже не шевельнется никто во сне. Наверное, как упали с вечера — кто на бок, кто на спину, кто на живот, — так и не повернулись ни разу за ночь. Но звонкий девичий голос действует, как мощный магнит: одна, другая, третья заспанная голова с трудом оторвалась от подушки. Теперь встанут все тринадцать. Нужно поспешить на зерновой склад, проверить, отмерил ли кладовщик семена, а тогда уж на конный двор, к своему Гнедку...

Встретив на улице эту тоненькую девушку с застенчивым взглядом светлых, ясных глаз, примешь ее за библиотекаршу, учительницу, фельдшерицу. И уж никак не скажешь, что это идет совхозный бригадир, хозяйка тысячи гектаров пашни, трехтысячной отары мериносов, командир из крепких, как сказал о ней Белов. Чем же она берет, эта хрупкая девушка?

— Когда ты спишь, беспокойная твоя душа?! Девичье это дело — парней на работу подымать? Сказала бы мне с вечера... — хрип-

лым от ночной сырости голосом ворчит сторож Макаров, помогая Зое запрячь коня. Руки его уже плохо гнутся, движения медлительны, и весь он, похожий в своей широкополой соломенной шляпе на старый гриб, только мешает проворной Зое, но девушка не подает и виду. Незаметно перехватывает из старческих рук супонь, чересседельник, ловко подтягивает потуже гужи.

— Боюсь я, Иван Евдокимович, не пересохла бы земля на Веркином лугу. И рано еще кукурузу сеять, а жалко землю — сохнет!..

— Ты за Веркин луг не страдай, дочка. Ты вот за птичником, за птичником пустошь засевай быстрее. Сколь я примечал и деды говорили, пустошь эту, почитай, все дожди обходят. Разве обложной какой на неделю привалит, тогда — да. Вот ее давай, дочка...

— Спасибо, Иван Евдокимович! Я это учту, — легко вскакивая в бричку, благодарит Зоя.

Приложив корявую, как яблоневое корневище, ладонь к бровям, Иван Евдокимович долго смотрит ей вслед, и с лица его долго не сходит восхищенная улыбка:

— Умна, умна девка!.. Обходительная.

Старику восьмой десяток. Мудрено ли ему забыть, что еще осенью девушка подробно выспросила у него и других старожилов про каждое поле, что пустошь за птичником уже неделю назад засеяна пшеницей. Невдомек ему, старому, что молодые ребята из общежития могли бы и не послушаться деда: «Тебе, мол, гриб трухлявый, не спится, так нам не мешай». А Зоя сама с ними танцевала до поздней ночи и все же встала раньше всех! Как тут не подняться? Но поблагодарить старого человека за добрый совет никогда не лишне. Зоя этого не забывает...

Вот это уменье уважительно ладить с людьми, внимательно учиться у стариков и быть добрым товарищем ровесникам в их труде и развлечениях и помогает молодому агроному в трудных, незнакомых условиях.

Когда ранней весной гидрологи предупредили, что большая часть полей шестого отделения совхоза летом будет затоплена и вместо фермы на Песках останется одна бригада, агроном отделения Зоя Зеленикина выразила желание стать бригадиром.

Справится ли? — опасался кое-кто. И не без оснований. Только что окончила институт, не сибирячка, местных условий не знает. А главное — молода. Очень молода. Будут ли ее слушаться? Бригада-то не из легких. Старожилы, кто поживее, поухватистее, уже переселились повыше. Остались старики, инвалиды да ленивые, которым без государственной помощи с места не взяться. Ну и работники они таковские! А присланные из Воронежского училища молодые механизаторы... Кто их знает? Казалось более разумным поставить над ними пожилого, солидного дядю, а не эту зеленую девчонку.

Пожилой, солидный дядя — бывший бригадир на Песках Павел Никанорович Дрыгин, он теперь заместителем у Зои, был другого мнения о молодом агрономе.

— Зоя, она покрепче меня будет. Кое в чем, конечно, зелена — ну да это дело наживное. Главное — характер у нее крепкий. Не смотри, что тоненькая, а не согнешь.

Мы разговорились с Дрыгиным в обеденный перерыв, когда конторка бригадира, она же будка киномеханика, буквально клубилась от табачного дыма и гудела от разбойного ветра. Довольно жмурясь не то от хорошего обеда, не то от возможности посидеть, покурить в тепле после нескольких часов, проведенных в седле на свистящем ветру, Павел Никанорович рассказывал:

— В прошлом году, аккурат в это же время, в посевную перепал дождь с вечера. Утром солнце проглянуло, да мало — земля жидкая, забивает поводки. Сидим, значит, в этой же вот конторке, ожидаем, пока обдует, чертыхаемся: кому же охота полдня терять? Вдруг слышим: газик подскочил. Кому это, думаю, припала нужда по грязи?.. А они уж тут как тут — входят. Уполномоченный из области, видный такой мужчина, в годах. Сапоги на нем хорошие, хромовые, и все в грязи — с утра, видать, по полям мотается. И председатель райисполкома наш с ним. Тот позади держится, не выступает.

— Почему сидите? — спрашивает этот, уполномоченный. Голос такой категорический — сразу оказывает большое начальство. Робею я таких.

— Земля, — говорю, — сырая. Поводки забивает.

— Сырая! Вы кто — бригадир или мокрая курица? Солнце в полнеба, а у него сырые настроения, видите ли. Сейчас же выезжайте! Сеять!

Я-то понимаю, чего он расходился. Двадцатое число, сводка по району не закрытая, вот и лютует. Ну что ты тут станешь делать? Председатель райисполкома побольше меня начальник, а молчит. Мне, думаю, что же, больше всех надо, что ли? Поднялись мы.

Но только это ребята к тракторам подались, завести еще не успели — Зоя на своем Гнедке подлетает.

— Куда это вы? — спрашивает.

Не успел я ответить, как этот уполномоченный уж тут как тут.

— Отменил я ваше распоряжение, девушка. Сеять надо, а не на солнышке греться. — И не так уж категорически, как мне, а добродушно даже: девчонка, мол, еще. Чего ее пугать?

А Зоя тихо так — голос у нее перехватило — спрашивает:

— Как же я потом разберусь, где наши бракоделы поле испортили, а где вы?

Он, уполномоченный-то, покраснел весь до синего.

— Вы, — говорит, — давайте своим словам отчет. Вас еще на свете не было, когда я в партию вступил...

Зоя тоже покраснела. Молчит. Оробела, думаю. А он опять свое:

— Выводите машины!

Зоя тогда с брички соскочила, подошла ко мне и громко так:

— Если вы, Павел Никанорыч, сейчас начнете сеять, я вас отстраню.

Стою я, кручу головой, как дурак, — кого слушать? Ребята посмеиваются. А уполномоченный накалился, я думаю: плюнь — так зашипит.

— Нет, это я вас отстраняю! — кричит. — Девчонка! Недоучка! Мы еще выясним, кто вам диплом агронома...

— А вы меня сюда не ставили, чтобы снимать. — Зоя это отвечает. Пятнами вся пошла, а тихо говорит, выдержанно.

Он, это, кинулся к телефону. Директора, главного агронома, начальника отделения... Да кого же в посевную в кабинете прихватишь? Никого, на наше счастье, не оказалось. Сели в машину, укатили. Долго мы потом боялись за нашу Зою. Но ничего, пронесло. Ребята в тот день с обеда почти всю дневную норму выполнили, а мы и без того впереди графика по севу шли...

Павел Никанорович притушил о подошву окурок и, натягивая кожаные рукавицы, признался:

— Я бы так не посмел. А Зоя может. Конечно, образование, оно что-нибудь да обозначает. Дает силу...

Образование дает силу. Пройдет еще несколько лет, и каждый бригадир на наших сибирских полях будет иметь диплом агронома. Но сила Зои Зеленикиной не в одном образовании. Сила ее в поддержке коллектива, а люди поддерживают ее потому, что сама она каждую минуту думает о них. Молодые, озорные ребята из Воронежского училища слушаются Зою, как старшую сестру, потому что не было случая, чтобы Зоя не позаботилась о горячем обеде для них, чтобы не подумала о том, на какую работу послать неоперившегося паренька, чтобы и заработок был, и хозяйство не страдало.

Да, в отношениях Зои Зеленикиной к молодой своей бригаде есть что-то от сестры, от главы семьи. Она старается всегда быть с ними. У Зои персональный выезд — длинноногий красавец Гнедко. За двадцать минут домчит он ее на центральную усадьбу совхоза, где каждый день новый фильм в клубе, танцы, молодые специалисты, с которыми ей, девичьим делом, не плохо бы завести знакомство. Но как оставить эту большую разношерстную семью? Со скуки еще напьются, не выйдут на работу. И Зоя каждый день устраивает на Песках молодежные вечера. Если нет кинокартины — танцуют под радиолу, поют, читают вслух интересные книги. Зоя — душа таких вечеров. Ведь она — городская, образованная, умная. У такой есть чему поучиться парням и девушкам. И такой не откажешь, если днем на полях она попросит сделать какую-нибудь работу быстрее, лучше, ко времени. Не отказывают же старшей сестре! Умной, доброй сестре.

ВЕРА ИВАНОВНА

Еще в кабинете директора совхоза мы то и дело слышали это имя.

— Скажите Вере Ивановне. Она распорядится...

— Обращайтесь к Вере Ивановне. Без нее я вам ничего не скажу...

— Это Вере Ивановне. Она заказывала.

И на коммутаторе первое, что я услышала, это предупредительный голос телефонистки:

— Обождите на проводе, Вера Ивановна. Сейчас я его разыщу...

Я подумала, что Вера Ивановна, наверное, главный бухгалтер совхоза. Есть такие влиятельные главные бухгалтеры, умеющие держать в своих руках всех. А оказалось...

На Мельхитуй, центральную усадьбу первого отделения совхоза, мы приехали в восемь часов утра узнать, куда уехала агроном Кузнецова. Но она сама вышла навстречу, разгневанная и громогласная.

— Порядочки у вас на центральной усадьбе, Гавриил Калинович! До восьми часов за-

держали мне заправку машин. А сеяльщики с пяти часов ждут зерно, баклуши бьют. Матерей от детишек оторвала, а для чего?

— Но, Вера Ивановна...

Какое там! Вера Ивановна не дала Белову и слова сказать, пока не расплескала весь гнев, скопившийся за три часа бесплодного ожидания. Она искренне страдала за сохнущую землю, за будущий урожай. Она была права, и главному агроному пришлось клятвенно обещать, что горючее всегда будут завозить прямо на усадьбу отделения.

Если Зою Зеленикину можно принять за учительницу, то Вера Ивановна и внешне — прирожденный командир. Когда она, плотная, присадистая, с энергичным, обветренным лицом и въедливым взглядом, разъезжает по полям, сразу видно — едет хозяйка. От нее не скроешь огреха, ей не соврешь. Узнает, увидит на два метра в земле. Да и как ей не знать, как не видеть, если на этой земле, на этом отделении совхоза она уже двадцать лет бессменный агроном.

— Двадцать лет назад — это что! — смеется Вера Ивановна. — Двадцать лет назад здесь всего восемьсот гектаров запашки было. Делать нечего! А теперь около десяти тысяч. Есть где развернуться да есть где и повертеться агроному. Скучать некогда!

Да, у нее свои, очень верные представления о работе агронома.

Своего коня Вера Ивановна назвала Агрономом.

— Уж тоже, придумала кличку, — укоризненно заметил зоотехник.

— А что? — удивилась Вера Ивановна. — Работящая лошадь, хорошая.

Впрочем, лошадь вряд ли выдержала бы такую нагрузку, какую вот уже двадцать лет, не жалуясь и не охая, несет Вера Ивановна. Управляющие на этом отделении меняются часто. Рядом с деловитой, энергичной Верой Ивановной слабый руководитель выявляется быстро, а сильного тотчас забирают на отстающий участок. Ничего, мол, Вера Ивановна и без него обеспечит дело. И обеспечивает. Это на ее отделении выросли и ярко светят такие замечательные маяки, как свекловод Щербаков, кукурузовод Дудников, тракторист Гергесов. Все они молоды, всех их Вера Ивановна начинала учить с мальчишек. Это ее отделению в нынешнем году установлен небывалый план: обеспечить миллион рублей дохода.

Каждое утро послушно ждут команды этой невысокой, крепкой женщины десятки людей, а вечером старательно отчитываются. И никто не слукавит. Вера Ивановна целый день рядом с каждым человеком из своего коллектива. В жару и в холод, в хлещущий ветер на легкой своей бричке носится она из конца в конец отделения. Где посоветует, где проверит, а где и накричит, если что не так. Всякое бывает, но на Веру Ивановну еще никто не обижался. Люди понимают: не от тяжелого характера этот крик. Болеет человек за дело, ночей не досыпает в страду, а ведь дома семья. Растить четверых детей и для домашней хозяйки не легко, а на такой работе поди-ка, попробуй! Ведь не в городе, где и водопровод, и газ в кухне, и стиральная машина, и прачечная, и детский сад. Какой мужчина не спасовал бы в таком положении?

В прошлом году не дали совхозу обещанного культиватора для междурядной обработки свеклы. Приуныл было Ваня Щербаков. Попробуй-ка прополоть вручную пятьдесят гектаров! Вот-вот заглушат сорняки медленно набирающую силу свеклу. А ведь он обещал собрать по 200 центнеров корней с гектара. Что делать? Вера Ивановна тоже обеспокоилась. Только она не из тех, которые унывают. Метнулась к домашним хозяйкам:

— Выручайте, подружки! Беда!

Механизаторы в совхозе зарабатывают по 200—240 рублей в месяц. Их женам нет нужды работать в поле. Воспитывают детей, потихоньку ведут свое хозяйство. Но если просит Вера Ивановна, как тут откажешь? Она сама детная мать, у самой хозяйство не всегда ухожено. А ведь болеет человек за общее дело!

Все женщины из Мельхитуя, с Налюр, с Острова вышли с детьми-школьниками. Восемьдесят человек, как один, стали в ряд. Какой тут сорняк устоит! Чистенькая, как на плакате, стояла плантация Щербакова. 228 центнеров с гектара собрал он в тот год. А сколько из них ее, Веры Ивановны?

Никто этого не считал, а меньше всего сама Вера Ивановна.

— Особой заслуги в этом нету, — сказала она, когда кто-то начал «делить славу». — Ваня Щербаков, он в долгу не останется. Он у нас на следующий год по 300 центнеров соберет. Старательный. Такому помогать — одно удовольствие. Да и недосуг мне считаться!..

Что верно — то верно. Досуга у Веры Ивановны не бывает. Вот сегодня задумала вернуться домой пораньше. Перебрать семенной картофель для своего огорода. Кроме-то кто сделает? Старшие дети учатся: кто в интернате в Балаганске, кто в техникуме в Иркутске, а младшая Наташа еще мала.

Да мало ли что задумала! Завернула по-

смотреть, как сеет Щербаков свеклу, а там неприятность. Средние рожки специальной свекловичной сеялки, те, что идут по колее тракторного колеса, зарывают семена. Что делать? Пока обдумывали, обсуждали с механиком, как переставить рожки, чтобы летом не мучиться с междурядной обработкой, день догорел.

— Все равно уже не успею перебрать картошку, — вздохнула, садясь в бричку, Вера Ивановна и направила своего Агронома на бобовое поле. Со дня на день собиралась проверить, проклюнулись ли семена. В этом году они с Беловым рискнули посеять бобы на месяц раньше прошлогоднего. Не зря ли старались? Может, лежат семена в холодной земле покойниками.

Уже в сумерках разыскала знакомое поле, нашарила квадрат и вынула тепло желтеющий с проклюнувшимся ростком боб. Взялись семена! Теперь не страшна им июньская засуха. Налитые вешней влагой, дружно поднимутся бобы, возьмут силу, рано дадут скоту корм. Бережно, как ребенка в колыбельку, уложила Вера Ивановна семена ростками вверх, прикрыла, как одеялом, землей и выпрямилась, разогнула натруженную за день поясницу. Вздохнула, казалось, без особой грусти:

— Опаздываю с картошкой. Старею, видно. Хоть бы ребята скорее кончали техникум. — Она представила своих юношей-сыновей взрослыми, женатыми, самостоятельными людьми. Нет, не потому мысленно торопила Вера Ивановна это возмужание, что тяжело ей было посылать им в город половину своей скромной зарплаты агронома. Просто так много накопилось опыта, знаний, наблюдений за землей, что необходимо это кому-то передать, как эстафету. Счастлив тот, кто может передать дело своей жизни детям!

Бывая на пленумах райкома, Вера Ивановна не раз слышала горестные сетования председателей колхозов, агрономов, совхозных руководителей: уходит молодежь из деревни, не любит сельского хозяйства, чурается! А вот она счастливая. Она сумела привить своим сыновьям любовь к земле. Не потому ли, что сама любила ее самоотверженно, безоглядно, больше, чем себя?

Застоявшийся Агроном нетерпеливо заржал: «Давно пора отдыхать тебе, хозяйка. Да и мне. Я хоть лошадь, а все не двужильная!»

Вера Ивановна тяжело поднялась в бричку и отпустила поводья. Уже совсем стемнело. Лошадь сейчас лучше человека найдет дорогу домой. А хозяйке есть о чем подумать и без этого. Завтра предстоит тяжелый день. Надо заканчивать сев пшеницы. А многонько ее еще не посеяно. Пойдет ли сцеп из четырех сеялок на целине под Унгой? Сначала проверить, как продисковано...

Глубоко была запрятана в душе Веры Ивановны печаль о своем огороде, не давала она ей ходу. А все же была печаль. Потому и не утерпела, всплакнула крепкая Вера Ивановна, когда, вернувшись домой, увидела рассортированный, перебранный картофель. Школьники с песнями выносили из подполья мусор, мыли в кухне полы.

— Кто вас послал, ребятишки? — утирая повеселевшие глаза концом грубой пропыленной косынки, спросила Вера Ивановна.

— А мы сами.

Хорошо, когда живешь на людях и для людей. Засыпая в тот вечер, Вера Ивановна видела бескрайние поля, буйные зеленые всходы гороха, свеклы, кукурузы, неоглядное море пшеницы. Это все должна родить и родит ухоженная ее трудами, щедрая приангарская степь.

— Это все вам, добрые люди! Это все тебе, моя Родина!

Нет, она не говорила этих слов, Вера Ивановна. Она не умела говорить красивыми словами. Просто отчего-то сладко сжималось сердце и не спалось, несмотря на усталость. И далекий шум тракторного мотора на пахоте был, как нежная желанная музыка.

ДОВЕРИЯ!

Заведующая молочной фермой Мария Александровна Керских смотрит на председателя колхоза, как на икону. Она еще нынешней весной была просто Машей, студенткой Иркутского сельскохозяйственного института, а Кузнецов только в председателях больше, чем она, Маша, живет на свете!

— Он тут был, когда еще первые колхозы организовывались. Тогда еще кулаки убивали коммунистов... — блестя своими серыми, широко распахнутыми глазами, рассказывала мне Мария Александровна. Для нее, двадцатичетырехлетней, эти бурные времена — уже глубокая история, и Адам Макарыч некоторым образом тоже историческая личность.

— Вы знаете, какой у него авторитет в колхозе? Адам Макарыч сказал — это все!

У нас самый большой колхоз в Заларинском районе — четыре деревни объединяет, а он не то что каждого колхозника — каждого мальчишку, каждую девчонку знает, чья она. Да что я — девчонку, — улыбнулась Мария Александровна. — Он про каждую корову с фермы вам лучше, чем я, расскажет!

Положим, я это знала и без нее. Года два назад Адам Макарыч получил серьезное предупреждение за переманивание колхозников из зоны затопления в Балаганском районе. Но никого он не переманивал. Просто по всему Приангарью известен богатый колхоз «Власть Советов» и его председатель, отзывчивый, чуткий к людям, как говорят в народе, душевный.

Но сегодня Адам Макарыч, на взгляд Марии Александровны, говорит совсем несуразное:

— Мало ли что ветврач подписал! Это еще не есть акт выбраковки. Вот ты съезди в Зиму, возьми подпись главного зоотехника территориального управления, а тогда уж и машину на мясокомбинат проси.

— Да что, главный зоотехник лучше нас с вами нашу Зорьку знает? Или он у Ягодки зубы считал? — изумилась Мария Александровна.

— Считал-не считал, а такой порядок, — строго сказал Адам Макарыч и схватился за трубку надсадно верещавшего телефона.

Мария Александровна вышла, растерянно прижав к груди «недооформленные» акты выбраковки коров. В серых ее, широко распахнутых глазах застыло недоумение.

«Верните ее, Адам Макарыч! Нельзя так отпускать молодого, неопытного работника!» — хотелось крикнуть мне. Но я вовремя удержалась. Ну что он ей скажет? Что его, коммуниста с 1930 года, поседевшего в председателях колхоза, потомственного крестьянина, подозревают, будто он может зарезать на мясо молочную корову? Абсурд! Однако подозревают. И не только в этом.

Подслушал мои мысли бухгалтер Иван Григорьевич Шкуратов или сам думал о том же, только он сказал, под иронической улыбкой пряча обиду:

— Нашему брату, сельскому руководителю, веры ни в чем нет. Обманем!.. В посевную или вот уборочная начнется — каждый день передаем в район и в территориальное управление сводки по телефону. Но если секретарь райкома или председатель райисполкома, да из области какой уполномоченный наедет, он первым делом сводку эту по рапортичкам учетчиков пересчитает. Это уже как закон! И скажи, как руку набили на этом деле! — заразительно расхохотался Иван Григорьевич. — Моим бы счетоводам такую сноровку! Цены бы им не было!

— Ну какое же руководство без проверки? — останавливает его Адам Макарыч. — Без проверки нельзя.

Но Иван Григорьевич не согласен.

— Проверять надо, да разве очковтирателя или обманщика в конторе поймаешь? Он же к сводке все документы подгонит, квитанции даже о сдаче хлеба предъявит, какого и не сдавал вовсе. Разве таких случаев не было?

— Были, — хмуро соглашается Адам Макарыч.

— То-то! — победоносно хлопает рукой по худой своей коленке Иван Григорьевич. — А по мне, если закралось в душу подозрение или сигналы какие поступили — иди ты в поле, на ферму, в амбары, к людям. Уж они-то дадут понять, если председатель колхоза заврался или, чего нет хуже, переродился, совесть свою партийную потерял. В поле только и увидишь, какая она, сводка, — верная или липовая. А так что ж... За себя я не говорю, я здесь человек новый, а вот за него, — кивнул бухгалтер на Адама Макарыча, — бывает мне в такие минуты до крика обидно. «Что же вы, думаю, держите его столько лет в председателях, если ни одному его слову не верите? Да еще прямо так, наглядно ему это показываете! Каково ему, при его седых волосах, сидеть и ждать, пока вы убедитесь, что он не жулик!»

— Да что там пересчет! На это я уже и внимания не обращаю, — не выдержал и сам Адам Макарыч. — Мне другое обидно — не хозяева мы своей земли! Когда вышло постановление сентябрьского Пленума ЦК о том, что колхозы должны сами планировать свое хозяйство, мы как обрадовались. Ну, наконецто! — Председатель вздохнул шумно, от глубины души и продолжал устало:

— Давно ли дело было, а уж и забылось все. Посылаем в район план свой перспективный и наверняка знаем — «прокорректируют». Еще случая не было, чтобы хоть одну отрасль хозяйства утвердили по нашим наметкам. Где-нибудь в захудалом хозяйстве поголовья не хватает — значит, нам план увеличат. А выгодно нам или не выгодно именно в этом году, скажем, овцеводство расширять — не спрашивают. Спустили план — выполняй! Будто мы сами не заинтересованы расширять хозяйство там, где это прибыль даст? Вот, скажем, овощи, нам их не планируют — мы не пригородная зона. Однако если с толком это дело вести, так в 1960 году они, морковки

эти, нам больше денег дали, чем молочная ферма. Овощеводы у нас гоголями ходили. А в прошлом году им раз — по рукам! Надо бы возить морковь, свеклу, а нас заставили зерно в первую очередь вывозить. Сводка хлебозаготовок по району не шла. Вот и поморозили овощи. Люди дополнительной оплаты за хороший труд не получили. А труд-то ведь был, отличный труд. Спрашивается, будут они в нынешнем году так стараться? Вряд ли!

— А нынче с гречкой... — напомнил Иван Григорьевич.

— Да, вот с гречкой, — живо откликнулся Адам Макарыч и сердито отодвинул пустую чернильницу. — Вот и с гречкой!.. У нас она плохо родится, а соседи в Халтах — исконные гречишники. Я же знаю, на этих землях вырос. Хотели мы нынешней весной кооперироваться с Халтами. Мы за них пшеницу, они за нас — гречку. Не разрешили. Всем разверстали поровну. А почему нельзя было по-нашему? Чем бы государство от этого пострадало?

Кто мог ответить ему на это? Адам Макарыч и не ожидал ответа.

— Пойти посмотреть, чего там Тимофей тянет, — поднялся он из-за стола.

Иван Григорьевич принялся разыскивать по телефону районное начальство. А я в ожидании, пока председательский шофер Тимофей подгонит машину, решила набросать статью для территориальной газеты. Но статья «не шла». Из головы не выходил давешний разговор, уже не первый за эту поездку по колхозам и совхозам. Почему нет доверия сельскому руководителю, тому, кто непосредственно трудится на земле? Я не раз пыталась выяснить это у разных людей. По-разному мне отвечали. Но особенно запомнился разговор с парторгом КПСС по Иркутскому территориальному управлению Игорем Николаевичем Дорошкевичем.

— Вы представляете себе сельских руководителей этакими ангелочками с крылышками. А это обыкновенные люди. И они очень часто ошибаются. Вот, например, за первое полугодие совхозы нашей зоны дали государству пять миллионов рублей убытка. В новых деньгах! Каково? Разреши таким руководителям хозяйничать по своему усмотрению, и каждая корова-тугодойка пойдет под нож. Будут сеять одну пшеницу — благо, ее полоть не надо — и хлебом кормить свиней. Спокойнее же!

Я вспомнила хозяйственного, себе на уме мужичка Адама Макарыча, осторожного, предусмотрительного директора Первомайского совхоза Власова, угрюмого, беспощадно требовательного к себе и к людям Семена Герасимовича Блинова из колхоза «Годовщина Октября»... Нет, ни одному из них не нацепишь ангельских крылышек. Да они в ангелы и не лезут. Но дело свое, землю свою, людей, которые на ней работают, лучше их не знает никто. Стремятся ли они к вольготной жизни? Попыталась представить себе Блинова отдыхающим в гамаке и не смогла. Это же заряд энергии! Его ноги не знают другой обуви, кроме грубых рабочих сапог. Он, наверное, и во сне видит одни свои поля.

Может быть, Адам Макарыч? Да он только потому и страдает болезнью сердца, что никогда не знал покоя и не стремился к нему...

— ...Если бы мы все пустили на самотек, у нас и кукурузы бы до сих пор не было, — продолжал доказывать мне ошибочность моих взглядов Игорь Николаевич. — Помните, с каким нажимом приходилось внедрять эту культуру?

Я помнила. Нажим был крутой, директивный. Кое-кто «схлопотал» за кукурузу выговор, кое-кто потерял место. Но нынешней весной на совещании в Зиминском территориальном управлении я подслушала любопытный разговор двух председателей колхозов.

— Сколько ты нынче кукурузы сеешь, Павел Антонович?

— Планируем гектар семьсот.

— Не боишься без кормов остаться? Вдруг заморозок?

— Центнеров по триста — двести пятьдесят зеленой массы все равно получим. А думаем взять по пятьсот...

— Смотри, как наловчились! А у меня не удается кукуруза.

— Прибедняйся! Вы же новаторы-зачинатели, — в голосе Павла Антоновича звучит явная издевка. Но собеседник не обижается:

— Понимаешь, как тогда, в первый год померзла она у нас да скот начал падать, не могу людей на кукурузу повернуть и шабаш! Бригадиры и те за напрасный труд считают; прополка или подкормка — сперва на пшеничку людей пошлют, а на кукурузу уж как бог даст!

Нет, ничего хорошего не может дать административный нажим. Нигде! А в сельском хозяйстве особенно. Ведь что получилось у нас в Иркутской области с кукурузой? Хозяева поосмотрительней, те, что привыкли начальство слушать да и сами думать, отнеслись к ней осторожно, сеяли понемногу, приглядывались, применялись. И применились! Стали сеять наряду с кукурузой вико-овсяные, горохово-овсяные и другие морозостойкие сме-

си на случай, если сожгут нежную южанку нередкие у нас августовские заморозки. А родится хорошо кукуруза — можно пошире размахнуться с животноводством, продать корма соседям, где не уродилось, оставить траншею-другую консервированного корма на следующий, еще не известно, какой год. Запас карман не ломит, и без страхового фонда кормов в суровых сибирских условиях нельзя.

А вот собеседник Павла Антоновича, — таких тоже не мало, — прогремев одну весну во всех газетах «новатором» и «зачинателем», еще не один год будет чесать затылок и «поворачивать» своих колхозников на ту самую кукурузу, которая давно уже обогащает соседей.

А что дал административный нажим с освоением целинных земель? Стремясь отличиться в этом новом деле, руководители Усть-Ордынского национального округа распорядились распахать все солончаки. Напрасно противились исконные скотоводы буряты — распахали! И вот там, где овцы за два часа наедались на целый день, где нагуливал жир особенный усть-ордынский барашек, лежит безобразная, подернутая солью пашня. На ней ничего не выросло. А овец пасут по болотам и отправляют на мясокомбинаты тощими, измотанными копытницей.

Я думала об этом под горячую, убежденную речь Игоря Николаевича. А он приводил массу примеров прямо-таки поразительной бесхозяйственности. Чувствовалось, что человек не засиживается в кабинете и умеет видеть. Но будь в территориальном управлении, в райкомах и в райисполкомах все работники такими же глазастыми и непоседливыми, как Дорошкевич, — разве сумеют они уберечь от ножа каждую буренку-тугодойку, от сорняков — каждый гектар пропашных, от хапуг и растяп — каждый рубль народных денег? Не сумеют. Уже доказано. Пять миллионов рублей убытков за полгода там, где можно было получить десятки миллионов рублей прибыли на ранних овощах, на молоке, на курах-несушках...

Где они, эти прибыли? Их может обеспечить только народ, заинтересованный в своем деле. Только народ-хозяин может предупредить все потери, вовремя подсказать руководителям, откуда хозяйству грозит беда, схватить за руку хапугу и отнять вожжи у дурака. И тут мне вспомнилась трудная весна нынешнего года. Трудная не только потому, что пришлось разом менять десятилетиями складывавшуюся систему земледелия, но и потому, что нынешней весной хлеборобы области тяжело расплачивались за последствия тоже немало лет культивировавшейся системы мелочной опеки и недоверия.

В прошлом году во многих районах области сильно пострадали посевы кукурузы. Кормов не хватало даже для дойного гурта, а молодняк всю зиму стоял на соломе. Что сделал бы в этом бедственном случае рачительный хозяин? Сдал бы на мясо весь малопродуктивный скот, чтобы сохранить в порядке молочных коров и ремонтный молодняк. Но этого сделать никому не разрешили. Надо было сохранить на фермах соответствующее количество коровьих хвостов. И что вышло?

— У нас, как в Библии, — с горечью рассказывал мне весной животновод колхоза «Годовщина Октября», Куйтунского района, Виктор Михайлович Михайловский. — Семь тощих коров пожрали семь тучных. Вот эта беззубая Поляна третий год всего на два соска доится, а ей от рекордистки Ласточки силос отрывали... Разве это по-хозяйски! А пуще всего породистых телочек жаль. Они ж только формируются, молочные качества закладывают в себе. Какие уж там качества с соломы!.. Сейчас их хоть одним клевером корми — что ушло, то ушло!

Пали надои на молочных фермах, пали привесы, пали заработки работников животноводства. Да и то, что заработано, не так-то просто было выплатить. Совхозы по два-три месяца задерживали заработную плату. Обернуться трудно. Люди увольнялись пачками. А те, кто оставался, тоже ловчили от горячей весенней страды то на рыбалку, то на городской рынок, чтобы подороже продать мешок картофеля или сотню яиц. Затянулся весенний сев. И за полгода область не выполнила ни одного вида поставок государству. Зато на фермах был полный комплект хвостов!

Быть может, государственные обязательства в создавшейся бескормице все равно нельзя было бы выполнить. Но скот бы вышел из зимовки в хорошем состоянии, и уже в середине лета хозяйства могли бы сдавать полноценное мясо. А у нас и осенью на бойни понуро брели костистые, шелудивые бычки, так и не сумевшие, несмотря на хороший травостой, оправиться от зимней бескормицы. Грош ему цена. Мясо третий сорт, ниже средней упитанности. Директора совхозов так и считают, что до основной сдачи зерна им не расплатиться даже с первоочередными долгами.

Убытки, долги, падеж скота... Это не от земли, не от людей, не от климата. Это от плохого руководства. С этим спорить не будешь. Но откуда же им взяться, хорошим руководителям, в условиях мелочной опеки и унизительного недоверия?

И опять, в унисон моим мыслям, заговорил Иван Григорьевич, так и не дозвонившийся до того, кого искал:

— Я до колхоза в промышленности работал. Тоже вопросов нерешенных тьма. Однако директор есть директор. Никто не станет ему командовать, какой цех чем загрузить, когда оборудование ремонтировать, а когда план гнать. Это уж они с главным инженером решают. Ну, производственное совещание созовут, а тут... Вот, скажем, наш колхоз. Когда он какое задание не выполнил? Из года в год выполняет все обязательства перед государством, колхозники на жизнь не жалуются. Чего же еще? Ну и дайте коллективу возможность проявить свою инициативу! Так нет. Все планируется сверху: когда и что сеять, когда убирать, как убирать, сколько работникам начислить за высокую производительность — ну все! Куда ни кинь — директива, постановление, указание.

— Поехали! — крикнул с крыльца Адам Макарыч. Под окном уже мягко урчал подремонтированный добротный газик.

Мы двинулись на заимку Шабалину осмотреть недавно установленную «елочку».

Хорошо в полях на исходе июня. Пшеница уже поднялась высоко, густая, ровная, с сизоватым муаровым отливом. Стоит колос к колосу. Ее еще может ударить ранний заморозок, могут смешать дожди. Но сейчас она как молодая мать — спокойна, красива, благодатна! И легкий ветерок, что прорвался по долине реки, кажется, не смеет волновать ее, а только нашептывает ей что-то, чуть касаясь колосьев. Красивы, как говорит Тимофей Есипов, техничны и недавно прополотые посевы кукурузы. Коренастые, разлапистые растения стоят меж черных квадратов, как солдаты на смотру.

— Хорошо нынче потрудились кукурузоводы, — довольно щурясь, говорит Адам Макарыч. — Хоть Козлова Георгия Трофимовича взять, хоть Петра Шабалина, хоть Ивана Батикова...

— А кто плохо-то работал нынче? — ловко обходя высунувшуюся на дорогу корягу, спросил Есипов.

— Так, чтобы сознательно отлынивающих вроде нету, — согласился Адам Макарыч. — Остановика-ка, Тима, посмотрим на свеклу.

Свеклу букетировали — прорывали лишние корни. Нудная и тяжелая работа. Но, видно, заработок компенсировал труд — поле пестрело людьми, и никто не бросил своей борозды, чтобы поговорить с председателем, как это часто бывает в колхозах.

Адам Макарыч прошел поле из конца в конец, кряжистый, приземистый, зоркий, с кем пошутил, с кем перекинулся словом, а кому указал на огрех. Всех он знает в лицо и никого не назвал по фамилии.

Я смотрела ему вслед и думала:

«Сколько же неиссякаемых сил таится в народе, если вопреки ненужной опеке, недоверию вырастают, выковываются в колхозах такие вожаки, как он? Для него словно бы и не бывает ни заморозков, ни засух. Ведет он свой колхозный корабль уверенно, плавно. И не держи такого вожака на помочах, что бы он мог сделать еще на этой своей родной земле!

Драгоценные качества руководителя. Они ведь выковываются не в оранжерее постоянной опеки, а на жестоком ветру самостоятельности. Предоставьте директору совхоза самому решать, как поступить в трудном для хозяйства случае, будь то неурожай, бескормица или эпидемия. Да пусть он потом сам за себя, без ссылок на директивы свыше отчитывается и перед государством за план и перед коллективом за низкий заработок и задержку заработной платы. Увидите — за один год научится человек быть и предусмотрительным и осторожным, а главное — научится с народом советоваться. С народом, без которого при любых умных директивах и дотошных проверках не поставить, не поднять никакого дела.

Научится! А кто не сумеет, не захочет — ну что ж. Вот тут-то райкому партии, территориальному управлению и проявить свою руководящую роль: подыскать человека на его место, а ему дать работу по силам.

...Катилось солнце к дальнему лесистому увалу, струился над выполотым, словно умытым полем прозрачный нагретый воздух, кокетливо расправляла глянцевитые свои листочки прореженная свекла. Щедрая колхозная земля обещала хороший урожай. А ведь так могло быть везде. Везде, где трудятся на земле советские люди. Только надо больше доверия к ним.

Доверия! Больше доверия тем, кто работает на земле. Доверия и ответственности. Потому что нет настоящей, истинной ответственности во всей ее морально-этической полноте там, где нет полного доверия, где каждый шаг регламентирован циркулярами.

Давайте спрашивать с руководителя сельскохозяйственного предприятия только продукцию, а не хвосты и гектары. Здравый смысл, местные условия и хорошие советские люди — хлеборобы — подскажут ему, когда и как получить эту продукцию. Доверим землю тому, кто на ней работает.

Вячеслав ТЫЧИНИН

ПОДВИГ

Туманный октябрьский день. Беззвучно летят с деревьев желтые листья. На холодных рельсах оседают мельчайшие капельки росы. Тишина. Все звуки растворяются и предательски умирают в тумане, словно приглушенные ватой.

Восемнадцатилетняя работница хлебозавода Надя Макаренко спешит на работу. Надя торопится. Не опоздать бы. Да нет, уже близко. Вот только перебежать через эту железнодорожную колею...

Как протаяли внезапно из тумана очертания могучей паровозной груди, как налетело на нее и смяло, поволокло за собой слабое человеческое тело буревое неодолимое железо — ничего этого Надя не запомнила. Не остался в ее памяти и страшный миг, когда она замертво свалилась под откос железнодорожной насыпи.

Очнулась она уже в больнице станции Попасная, близ Кадиевки. Но ненадолго. Удушливый эфир усыпил ее.

Переливание крови. Обработка открытых ран. Снова переливание крови, но уже внутриартериальное. Противошоковая жидкость. Антибиотики. Весь могучий арсенал советской медицины был приведен в движение. И смерть отступила. Жизнь вернулась в бездыханное тело.

Здоровый организм молодой девушки преодолел и боль, и большую потерю крови. Но сердце ее охватило отчаяние. Как теперь жить? Да и зачем? Стоит ли цепляться за жалкое существование калеки, беспомощного инвалида, быть в тягость и себе и окружающим людям? Лучше бы она умерла! Ведь отныне для нее закрыты все радости жизни. И это в восемнадцать лет!..

Особенно тяжело становилось на душе по ночам. Больничная палата засыпала. Дремали даже дежурные няни. В полной тишине отчетливо слышно было, как шуршит под полом мышь. Ничто не отвлекало Надю от мыслей о ее несчастье, и они плелись, сверлящие мозг.

Наде казалось, что она совсем одинока. Врачи? Ну, что ж, они выполнили свой долг гуманности, вернули ее к жизни, как возвращали до нее десятки других несчастных. Но для врачей она всего лишь очередной пациент. Родные? Матери уже нет в живых, отец — глубокий старик. Братья далеко в Сибири, в городе Ангарске. Судя по названию, это город на Ангаре. Знакомые? Ну, этим-то она и подавно не нужна.

Как ошибалась Надя!

В эстонский город Кохтла-Ярве, откуда Надя приехала в Донбасс, долетела весточка о беде, приключившейся с девушкой. Нашлись люди, которые забеспокоились, узнав об этом, написали Надиной знакомой, Марии Ивановне Тимощенковой. В ту пору Мария Ивановна работала неподалеку от Попасной на восстановлении жилищ, разрушенных немецкими оккупантами.

Так, вернувшись из Кохтла-Ярве, весть о несчастьи с Надей снова пришла в Донбасс. Получив письмо, Мария Ивановна в тот же час бросила все свои дела и выехала в Попасную, где лежала в больнице девушка. Когда навстречу Марии Ивановне поднялись огромные, расширенные страданием и тоской, чуточку одичавшие глаза Нади, Мария Ивановна почувствовала, как у нее все перевернулось в груди. Там, у постели безногой девушки, Мария Ивановна и дала самой себе великую клятву заменить Наде мать, старшую сестру, стать ей верным другом и заботливой сиделкой. Не на месяц, не на год. На всю жизнь.

Когда Надя несколько окрепла, Мария Ивановна повезла ее в Донецк, чтобы там сделали девушке протезы, дали ей хоть какую-то

возможность передвигаться самостоятельно. Но протезистам задача оказалась не под силу. Никогда еще не сталкивались они с таким трудным случаем: протезы попросту не к чему было крепить.

Из Донецка пришлось отправиться в Киев. Только здесь мастера справились с мудреным заданием, изготовили сложнейший протез. Предстояло осваивать его, учиться ходить на костылях.

На семейном совете (Надя и Мария Ивановна составляли теперь необычную, маленькую, но все же семью), решено было ехать в Ангарск. Надины братья, монтажники-высотники Григорий и Михаил, звали к себе обеих женщин.

Братья встретили Надю и Марию Ивановну хорошо, отдали им одну комнатку в своей квартире. Мария Ивановна поступила в отделочный район, приобрела профессию маляра, и на ее заработок и тридцатирублевую пенсию Нади они зажили скромно, но без крайней нужды.

Однако благополучие это продолжалось недолго. Братья обзавелись семьями. В большой квартире стало тесно и шумно. Надя почувствовала, что она становится в тягость невесткам. Тогда Мария Ивановна принялась хлопотать об отдельной, своей комнате.

Что скрывать? Нашлись люди, искренне недоумевающие:

— Да кто она тебе? Из-за чего ты-то хлопочешь? Отвези ее в дом инвалидов, да и живи в свое удовольствие.

Другие глубокомысленно морщили лбы:

— Тут что-то неспроста. Как так: ни сестра, ни сватья, а она об ней ровно мать заботится. Значит, какой-то материальный интерес имеет.

К счастью, таких было мало. Всюду Мария Ивановна встречала понимание и полное сочувствие. Комнату выделили.

Теперь жизнь наладилась, казалось бы, окончательно. По утрам Мария Ивановна уходила на работу, Надя оставалась одна в теплой уютной комнате. Но она не поддавалась больше унынию. В свое время девушка успела окончить семь классов, теперь пристрастилась к чтению. В окружении книг она коротала время до возвращения старшей подруги. Меняла книги в библиотеке, конечно, она же, Мария Ивановна. Вернувшись с работы, управившись с неотложными домашними делами, она бежала в библиотеку, рылась на полках, выбирая, что поинтересней: Достоевского, Леонова, Шекспира, Чехова.

Но пришло время, когда одно лишь чтение перестало удовлетворять Надю. Все чаще Мария Ивановна замечала, что ее названная младшая сестренка выпускает из рук книгу, а сама смотрит куда-то вдаль невидящими глазами.

Человек не может жить праздно, без какой-либо цели и стремления к ней. Надо было найти такую цель и для Нади. Конечно, она лишилась обеих ног, но разве у нее не остались руки? Разве она не владеет слухом, зрением, голосом? Все говорило за то, что надо искать Наде посильное место в жизни. Было решено готовиться ей к экзаменам, поступить на заочное отделение техникума легкой промышленности, стать плановиком или экономистом.

Теперь Надя не только читала. Она засела за повторение алгебры, геометрии, грамматики. Нашлись по соседству две девочки — старшеклассницы Нина и Таня, которые приняли самое горячее участие в судьбе Нади, дважды в неделю навещали ее, чтобы объяснить непонятное, проверить знания, принять уроки.

Сердце Марии Ивановны радовалось при виде того, как повеселела и ободрилась Надя с началом своих занятий. Но хотелось сделать для нее еще большее, убрать с ее дороги еще одно препятствие к полноценной жизни.

Надя не может ходить в кино. Так пусть же оно само придет к ней в комнату! И вот, отказавшись от годичного отпуска, получив взамен отпускные, подкопив еще малую толику денег, Мария Ивановна с торжеством ставит на стол в их комнатке телевизор, волшебный ящик, в котором сокрыто столько интересного!

Как описать радость Нади в этот поистине великий для нее день? Отныне она сможет смотреть кинофильмы, спектакли, хронику, слушать лекции по Иркутскому телевидению. Она будет в курсе всего, чем живет сегодня ее родина. Чем, какими словами отблагодарить ей Машу, дорого друга Машеньку!

А Мария Ивановна покупает и привозит еще и швейную машину. Пусть Надюша поучится на ней шить. Техникум еще далеко, а ремесло за плечами не тянет. Мария Ивановна выписывает газеты и журналы, чтобы не по одному лишь радио и телевидению Надя могла следить за событиями в стране и за рубежом.

Радостно видеть Марии Ивановне, что на бледные когда-то щеки Нади возвращается первый, робкий еще румянец, а в больших серых глазах все чаще вспыхивают искорки смеха, веселая улыбка трогает полные губы. А у Марии Ивановны новый замысел: надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы хоть

один день в неделю Надя вволю дышала хвойным запахом леса.

Как это сделать? Такси.

По субботам Мария Ивановна выходит к стоянке машин, пристраивается к длинному хвосту очереди, а усевшись в такси, подъезжает к своему дому, помогает Наде добраться до машины, сесть в нее и везет девушку к ее братьям. Там, в поселке, у них есть балкон, на котором Надя может сидеть и дышать воздухом, напоенным ароматом ближнего леса. В конце же воскресного дня Мария Ивановна едет на автобусе к стоянке такси, снова берет машину и отвозит Надю домой, в их маленькую, уютную комнатку.

Накладны для Тимощенковой, при ее скромном заработке штукатура, эти путешествия на такси, но чего не сделаешь, чтобы доставить лишнюю радость Наде?

Вот уже пять долгих лет Мария Ивановна добровольно, по одному лишь велению собственного сердца заботится о человеке, которого постигло несчастье. Заботиться изо дня в день, неразрывно связать с ним свою судьбу, никогда, даже в глубине души, не подосадовать, не упрекнуть человека за его беспомощность, ради него отказать себе во многом. Нет, не каждый, даже близкий человек способен на такое! С полным правом можно сказать: имя тому, что делает каждодневно Мария Ивановна Тимощенкова — это подвиг. Да, самый настоящий подвиг.

И ширится народная молва о необычной семье, живущей в Ангарске. Оповестило о ней своих слушателей иркутское радио. Написали о Наде и Марии Ивановне Тимощенковой «Литература и жизнь», местная ангарская газета «Знамя коммунизма».

Сообщения радио и газет затронули сердца тысяч советских людей. Свершилось чудо: вот уже четвертый месяц не прекращается поток писем к этим двум женщинам со всех концов Советского Союза. Пишут школьники и пенсионеры, молоденькие студентки и многодетные матери, простые работницы и представители советской интеллигенции. Пишут из Ленинграда и Владивостока, из Мурманска и Ташкента, пишут, поистине, по слову поэта, «от Перми до Тавриды, от финских холодных скал до пламенной Колхиды».

Надю Макаренко ободряют, утешают, советуют ей и советуются с нею, просят писать им, а если можно, выслать фотографию. И тут же рассказывают о себе, о своих детях и родных людях. И какие же проникновенные, высокие слова находят для выражения своих чувств даже те, кто едва обучен грамоте, вовсе не привык излагать свои мысли на бумаге!

Почти в каждом письме авторы их говорят о своей беспредельной благодарности Марии Ивановне Тимощенковой. За что? Ведь она не сделала, казалось бы, ничего лично тем, кто пишет ей о своей благодарности. Да, это так. Но зато она пришла на помощь в горькую минуту жизни Наде Макаренко, и этого довольно, чтобы каждый советский человек проникся к Марии Ивановне глубочайшей благодарностью.

«Дорогая Мария Ивановна! — пишет из Томска студентка медицинского института, двадцатичетырехлетняя Люся Павлова. — Я целую Ваши руки. Они у Вас, наверное, большие и натруженные. Руки, которые работали всю жизнь. И сердце у вас тоже большое, горячее, золотое сердце русской женщины».

Роза Фролова живет в Горно-Алтайске. Узнав из радиопередачи о поступке Марии Ивановны, она пишет ей: «Хочется от всей души искренне поблагодарить вас за все то хорошее, что вы сделали для Нади, за вашу доброту и любовь к людям, бескорыстную помощь».

Жительница Ангарска Анна Еремеевна Яковлева откликнулась на передачу всем своим много пережившим сердцем. «Ваша мужественная дружба вызвала у меня слезы. Не из глаз, а из сердца, потерявшего в Отечественную войну и любящего мужа, и дочь».

«Дорогая Мария Ивановна! Вы изумительная, прекрасная, большой и доброй души женщина», — так выражает свои чувства в письме из Ленинграда юноша Виктор Алоев. А с другого края советской земли, из Владивостока, ему вторит Николай Ефимович Антоненко: «Все простые люди поддерживают вас, чтобы вот так же каждый бескорыстно отдавал теплые чувства человеку».

Мать троих детей Виктория Алексеевна Подколзина пишет из Черемхово: «Я вам незнакома, но вы мне знакомые и даже родные. Я прослушала радиопередачу и убедилась еще раз, какие у нас прекрасные женщины — гордые, мужественные, внимательные, чудесные. Спасибо вам, Мария Ивановна, материнское спасибо от всех женщин и матерей за ваше большое сердце».

«Я думаю, тысячи и тысячи людей возьмутся сегодня за перо, — убежденно пишет Маша Пронина из Подмосковья, — чтобы выразить великое восхищение подвигом вашим, дорогая Мария Ивановна! Большое вам рабочее спасибо за ваше доброе, материнское сердце! Пусть всегда в вашем доме живут два слова — мир и радость! Я простая работница Загорской трикотажной фабрики, — пи-

шет далее Маша Пронина, — ударник коммунистического труда и только. А как бы хотелось хотя бы чуточку походить на Марию Ивановну, на эту замечательнейшую женщину!».

Еще больше писем со словами привета к Наде Макаренко. С ней хотят переписываться, просят ее ответить школьницы Люда Жуйкова из г. Минусинска, Люда Пелеханова из Байкальска, Люба Меньшикова из с. Суво, Баргузинского района, ученики 7-го «б» класса школы № 23 г. Кузнецка. Об этом же просят Надю санитарка Люба Завьялова из г. Черемхово, Неля Салахова из поселка Лесогорск, Чунского района, пионервожатая Валя Красова из Слюдянки, Альбина Новоселова из г. Хилок, Нелли Надточий из Ангарска и многие, многие другие.

Есть на Усинском тракте, что тянется на сотни километров и идет от Минусинска к столице Тувы — Кызылу, далекая станция Арадан. Днем и ночью проносятся через нее грузовики: в Туву — с обувью, одеждой, станками, горючим; оттуда — с кожами, мясом, дичью и ягодами. За горными перевалами Саянского хребта, за бескрайней тайгой лежит эта станция, где отдыхают в рейсах шоферы. Но и отсюда прилетела весточка в Ангарск. Ученица Аля Урванцева тоже хочет переписываться с Надей Макаренко.

Как бы утверждая свое право на такую переписку, на внимание к себе, многие школьники сообщают Наде и Марии Ивановне свои отметки. Так, Вера Пятычина из Златоуста пишет, что учится в шестом классе отлично, а Клава Афанасьева описывает свой город Хилок, сообщает о полученных ею хороших отметках.

В этих доверительных письмах, не рассчитанных на широкую аудиторию, предназначенных лишь двум женщинам, которые соединили свои судьбы в одну, раскрывается богатый духовный мир наших современников, их сердечность, всегдашняя готовность поделиться самыми сокровенными своими раздумьями.

«Здравствуй, дорогая незнакомая девушка Надя! — пишет из Нижнеудинска Валя Могучева. — С горячим приветом к вам — Валя». Только что в ее жизни произошло событие огромной важности. И как с самым близким другом, Валя делится с Надей своей радостью: «Мне шестнадцать лет, я получила паспорт».

Совсем иначе звучит письмо со станции Юрга. Кажется, что писала его не четырнадцатилетняя девочка, а человек, уже умудренный жизненным опытом. Что же, горе рано заставляет взрослеть... Это даже и не письмо. Это скорее исповедь человеку, который близок тебе по духу, который, ты уверен в этом, все поймет. В четырнадцать лет Катя Дубро прикована к постели тяжелой и, как прямо заявили ей врачи, неизлечимой болезнью. Девочка знает, что скоро она не сможет ходить даже по комнате, что болезнь прочно прикует ее к постели. Но даже это не лишает ее мужества. Катя учится в средней школе, много читает, пробует свои силы в литературе, чтобы, может быть, повторить со временем подвиг Николая Островского. Хочется верить, что сибирские писатели заинтересуются ее рукописями и, если они заслуживают того, опубликуют лучшее из ее произведений.

«Я знаю, что ждет меня впереди, но не поддаюсь панике», — пишет девочка Наде. — Очень люблю жизнь. Да и слово-то какое красивое, звучное!» — пишет в другом месте Катя. «Я глубоко сочувствую вам, Надя. Ведь вы молоды, но жалеть, извините, не буду. И знаете почему? Я страшно не люблю жалостей; они, по-моему, только портят человека. Надо не жалеть его, а помогать ему встать на ноги (морально на ноги), не падать духом». В этих словах — вся Катя Дубро.

Московский писатель Иван Рахилло не стал ничего спрашивать у Нади, а просто прислал ей свою книгу «Московские встречи» с теплой авторской надписью: «Марии Ивановне Тимощенковой и ее славной дочке Наде на добрую память и с глубоким уважением от автора. Москвичи шлют вам свой искренний привет».

Как будто узнав об этом почине, прислали Наде роман «Орлиная степь» слушатели совпартшколы из Москвы. Получила она уже и «Угрюм-реку», «Журбины», «Барсуки», «Юрий Милославский» и еще целый ряд книг. Уже у Нади составляется понемножку своя маленькая библиотечка. Уже ей есть что читать на первое время без обременительных походов в библиотеку, где к тому же далеко не всегда удается найти интересную книгу.

Но и этого мало нашим советским людям. Они жаждут выразить свое участие чем-то большим, чем присылка книг. И механик Спирин из Чебоксар деловито спрашивает в письме, чем помочь Наде? Его слова весят много! Он тоже лишился обеих ног, сам изготовил себе протезы и несколько лет пользовался ими, к большому удивлению врачей.

Маша Пронина зовет Надю в Загорск, погостить у нее. Об этом же, от имени всей семьи, пишет Наде и десятиклассница Тая Морозова из села Рыбинка, Волгоградской области. «У нас есть сад. Летом много груш, яблок, вишни, смородины. Мы приглашаем вас

к себе в гости. Очень-очень просим — приезжайте к нам на лето. А если понравится, останетесь у нас».

Девушки из бригады коммунистического труда с Херсонского текстильного комбината идут еще дальше. Они понимают, что Наде не по средствам далекое путешествие и выражают готовность оплатить ее поездку на самолете, чтобы дать возможность девушке отдохнуть на берегу Черного моря в заводском санатории.

Херсон — на юге нашей страны, Туруханск — близ Северного полярного круга. Но теплота человеческих сердец определяется вовсе не географической широтой. И коллективы Туруханского РОНО и детского сада прислали Наде к 1 Мая поздравительную открытку и вещевую посылочку.

Отовсюду идут к Наде слова сердечного участия и поддержки. Солдат Анатолий Жерновой из Челябинска напоминает Наде о мужестве Николая Островского и Алексея Маресьева, призывает равняться на них. Инвалид Михаил Меркушев из Удмуртии, которому в прошлом году отрезало ногу, несмотря на несчастье, бодро смотрит вперед и пишет: «Не волнуйся, Надя, будем жить дальше, как и другие». Врач из Якутии, мать большой семьи, Лидия Антоновна Слепцова дает Наде практические советы, как делать гимнастику, приводит в пример знакомого ей юношу, который, не имея ног, пользуясь протезами, научился ходить даже на лыжах.

Из далекого Крыма, из Симферополя шлет Надюше свой привет пенсионерка Евгения Станиславовна Крживицкая. Преклоняя голову перед подвигом Марии Ивановны, она рассказывает в письме о людях, которые лишены еще более необходимого человеку, чем ноги — зрения, о слепых, сохраняющих, однако, мужество и жизнерадостность. «Вам, Надюша, милая девочка, — кончает свое письмо Крживицкая, — от всей души желаю душевного покоя, здоровья, благополучия в дальнейшей жизни, успеха в делах и всего, всего светлого».

Так, утешая, советуя, ободряя, пишут Наде десятки незнакомых советских людей.

Но есть письма и другого рода.

Человеческое сердце ищет участия. Оно тянется к теплу, как цветок к солнцу. И те, кого почему-либо обошла своими радостями жизнь, ищут сочувствия и поддержки у Нади Макаренко.

Нельзя читать без волнения маленькое письмецо восемнадцатилетней Люси Чижиковой из г. Онега-2. Рубщица бревен, она получила травму — пила повредила ей руку. «У меня, Наденька, — горестно сообщает девушка, — нет ни папы, ни мамы, ни сестер, ни братьев. Воспитывалась я в детдоме до четырнадцати лет. Мне никто не пишет, я ни от кого не получаю писем». И девушка просит Надю ответить ей, завязать с нею переписку. Чье сердце останется безучастным к подобному призыву? Конечно же, Надя ответила Люсе.

В маленькую квартирку, где живут Надя и Мария Ивановна, письма идут потоком. Почта несет и несет их. И в каждом — вопрос: что делает сейчас Надя, как ее здоровье, как живет она и Мария Ивановна, как учится?

Рады сообщить всем, кого интересует судьба Нади Макаренко, добрые вести. Она здорова, полна бодрости и надежд на будущее. Разрешился один из самых главных вопросов: при активной помощи депутата Ангарского горсовета Антонины Двиняниновой Наде и Марии Ивановне дали отдельную квартиру в новом доме. Женщины отпраздновали свое новоселье. Квартира однокомнатная, но светлая, как фонарик. Почти весь день в нее заглядывает солнце. А главное, есть в ней не только горячая и холодная вода, ванна, центральное отопление, как и в других домах Ангарска, но и балкон. Теперь не надо совершать обременительные и такие дорогостоящие поездки на такси, чтоб Надюша могла подышать свежим воздухом, посидеть на солнце. Так что напрасно волнуется ее тезка, Надя Ревенкова, со станции Татарская, что «начальство» не оказывает Наде Макаренко никакой помощи.

Откликнулся и коллектив Иркутского протезного завода, изготовивший Наде новые протезы взамен износившихся киевских. Правда, протезов такой сложности иркутянам делать не приходилось, и они получились неудобными, грубыми. Но иркутяне обещают усовершенствовать их.

Есть и еще одна радость. Не прошли даром месяцы упорной подготовки! Надя успешно сдала экзамены и зачислена на первый курс заочного отделения Ангарского техникума легкой промышленности. Спасибо преподавателю Николаю Ульяновичу Космачеву, который приехал к Наде домой и принял у нее вступительные экзамены! Теперь перед девушкой открывается прямая дорога к специальности бухгалтера или модельера. Она получит среднетехническое образование, снова станет работать. А там, почем знать, поступит Надя и в институт... Она уже мечтает и о нем.

Мечтает девушка втайне еще об одном...

Сейчас она вынуждена провожать грустным взглядом горожан, отправляющихся за Китой, в лес, на веселые полянки, туда, где солнце, деревья, зеленая трава. Там даже воздух совсем иной, чем на балконе ее квартиры!

Пять лет прожила Надя в Ангарске, но лишь недавно, чисто случайно, смогла увидеть живописные окрестности города, его знаменитый нефтеперегонный завод с переплетением серебристых трубопроводов и эстакад, памятник Ленину на центральной площади Ангарска.

А имей она «Москвича» с ручным управлением или хотя бы мотоколяску, все могло бы быть иначе. Люди бессильны вернуть Наде утерянные ею ноги. Но в их силах возвратить девушке возможность самостоятельного передвижения. Подумать только — снова бывать на улицах, снова видеть людей, общаться с ними! Это же такое счастье! Ведь пройдут годы и годы, прежде чем женщинам удастся осуществить эту мечту своими силами. У самой Марии Ивановны здоровье вовсе не богатырское, она частенько прихварывает. Наде предстоит учиться четыре года, прежде чем она сможет закончить техникум и поступить на какую-нибудь работу.

Хочется помечтать вместе с Надей, что найдется другой путь, короче и верней, что наша общественность примет участие в судьбе девушки, поможет ей осуществить ее самую сокровенную мечту.

Уже есть первые проблески надежды. Комсомольцы Ангарска, земляки Нади Макаренко, хотят организовать сбор средств на мотоколяску или «Москвич» для нее. А если включатся в это доброе дело комсомольцы Братска, Слюдянки, Тайшета, других городов и сел нашей области?

Сбудется и эта мечта Нади Макаренко. Сбудется, ибо Человек — это звучит гордо. Ибо человек рождается в нашей стране для счастья, как птица для полета. Узнав о будничном, житейском подвиге Марии Ивановны Тимощенковой, рядом с ней наверняка встанут сотни людей, готовых внести свой посильный вклад в благородное дело помощи советскому человеку, которого постигла беда.

* *
*

И последнее. Теперь у Нади Макаренко и Марии Ивановны Тимощенковой новый адрес. Сообщаем его тем, кто по-прежнему хочет поддерживать с ними переписку, посылать слова привета и книги: г. Ангарск, Иркутской области, 178-й квартал, д. № 5, кв. 48.

Надя старается ответить всем, кто пишет ей, но это превосходит ее возможности. Ведь ей надо и учиться, и читать, и бывать на воздухе, и помогать Марии Ивановне в домашних хлопотах. К тому же многие забывают указать свою фамилию или адрес. Пусть же не обижаются на нее те, кто не получил ответа. Но пусть все знают: Надя читает их письма. Читает и плачет. Плачет светлыми слезами радости и счастья оттого, что так много на нашей чудесной земле хороших людей. А еще оттого, что не в силах Надя обнять их всех, дорогих ее сердцу, вынуждена только мысленно ответить им на их любовь и ласку: «Будьте же и вы счастливы, родные мои! Спасибо вам всем!»

Инн. Луговской

ХЛЕБ

Не надо побудки, кочет:
В живую трубу не ори...
За избами трактор рокочет
От алой зари до зари.

Над пашней необозримой
Не молкнет железный зев:
Идет по стране родимой
Великий весенний сев!

Пусть ветер,
Пусть дождик,
Пусть слякоть —
Роздыха нам не дано.
В бархатно-черную мякоть
Уходит покорно зерно.

Уходит, чтобы под небом,
К солнцу набрав разбег,
Вернуться вкуснейшим хлебом,
Которым живет человек.
Хлеб!
По степному раздолью
Ждем о тебе вестей.
Недаром с российской солью
Ты первым встречаешь гостей.

Недаром мой древний дедушка
Нас, озорных, молодых,
Всегда наставлял,
Мол, хлебушко —
Это святая святых!

И хлопал, бывало, как клюшкой,
Дубовою ложкою в лоб —
Мол, хлеб, огольцы, не игрушка,
Мол, хлеб уважай, остолоп!

И помню я живо доныне,
Как с полу он хлеб доставал
И бережно, словно святыню,
Упавший кусок целовал!

Дед не был язычником —
Трудно
Хлеб доставался отцам...
. . . .

О хлебе всегда, поминутно
Заботиться надо нам.
Пусть силу страны родимой
В сто крат увеличит оно —
С любовью неистребимой
Посеянное зерно!

ПАРЕНЕК В СТЕЖОНКЕ

Зашуршал вершинный ветер шелком,
Карусель метель там завела...
Взвыл мотор ночным голодным волком
На виду у огоньков села.

Стоп! Трехтонка вдруг забуксовала,
Врезываясь в новенький сумёт.
Мне, попутчику, конечно, горя мало:
Вылез из кабины и вперед.

Пусть на двух своих,
Но все ж — к избенке,
К пряслам домовитого двора...
А ему в промасленной стежонке
Куковать, быть может, до утра!

Подправлять костер на злом привале,
Кипятить чаек свой, коротая ночь,
Да тоскливо вглядываться в дали:
Не блеснут ли фары, чтоб помочь.
Поутру в сельмаг придут хозяйки
И едва ли спросят, как в мороз
Паренек в промасленной фуфайке
Сам насквозь промерз,
Но чай привез!

ПОЛЕВАЯ ШУБА

В полях торжественный покой.
Зимует озимь, в снах истаяв,
Под шубой, сшитою пургой
Из миллиона горностаев.

Такой чистейший в мире мех
Лежит, нетронутый, над пашней,
Что этот мех
Принять не грех
В мех торг по плате высочайшей!

Любуясь шубою зимы
С путей воздушных, с автострады,
Всегда ли, все ли помним мы,
Что озимь —
В сердце всей бригады.

Встает за валом белый вал
Навстречу зимнему рассвету:
Чтоб ветер шубу не порвал,
Бригада чинит шубу эту.

Пусть дремлет озимь:
Ей нужна,
Как малышу, теплынь и нега...
Зато, могучая, она
В апреле встанет из-под снега!

Ибрагим Гусейнов

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ О НЕБЕ

(перевод Марка Сергеева)

...Ты восхищаешься морем, я — небом.
Из твоего письма

Стихотворение первое

Когда стою над каменною чашей,
в Байкал роняя лепестки цветка,
летят к тебе, к лезгинским саклям нашим,
из лепестков рождаясь, облака.
Они то снегом над тобой повисли,
то — сочетанье света и тепла.
Сквозь все твои желания и мысли
их тайная дорога пролегла.
Жар-птицами плывут они. Закрыли
горящим опереньем горизонт.
А ты кричишь им: «Подарите крылья,
я к милому слетаю в гарнизон».
То, как деревья, лапы растопырив,
все небо раскачают в полчаса.
Ты думаешь: «У милого в Сибири
такие же качаются леса».
То, как ракеты, вырвутся на волю,
секут простор, что ветрами продут.
А то лежат, как вспаханное поле,
невидимого сеятеля ждут.
Байкал-волшебник! Не его ль вина в том,
иль в лепестках, творящих чудеса,
что в сны твои вхожу я космонавтом,
оратаем, вспахавшим небеса.

Стихотворение второе

Попробуй небо разделить и море —
они конец друг друга и начало:
дождями в море оседает горе,
улыбки солнца блещут у причалов.
Гроза на небе — море заштормило,
нет в море звезд, когда на небе — тучи.
...Я гляну в сердце: все ему не мило,
когда твое темно, как лес дремучий.
Ты небо — то пожарище, то просинь.
Я море — с островами-лебедями.
Захочешь ты — на море солнце бросишь,
Захочешь — надоешь ему дождями.

Стихотворение третье

Люблю реку. Но выйду на порог,
— Прощай, моя река! — скажу Самуру.

Прощай, мой сын. Пусть трудный пот дорог
вернется славой о тебе к Самуру.
Люблю гору. Но выйдя на порог,
— Прощай, моя гора! — скажу Шалбузу.
— Прощай, мой сын! Любовь твоих дорог
пусть возвратится нежностью к Шалбузу.
Люблю я небо. С далью навесной
Я расстаюсь, кричу: — Прощай, родное!
Но небо не прощается со мной —
твоей любовью следует за мною.

Виктор Киселев

БОР СОСНОВЫЙ

Бор сосновый
С годами старится.
Что-то с вами,
Деревья,
Станется?
Ствол кривится,
И жухнет хвоя —
Умирают деревья стоя.
Чу!
Пришли в лесосеку люди.
Что-то с вами,
Деревья,
Будет?
Вот по взмаху руки лесоруба
Старый бор словно с места сдвинулся.
Молча дрогнули крон раструбы,
Прочертя в поднебесье синусы.
Моторист и его напарники
Пилят бревна,
Цепляют арканами.
По приметам,
Ну словно карлики,
А справляются с великанами.
Сосны охали,
Ахали,
Эхали,
Сами ж из лесу
Ехали,
Ехали...
И остались на свежей вырубке
Только пни
Да деревья-выродки.
Нет!
Не нужно деревьям стариться,
Есть у жизни для них пристанище.
Вы не нойте,
Деревья,
Жалобно,
Не бранитесь руганью смачной:
Крепко корни пустила в палубу
Став сосна корабельной мачтой.
Повидала порты лесина: —
Ливерпуль,
Каир, —
Палестину.
Говорит она,
Вновь рожденная:
— От тайги я теперь не завишу,
Жизнь,
Доселе прикрытая кронами,
Мне открылась,
Я, жизнь, тебя вижу!
А сосны корабельной копия —
По колено в землю закопана.
И гудят на ее вершине
Провода телефонных линий.
И не шумы лесного бора,
А о жизни земли разговоры
Тихо слушает столб телефонный.
— От тайги я теперь не завишу,
Вместо шепота кроны с кроной
В полный голос
Я, жизнь, тебя слышу.
И еще сосна отыскалась.
Ей иная судьба досталась —
Шпалой лечь под рельсы тяжелые.
Но у шпалы думы веселые:
— От тайги я теперь не завишу,
Я не в темном глухом лесу.
Жизнь я вижу
И жизнь я слышу,
Жизнь сама на себе несу...
Не успели деревья состариться,
Жизнь нашла деревьям пристанище...
Лес еловый с годами старится.
Что-то с вами,
Деревья,
Станется?
Что-то с вами,
Деревья,
Будет?
Приходите на помощь,
Люди!

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Дмитрий Милюков

Повесть

ИЩУ МЕСТО В ЖИЗНИ

I

Мой друг Костя Галкин еще в седьмом классе увлекся радиотехникой. Карманы у него всегда были полны разными радиолампами, предохранителями. А когда на уроках политехнизации мы начали изучать автомобиль, Костя вдруг загорелся желанием стать шофером. Ну похотел бы немного да перестал. Но нет. До того это дело его затянуло, что он записался на вечерние курсы шоферов при районном комитете ДОСААФ.

Закончили мы школу, получили аттестаты зрелости. Многим из нас были вручены удостоверения столяра, слесаря, тракториста. Трое парней, в том числе и Костя, получили шоферские права, а две девушки — дипломы зоотехников. Сколько радости было у них! Мне даже не по себе стало. Глядя на счастливцев, я впервые пожалел, что несерьезно занимался на уроках труда и политехнизации. «Трояшки» заработал, а специальности — нет.

Учителя пожелали нам на выпускном вечере успехов в жизни и дальнейшей учебе.

— Ну что ты теперь намерен делать? — спросил меня Костя.

— Известно, попробую поступить в институт. А ты?

— В колхозе останусь. Шофером буду работать. Потом поступлю на заочное отделение.

— Дело хозяйское, — сказал я.

— А ты не желаешь на заочное?

— Нет.

— А если не пройдешь по конкурсу?

Я совершенно не знал, что буду делать, если не поступлю в вуз. В деревне остаться? Мне не хочется работать в колхозе. Специальности у меня нет, а делать то, что нас заставляли по программе сельхозпрактики, мне решительно не хотелось. Косте хорошо. Он шофер. Профессия почетная. Сядет в кабиночку да покатит посвистывая. Я надеялся на какую-то соломинку. Авось выручит.

Не выручила! Не могла спасти соломинка. Не приняли в институт меня. Что теперь делать? Свинарем пойти работать? Пастухом? А может, побездельничать. Мать с отцом прокормят.

Сначала безделье мне нравилось. Так прошло с неделю. А потом вдруг заметил, что

купаются со мной в речке одни малыши. Которые постарше, все на сенокосе. Мне стыдно стало ходить на берег. Бросил загорать. И дома сидеть — тоска зеленая. Дома из-за меня начались споры. Мать советовала идти работать. Отец возражал. Сам счетовод, он надеялся, что в колхозе мне найдется конторская работа. Такая перспектива меня не прельщала.

Через месяц жизнь стала совсем невмоготу. Теперь я боялся показаться на людях. Стоило кому-нибудь из колхозников глянуть на меня — и мне казалось, что он в душе называет меня оболтусом, лоботрясом, сравнивает с тем Титом, который, как известно, мучается животом, когда его зовут хлеб молотить, но просит большую ложку, когда приходит время кашу есть.

Меня и в клуб больше не тянуло. Что там делать? Плясать? Скажут, не только скажут, в глаза пропоют, что на работу не гожусь я, на гулянье — молодец! Знаю, такое на языке у девчат не заржавеет.

Бежать!.. Надо бежать из деревни. Но куда? И я вспомнил человека, который агитировал нас поехать на сибирскую новостройку. И вот мысленно соглашаюсь. Сразу передо мной возникает дорога, которая заводит в страшную тайгу, грохочущие горы, где свирепствуют морозы, вьюги. Мурашки бегут по спине. Дрожь бьет. Не могу решиться...

Вечером пришел к нам гость — незваный, нежданый — Костя Галкин. Веселый, словно под хмельком. А загорел как! И так смуглый, а тут почернел, чисто цыган. В школе был такой тихоня, а сейчас вот-вот запляшет. Я же в школе всегда плясал, а сейчас готов был зареветь от досады и растерянности. Это и Костя заметил.

— Ты чего, Олег, грустишь? — спрашивает. И голоса его не узнаю. Мужской, гудящий. — Идем в клуб пораньше, — позвал Костя. — До кино хоть потанцуем...

— Никуда не хочу идти, — ответил я вяло.

— Почему так?

— А вот так. Не хочу!.. Слышишь, не хочу! — взорвало меня сам не знаю отчего.

Костя ухмыльнулся.

— Так недолго от безделья и с ума сойти.

— Ах, какая умница залетела сюда, — кипятился я.

— Зря ты смотришь на меня так, — спокойно продолжал Костя. — Я зашел, как к другу, предложить пойти ко мне на машину грузчиком. Возле меня и ты, глядишь, шофером стал бы.

— Спасибо, друг, можешь не беспокоиться, — обернулся я, едва сдерживая в себе желание послать Костю к чертям.

— Как угодно, — проговорил он и пошел к двери. — Зря, оказывается, старался. Бывай здоров. А если надумаешь — приходи на ток. Ты знаешь, я не обидчивый...

Он вышел. В ограде у ворот негромко запел «Катюшу». А я готов был взвыть от досады. Отчего Костя так спокоен? В характере ли одном дело? Пожалуй, нет. Не потому ли, что он прав? Нет, никогда в жизни не соглашусь с ним вместе работать. Теперь и разговаривать с ним не смогу. Только от него одного готов бежать из деревни. Вообще мне все здесь, кажется, осточертело.

«Завтра же пойду в райком комсомола, — твердо решаю я. — Чего боюсь Сибири? Другие едут. Трудности там? Ну и что ж?.. Залезу в самую глухомань, в самую дальнюю даль...»

2

Райком комсомола. Робею, не вхожу. Не знаю, отчего робею. Эх, была не была!

Первый секретарь, похожий на нашего преподавателя по русскому языку и литературе, такой же высокий, вежливый, не скупой на улыбку, встретил меня так, будто ждал с нетерпением. Посадил рядом, стал расспрашивать, что привело меня в райком.

— Хочу поехать в Сибирь на стройку.

Секретарь обрадовался, начал хвалить меня за такое решение. Смотри-ка, похвалу заслужил. Кто я такой, чтобы меня хвалить? Я беглец, ищу свое место в жизни.

— Кстати ты подошел, — с одобрением говорил секретарь. — Сейчас обком набирает группу добровольцев на строительство новой железной дороги Абакан—Тайшет.

— Это где? — спросил я и покраснел, что так плохо знаю географию.

— Тайшет в Иркутской области, — пояснил секретарь, — а Абакан от Красноярска южнее.

Это не так уж далеко. Мне хотелось забраться дальше, на самый край света. Я вспомнил, как-то в школе мы читали в газетах о том, что проектируется строительство плотины через Берингов пролив.

— Я бы хотел поехать на мыс Дежнева, — заявил я. — Там, должно быть, уже началось строительство плотины через Берингов пролив.

Секретарь рассмеялся. Оказывается, плотина-то еще не строится. И не скоро начнется ее строительство.

Пришлось согласиться ехать строить железную дорогу. Тут же мне выписали комсомольскую путевку. На прощанье секретарь сказал, чтобы я готовился в путь. О времени он пообещал позвонить мне и правлению колхоза. Правлению-то зачем?

3

Прошло дня три или четыре, не помню точно. Чемодан у меня был собран. Я ждал звонка из райкома комсомола. Мать горевала сначала, но отец убедил ее, мне, дескать, надо ехать искать счастья, мне, такому грамотею, в деревне делать нечего.

Мы никому не говорили, что я уезжаю. Почему? Я просто не хотел, чтобы кто-либо знал о моем намерении, а отец... Он, видимо, боялся, что односельчане будут упрекать его за то, что сын не хочет остаться в родном колхозе.

Однако тайна наша вдруг стала известной всей деревне. Иду я вчера по улице, вижу возле одного дома собрались парни, курят, что-то оживленно обсуждают, из рук в руки передают газетный листок. Кто-то заметил меня, начал звать.

— Здорово, сибиряк, — вразнобой поздоровались ребята, как только я приблизился к ним.

— Как это ты надумал?..

— Скажи, когда едешь? Скоро, нет?

— С чего вы взяли? — Я здорово смутился. Хотел было уверить всех, что никуда не собираюсь уезжать. Но один парень подал мне районную газету. В ней жирной красной чертой был подчеркнут заголовок: «Наши добровольцы».

— Вот черным по белому написано, что на строительство железной дороги едут из нашего района двадцать комсомольцев. Среди них Олег Карташов из села Дальний Луг. Ты это или не ты?

— Ну я...

Парни окружили меня тесным кольцом. Они спрашивали о дне отъезда, о расстоянии до Тайшета и Абакана, о природе, о климате Сибири, ну будто я не собираюсь на стройку, а вернулся оттуда. Не мог я ответить на эти вопросы.

— Ну, конечно, — заговорил один парень, — ты же ведь не был там, только собираешься. Но ты, Олег, пиши со стройки, как там...

— Больно много нас, — услышал я за спиной. — Всем писать — некогда работать будет.

— Идея, ребята, — придвинулся ко мне высокий кудрявый парень Колька Рыбин, лафетчик. — Олег, ты пиши обо всем подробно домой родителям. А мы будем приходить к ним и читать.

— Вот это правильно, — одобрили ребята.

Через два дня меня вызвал в контору сам председатель колхоза Гордей Гордеевич Табаков. Он поздравил меня с «благим намерением» и сказал, что звонили из райкома комсомола, велели завтра быть там. Я поблагодарил его и спросил, не пойдет ли машина в район.

— Можешь не беспокоиться, — ответил председатель. — Ровно в десять легковая подкатит за тобой.

Утром часам к десяти коричневая «победа» подъехала к нашему дому. В кабине был один шофер. Значит, машина приехала специально за мной.

Мать с отцом вышли на улицу. Мы стали прощаться. А шофер говорит, услужливо открыв дверцы кабины:

— Вы б проехались до конторы, проводили своего Олега...

Возле конторы я увидел целую толпу колхозников. Собрались и пожилые, и малыши. Они чего-то ждали. А когда мы подъехали, из конторы вышли Гордей Гордеевич с бухгалтером.

«Уж не меня ли провожать собрались?» — подумал я и испугался этой мысли. Все другое можно предположить, только не это. Почетных проводов я не заслужил.

Да, люди собрались, чтобы проводить меня в дальний путь. Гордей Гордеевич от имени членов правления пожелал мне счастливого пути. Потом по очереди колхозники трясли мне руку. Все говорили ободряющие напутствия. У матери моей по щекам текли слезы, но она улыбалась. И отец смахнул с глаз слезу. Я же чувствовал страшное неудобство.

Из переулка вынырнула грузовая автомашина, резко затормозила у конторы. Это подъехал мой бывший друг — одноклассник Костя Галкин. Он открыл дверцу, но не пошел прощаться со мной. То ли оттого, что я оказался в тесном кольце, и ко мне было трудно пробиться, то ли потому, что знал, что я убегаю из колхоза, а не честно еду на стройку. Я же сейчас нисколько не сердился на него. Садясь в кабину «победы», помахал Косте рукой. Он сорвал с головы кепку и потряс ею.

...Нас торжественно провожали и в районе, и в области. И каждый раз я вспоминал деревенские проводы — и совесть начинала мучить меня...

ЛОПАТА

1

Тесный узкий кабинет. За столом грузный мужчина — начальник мехколонны. Я робко подаю документы: паспорт, комсомольскую путевку.

— Специальность есть?

— Нету.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

Начальник мехколонны посмотрел на меня.

— Вот видишь, восемнадцать уже, а специальности никакой не имеешь. Что ты умеешь делать?

— Ничего, разве только... прилежно учиться.

Как думал, так и сказал. Начальник расхохотался. Но его смех не предвещал ничего хорошего.

— Я из деревни, — тихо добавляю.

— А в деревне разве нет техники? — спрашивает он и отвечает: — Сколько угодно. Было бы желание. В твои восемнадцать лет мог бы уже быть и трактористом, и шофером... Нам механизаторы нужны вот так, — провел начальник колонны ребром ладони по шее. — Куда ты приехал? В механизированную колонну! Я так и подумал — прибыл шофер, а тут разнорабочий оказался...

Какого дурака сваляли мы с Федором! Федор — это мой новый товарищ, с которым подружились в пути. Он, как и Костя Галкин, учась в школе, одновременно с аттестатом зрелости получил права на вождение автомашины. С Федором отправились в путешествие две девушки. Перед экзаменами весь класс, в котором они учились, решил ехать в Сибирь на стройку. Но когда пришло время получать путевки, оказалось, что одних родители не отпускают, другие испугались. Только трое отправились в далекий путь.

В вагоне мы оказались в одном купе. Это сблизило нас. Федор выше меня ростом, здоровее. Мужиковатый, скуластый, белобрысый. Говорит окая, чуточку заикается, как будто слова выдавливает.

Федор влюблен в Ольгу, одну из своих спутниц. Когда я увидел ее, поразился. В кружевной кофте и нарядном сарафане, она как будто ехала не в Сибирь на стройку, а отдыхать на курорт. Когда проходила по вагону, все парни обращали на нее внимание. Невольно хотелось взглянуть на ее нежное лицо, полюбоваться иссиня-черными кудряшками. Ольга говорила торопливо. Пока Федор подбирал нужное слово, она могла послать его за кипятком.

Другую девушку звали Катей. Сначала она мне не понравилась. В спортивном костюме, она словно явилась в наше купе прямо со стадиона. Глаза зеленые, лицо в мелких-мелких веснушках, точно на него брызнули из пульверизатора. Единственное, что мне казалось привлекательным в ней, — косы. Тяжелые, рыжие, полураспущенные, перекинутые через плечи на грудь.

Беседовать с ней было одно удовольствие. Как-то неожиданно Катя могла серьезный разговор свести к шутке, разыграть кого угодно.

В поезде мы сразу почувствовали себя как старые знакомые. Теперь все считали себя калужанами, как будто жили до этого в центре, а не в разных местах области.

Проснулся я утром. Солнечный свет на миг ослепил меня. Поморгав с минуту, осмотрелся и сразу повернулся к окну. Что там, где едем? Не началась ли Сибирь? Нет, пейзаж не изменился. По-прежнему без конца тянутся хлебные поля. Только далеко за горизонтом в плотной синеве маячили горы. Там начинался древний Урал. Катя сидела у окна.

— Ой ты, Русь, моя родина кроткая, лишь к тебе я любовь берегу, — проговорила она.

— Чьи это стихи? — спросил я.

— Не знаю. Не то Некрасова, не то еще чьи-то.

— Сергея Есенина, — сказал я и, помолчав, добавил: — Люблю я его стихи. И Пуш-

кина люблю, и Твардовского... Еще я люблю Аполлона Майкова...

Я вспомнил его четверостишье:

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

Катя повернулась ко мне. Мы встретились глазами. Прядка волос у нее спала на висок и золотом зажглась в лучах солнца. А глаза?! Чистое небо! Диво какое-то. Такие светлые глаза у девчонки, на которую даже смотреть не хочется! Я сказал — как язык повернулся:

— У тебя глаза-то голубые, а вчера мне показались зелеными.

— Как у кошки? — засмеялась Катя.

Я здорово смутился — ушам жарко стало. Надо же было такое ляпнуть.

— Мне показались зелеными, но я не сравнивал с кошачьими. Это ты сама домыслила...

— Не оправдывайся, — погрозила Катя. — На честность говорим... Только глаза не понравились?.. Больше ничего?.. А?..

— Остальное как будто в норме, — солгал я.

— Так и поверила. По глазам всего тебя вижу. Сознавайся, как перед богом...

Черт меня дернул заговорить с ней. Теперь выкладывай все, что думаешь.

— Только, чур, не обижаться, — предупредил я.

— Ва-аляй!..

— Не нравишься ты мне в этих брюках. Вообще не люблю девчат в мужской одежде. Представь себе парня, напялившего на себя платье в горошек...

Катя громко рассмеялась, но посмотрела на меня, как на пустое место.

— Разочаровал ты меня. Вначале у меня лучшее мнение было о тебе.

— Я предупреждал — не обижаться.

— Этого не хватало! Тебе следует обижаться на самого себя. В Китае все женщины носят брюки. И правильно делают. Удобно очень. Особенно в дороге, или, скажем, на работе. А ты... Я хотела ради нашего знакомства принарядиться: одеть платье, как ты выразился, в горошек, а теперь расхотела... Не заслуживаешь...

Она отвернулась, словно сочла ниже своего достоинства разговаривать со мной.

С этого дня взаимоотношения у нас с Катей стали портиться. Она не давала мне слова вымолвить. Мои мысли она оборачивала против меня. Я сначала бесился. А потом махнул рукой: решил не обращать на нее внимания. А между тем девушка мне стала нравиться, к удивлению своему, я стал замечать, что улыбка у Кати приятная. И веснушки красят ее. Но, признаться, эти черточки рождались в моем воображении как бы для того, чтобы еще резче подчеркнуть нескладную внешность Кати.

Однажды мы стали играть в шахматы, и я нарочно проиграл ей партию.

— А это тебе нравится? — лукаво спросила Катя.

— Как же?! Очень! — нарочито воскликнул я.

Она вдруг расхохоталась на весь вагон. Я тоже не мог больше оставаться серьезным. Вдоволь посмеялись над нами и Ольга с Федором.

Однако я стал думать, что в Катиных шутках скрыт намек. Сказал Феде наедине:

— Больно отчаянно шутит Катя. Можно подумать черт знает что...

Федя замотал головой:

— Ты это... не знаешь ее. Знал бы, никогда не подумал... черт знает что.

— Но она явно намекает, чтобы я объяснился ей в любви...

— Смеется... А потом... есть у нее это... дружок. На флоте служит...

Когда приехали на стройку, Федора, как механизатора, направили из Бирюсы в мехколонну за сорок километров. Парень загрустил оттого, что его разлучают с Ольгой. А мне даже хотелось уехать от Кати.

— Оставайся, Федя, здесь, а я поеду в мехколонну вместо тебя.

— А если это... выяснится? — испугался Федор.

— Кто-то станет выяснять. Тебя здесь зачислят в бригаду, меня там. И в мехколонне наверняка не обходятся без разнорабочих.

Федор колебался недолго. А когда согласился, просиял весь.

— Олег, ты это... настоящий друг!..

Так механизатор остался там, в Бирюсе, разнорабочим, а разнорабочий пожаловал в мехколонну. И вот я стою, пристыженный, перед начальником. Что теперь делать? Будь что будет.

Начальник колонны почти выгнал меня из кабинета, сказав:

— Иди к мастеру, пусть он тебя определяет, куда найдет нужным.

Мастер приехал с участка в полдень. Я уже узнал, что зовут его Дмитрием Ивановичем, по фамилии Рогозин, и что на стройку он приехал в прошлом году после окончания института. Для меня он совсем не молодой. Загоревший, в спецовке, немного усталый.

Его большие темные глаза смотрят на меня доброжелательно.

— Разнорабочий? Но почему не шофер? — проговорил он, когда я представился ему. — Ну что ж, коли приехал на стройку, не уезжать же обратно, — смирился он. — Что тебе поручить, прямо ума не приложу... Ладно, есть дело. Запасайся лопатой штыковой. Завтра с утра поедешь развальщиком на насыпь. Старого развальщика направил помощником машиниста на экскаватор.

2

Штыковая лопата — инструмент, знакомый мне с детства. Копал и картошку в огороде, и погреб. Как будто знаю, как обращаться с нею.

Утром я раньше всех явился в контору. Вскоре начали приходить рабочие. Все в замасленных комбинезонах. Значит, механизаторы. Механизированная колонна! Только я один разнорабочий. Упрек Ивана Ивановича (так звали начальника колонны) не давал мне покоя. Пришел мастер. Поздоровался со всеми. Мне кивнул головой и поманил рукой.

— Вот навес, — показал он в ограду конторы, — там хранятся лопаты. Беги выбери. Сейчас поедем на участок.

Лопат под навесом целая гора. И все не такие, какими мне приходилось дома копать огород: тяжелые, тупые, с толстыми черенками. Все перебрал, кое-как нашел одну лопату более-менее с тонким и гладким черенком.

У конторы уже стояла автомашина. Со всеми вместе влез в кузов. Едем.

Все вокруг покоряет меня. Тайга. Горы. Вершины скал распарывают голубое небо. Какой каменотес высек все эти причудливые фигуры! А какая красивая река! Вода светлая, все дно видно.

На берегу меня вдруг обсыпали слепни. Они садились на лицо, шею, руки, и сразу больно впивались. Я отмахивался от них. Но где там! Я не знал, что делать. А механизаторы, глядя на меня, посмеивались.

— Привыкай, — пошутил мастер. — От мошки помогает мазь, а на слепней не действует.

Я корчился, ежился, отмахивался. Но спасения не было.

Насыпь делали машины. Самосвалы один за другим бесконечным круговым потоком везли и везли гравий из карьера. Мастер отвел меня на край насыпи и объяснил, что я должен делать. Мне предстояло разваливать бугры гравия.

Первую машину не пришлось долго ждать. Самосвал, урча, вырос, как из-под земли. Почти на полном ходу развернулся, обдав меня клубами пыли. С грохотом опорожнился кузов. Не успел я развалить ворох, как подкатила другая машина. И пошло, и пошло... Я забыл о слепнях, забыл себя, Катю, всех на свете. Одна мысль сверлила голову: только бы успеть за самосвалами, только бы успеть. Однако это оказалось не под силу. Остроконечные кучки росли и росли. Скоро они преградили путь самосвалам к кромке насыпи. Пот застилает мне глаза, слепни впиваются в шею, а я со злостью, остервенением набрасываюсь на очередной ворох. Всаживаю лопату, нажимаю со всей силой черенок через колено и вдруг — трах! В руках у меня легкий как перышко, гладенький черенок, лопата же в куче гравия. Тороплюсь найти ее. Но поздно. Самосвал уже пятится на меня. Его кузов, вздрогнув, зловеще наклоняется. Отскакиваю в сторону. А на лопате уже три тонны тяжелого, точно свинец, гравия. Что делать?

Кучки растут на глазах. Они уже представляют щетинистый заслон, преграждающий путь машинам. Очередной самосвал развернулся и уперся в них задними колесами. Рявкнул мотор, но не хватило сил переехать

сыпучие бугры. Самосвал двинулся вперед, рванул назад — бесполезно. Еще рывок, еще... Я смотрел на колеса и кряхтел, мысленно помогая машине взять препятствие.

— Эй, исусик, чего рот разинул и не разваливаешь? — заругался на меня шофер. Он так был зол, что я испугался, подумав: сейчас выскочит из кабины и бросится в драку. Я показал ему черенок.

— Видишь, сломался...

Шофер выскочил из кабины. Но в драку не бросился. Торопливо выдернул из скоб на кабине лопатку с коротким черенком и начал разваливать кучи. Он работал так скоро и ловко, что я позавидовал.

Потом шофер швырнул лопату в мою сторону.

— Верни к концу работы, — крикнул, залезая в кабину. Два самосвала стояли на очереди. Они быстро разгрузились и ушли. Я начал разваливать кучи. Вот так наградили меня инструментом! Шоферская лопата с неровным сучковатым черенком царапала ладони, выворачивала руки. Но ведь шофер только что ловко работал этой лопатой. Значит плох не инструмент, а руки.

...Этот день показался мне вечностью. Больно зудел лоб, покрывшийся шишками от укусов слепней. Страшно ныла спина. А руки стали совсем чужие, точно подвязанные плети.

Перед тем как сойти с насыпи, я тупо посмотрел на насыпь. До начала работы заметил, что ее край был напротив раскидистого черемухового куста. Теперь этот куст был от нас в ста метрах. Значит, на столько продвинулись вперед. Шоферы были довольны результатами своего труда. Меня же это нисколько не трогало. Я точно онемел, перестал думать, соображать. Тяжело? Да, тяжело. Больно? Да, больно. Завтра опять разваливать? Да, опять. Я не представлял завтрашнего дня. Принес лопату шоферу. Тот посмотрел на меня.

— Как, в охотку поработалось? — спросил, смеясь.

Мне было не до смеха. Я чуть не плакал. Ладони жгло. Я дул на них.

— Мозоли набил? — участливо спросил шофер. Он перестал смеяться. — Почему рукавиц не надел?..

— В такую жару рукавицы? — удивился я.

Шофер покачал головой.

— Ну, и пухнарь же ты...

Трофим, так звали шофера, когда приехали в поселок, проводил меня в общежитие, там взял из аптечки мазь, смазал ею мне саднившие ладони и туго перебинтовал. Потом ушел. Утром я давал себе слово после работы написать домой письмо. Но сейчас так устал, что валился с ног. Сил у меня хватило только на то, чтобы раздеться и донести до подушки голову.

...А утром с забинтованными руками в рукавицах я против своей воли выбирал под навесом лопату, которая потяжелее и с черенком потолще да покрепче...

3

Так прошел еще один день. Потом второй, третий... Я работал, двигался, говорил, временами смеялся, временами плакал в душе. И ни о чем не думал. Только изредка почему-то вспоминал о Кате, даже хотелось видеть ее.

Мозоли мои засохли, стали твердые. Ладони кололись, как шиповник. Зато перестали болеть.

Я теперь успевал разваливать. Даже уставал не так сильно, как в первый день. Шоферы начали посмеиваться надо мной. Вот, мол, человек за десять лет в школе научился все же лопатой владеть. Один я в смене разнорабочий. Мне было совестно перед шоферами и завидно. Ох, как завидно! Ничего бы не пожалел, чтобы научиться водить машину. Почему я не пошел на курсы вместе с Костей?..

Однажды в выходной день сел писать домой письмо. Описал вкратце, как доехал, куда попал работать. Вдруг мне стало тяжело и тоскливо, хоть бросай все и уезжай обратно в деревню. Здесь все так не мило, так тяжел труд, такая тоска, заедает мошка, мучают слепни. На бумагу ложились слова, выражающие мое душевное смятение.

Исписав два листа, спохватился: что делаю? Ребята обещали приходить к отцу с матерью и читать мои письма. Ничего, скажут, герой наш льет телячьи слезы. Это, мол, ему не за партой сидеть. Вырвал из тетради листы, скомкал их и бросил в печку.

Начал писать совсем не то, что было на душе. Стал расхваливать сибирский край, природу, чудесную погоду. Вспомнил, как продрог после первого купания в ледяной Бирюсе, и написал, что река здесь теплая: станешь купаться — и не захочешь вылезать из воды. Красочно расписал, как мы воздвигаем насыпь под железнодорожное полотно, как нас радует высокая «проходка», когда не мешают дождь или случайная остановка экскаватора.

Вдруг почувствовал, что пишу подлинную правду. Когда, например, случается дождь и

я вроде бы радуюсь наступившему отдыху, но вместе с механизаторами тут же проклинаю небесную канцелярию за вынужденный простой.

4

— Олег, я придумал облегчение для тебя, — весело сказал Трофим, когда мы шли к переправе и я едва переставлял ноги от усталости. — Рационализацию для тебя придумал...

На другой день утром Трофим попросил меня помочь погрузить на машину лист железа с шарнирными скобами. От переправы до насыпи нам по очереди помогали тащить его шоферы. Лист прикрепили к открываемому борту кузова. При поднятом кузове он почти достигал земли. После того как самосвал вывалит гравий, лист, двигаясь вслед за машиной, должен развалить гребень кучи, сделать то, что делал я лопатой.

Мы не начинали работы, пока не опробовали Трофимова изобретения в действии. Самосвал нагрузился и покатил на насыпь. Здесь Трофим развернулся, подъехал к краю, включил домкрат опрокидывателя. Кузов начал наклоняться, а борт опускаться к земле. Посыпались крупные булыжины, потом шумно съехал весь гравий. Самосвал осторожно тронулся вперед, и лист развалил гравий, словно это был не тяжелый речной грунт, а легкие опилки. Я был на седьмом небе от радости. Вот так Трофим!

Шоферы шумно одобрили его изобретение. Трофим вылез из кабины, критически осмотрел результат развалки. Сделано чисто, ничего не скажешь. Мы все невольно ждали его слова.

— Видишь, Олег, как хорошо получилась твоя рационализация, — похвалил он меня, словно не он, а я был автором этого удачного предложения. — Навешаем на все самосвалы такие заслонки, лопата станет тебе не нужной!..

Через несколько дней, действительно, на нашем участке все самосвалы имели такие приспособления. Я только посматривал за работой машин да от нечего делать прогуливался по насыпи. Лопата лежала в стороне, и ее толстый черенок, отшлифованный мозолями моих ладоней, поблескивал на солнце.

На насыпи я стал совсем не нужен. Совестно стало бездельничать. Встретившись с мастером, рассказал ему все и попросил другую работу. Дмитрий Иванович почесал затылок.

— Придется тебе, Карташов, завтра пойти к Ивану Ивановичу. Нет больше у меня дел для разнорабочего...

Мне совсем не хотелось идти к начальнику колонны. У меня сложилось о нем плохое мнение. Совсем убитый, подошел к Трофиму после смены. Он насвистывал веселый мотив. Увидев меня, сказал:

— Олег, знаешь, за нашу рационализацию мне мастер начислил премию!

— Зато я остался без работы от твоей рационализации.

— Как так?

— Вот так... Нечего мне делать тут больше.

Трофим засмеялся.

— Ну этого не может быть. Людей всегда не хватает.

— Механизаторов не хватает, а не разнорабочих.

Мы замолчали. Всю дорогу до переправы не проронили ни слова, будто были виноваты друг перед другом. Нет, Трофим не виноват передо мной. Что поделаешь, если не имею никакой специальности. Сегодня мой труд заменило простое приспособление. Завтра заменит какая-нибудь машина. Нет у меня, разнорабочего, никакой перспективы. Мне стало тоскливо.

— Хочешь стать шофером? — заговорил Трофим.

— Да, очень.

— Просись у Ивана Ивановича, чтобы тебя командировали на курсы.

— А могут послать?

— Конечно, могут...

* *
*

Когда я пришел к Ивану Ивановичу, сразу понял, что ему не до меня. В кабинете были главный инженер с бухгалтером и еще какие-то люди. Все говорили наперебой, убеждая друг друга. Мне стало не по себе. Нехорошо отвлекать людей от дела. Но отступать было поздно. Иван Иванович заметил меня. Что ж, будь что будет.

— Иван Иванович, мастер послал меня к вам. Работы у него для меня нет. Я хочу стать шофером. Направьте меня на курсы.

— А кто ты такой? С ветра человек — и командируй его...

— Тогда увольте меня совсем!..

— Подавай заявление, — рассердился начальник колонны. — Глядите на такого добровольца... Климент Витольдович, — обратился он к главному бухгалтеру, — выдай ему расчет...

Не помню, как очутился на улице. Кажется, даже дверью хлопнул.

Механизаторы собрались на работу, поджидали машину. Ко мне подошел Трофим.

— Что с тобой, Олег?

— Рассчитали меня.

— Да ну?

— Делать мне нечего. На курсы не посылают, потому что я... человек с ветра...

Слезы хлынули из глаз. Трофим убежал куда-то. Мне стало еще тяжелее.

«Не нужен мне расчет, не хочу ваших денег», — обозлился я. С горы спускалась машина. Забежал в общежитие. Схватил чемодан, выбежал на дорогу. Шофер, увидев меня, затормозил машину. Я забросил чемодан в кузов и уже на ходу заскочил сам.

ДУША НЫТИКА

1

К вечеру добрался до Бирюсы. В поселке разыскал Федора. С ним жил Сергей Окунь, с которым мы тоже подружились в пути. Он был на два года старше нас, окончил строительный техникум, год проработал мастером, потом поехал в Сибирь.

Уставший и голодный, я ввалился к ним в вагончик. Друзья поразились.

— Вот тебе раз... Откуда ты взялся? — спросил Окунь.

— Сбежал из мехколонны.

— Как сбежал?

Сергей и Федор уставились на меня.

— Дайте поесть. Умираю с голоду, — попросил я.

Сергей достал из тумбочки черствую краюшку хлеба, положил на стол.

— Ничего больше нет. Мы в столовой питаемся...

— Водичка найдется?

— Хоть целое ведро...

Наевшись, стал рассказывать о своих злоключениях.

— Значит, к нам решил перебежать? — спросил Сергей, выслушав меня.

— Да, к вам. С вами хочу работать...

— А я-то думал, ты того... совсем было подался со стройки, — повеселел Сергей. Скупо улыбнулся и Федор.

— Айда к нам в бригаду, — мотнул он головой.

— Конечно, к нам, куда еще-то, — определенно добавил Сергей. Он заверил, что завтра же уговорит мастера и начальника зачислить меня в их бригаду.

На душе у меня отлегло.

Вечер проговорили. Я расспрашивал Сергея о тех, с кем довелось познакомиться в пути. Все они работали в Бирюсе. Вспомнили про одного попутчика. Не человек, тень какая-то. С высохшим телом, с высохшей душой. Перекошенные брови делали его каким-то колючим, злым. Как-то мне пришлось сыграть с ним партию в шахматы. Он передвигал фигуры на доске, не думая, не соображая, нет-нет да и «зевал». Я снял у него без всякой замены сначала коня, а потом ферзя. Соперник мой совсем потерял интерес к шахматам и ничего другого не выдумал, как смахнуть все фигуры с доски.

— Ваша победа, сдаюсь, — равнодушно признал он свое поражение.

— У вас нет воли к победе, — заметил я.

Он скривил губы в ухмылке и снисходительно посмотрел на меня глубоко впавшими глазами.

— Петушок ты еще неоперенный. Наверно, после десятилетки?

— Да, нынче окончил десятилетку.

— Видно сразу, — и он похлопал меня по плечу. — Ишь, какой зоркий: воли нет к победе. Посмотрим, какая у тебя будет воля, вот свозят на стройку.

— Разве нас везут? — удивился я. — Мы, по-моему, сами едем.

— Какой ты наивненький, петушок, — посмеялся он. — Конечно, добровольно, если другого нет выбора...

Он стал рассказывать мне о жизни, якобы уготованной молодому поколению. Она, по его рассказам, была совсем не такая, какой я ее представлял из прочитанных книг. Меня, как я понял, ожидают жернова, именуемые бюрократизмом, черствостью, которые опустошают человеческие души. Если у меня есть мечта, ей обрежут крылья, если есть талант, его растопчут в зародыше...

— А кем работает скептик? — спросил я Сергея. — Помнишь его? Серебренников, кажется, фамилия. А звать, помню, Василий. На человека не похож, тень какая-то...

Сергей рассмеялся.

— Как не помнить! Он у нас в бригаде. Завтра встретишься...

Он умолк. Мне еще хотелось поговорить о Кате. Девчат назначили рабочими-топографами к геодезисту поезда. У них много дел на трассе. Поэтому в Бирюсе они бывают редко. И сейчас их нет дома. Я все ждал, что Сергей снова вспомнит о девчатах. Но он уснул.

2

— Олег, ты почему копаешь без верхонок?

Я смотрю на свои ладони. Кожа твердая, как подошва, до блеска натерлась о черенок лопаты. Забота друга смешит меня.

— Не беспокойся, Сережа, мои ладони прошли обкатку. Теперь им мозоли не страшны...

Наши ямы рядом. Мы копаем котлован под фундамент жилого дома. Мы зовемся бригадой землекопов. Я не стыжусь этого слова. Это в мехколонне возле механизаторов совестно быть развальщиком. А здесь нас, землекопов, четыре человека, целая бригада. Я рад, что зачислен в нее.

Федор трудится напротив. Он копает землю, что твоя землеройная машина. Тяжелые сырые камни со щелканьем выскакивают на бугорок, а мелкие долетают до меня.

По-иному работает Серебренников. Вяло, безо всякой охоты, словно подневольный. Ковырнет, выбросит, постоит, опять ковырнет.

Мы трудимся возле нового здания, выросшего на улице Калужской. Это клуб.

Его открытия ребята ждали с нетерпением. Сколько провели воскресников! Все вечерами после работы помогали его достраивать. Не участвовал в этом деле один Серебренников. Он был против всякого клуба.

— Жить негде, а они конторы строят да клубы, — негодовал Василий. — Наверняка придется зимовать в этих вагончиках. Сейчас они накаляются, что твой самовар, а каково будет в сорокаградусный мороз?..

Пусть в палатках и теплушках застанут нас сибирские морозы, но клуб нам нужен прежде всего.

...Сегодня открытие клуба. Не могу найти себе места. Шутка ли, скоро увижусь с Катей. Чего вдруг захотелось мне ее видеть? Федор сказал, что девчата вернулись с участка. Кажется, год прошел с тех пор, как расстались мы с Катей. Обрадуется ли она? А чего ей радоваться, ведь я не моряк, в которого она влюблена. Но что бы там ни было, хочу видеть ее...

Пришли в клуб втроем: я, Сергей, Федор. Там играл баян. Девчата танцевали.

— Олег, здравствуй, с приездом...

Это поздоровалась со мной Ольга. Я кивнул ей. Тороплюсь к Кате. Скажет ли она хоть эти слова?

— Катя, здравствуй...

Она молчит, разглядывает меня с насмешливым удивлением.

— Идем танцевать, — говорю ей.

— Идем, — безразлично соглашается Катя. Заговаривает она на кругу. — Выгнали из мехколонны?.. Не вышло из тебя механизатора?

И залилась переливчатым смехом, откинув рыжую головку назад. Шея загоревшая.

— Значит... Значит, ты уже слышала, что я приехал сюда?..

— Как не слышать! Все в поезде говорят, что в бригаду Окуня зачислили еще одного... Серебренникову подобного...

Мне бы тоже шутить, но не могу найти слов. Как убедить ее, что я не такой, с кем она умышленно сравнивает. Наконец говорю:

— Серебренников не такой плохой парень. Вот увидишь, Окунь сделает его человеком.

— Окунь, Окунь... Федька только и знает: «Окунь!». И ты: «Окунь!». Да кто такой ваш Окунь?!. Бригадир самой отстающей бригады. Воспитателя из себя строит. Ничего у него не выйдет...

Мы с Катей молча кружимся и кружимся.

— А ты славно танцуешь, — каким-то другим, потеплевшим вдруг голосом говорит Катя.

— Ради тебя готов плясать даже, — гляжу на ее лицо и не могу налюбоваться чудными узорами веснушек.

— Ты плясать умеешь? — поймала она меня на слове.

— В школе когда-то плясал...

Катя вдруг оставляет меня посреди круга и бежит к баянисту. Что-то шепчет ему на ухо. Он кивнул головой и перестал играть. А когда круг освободился, начал плясовую. Катя этого и ждала. Отбивая каблуками, прошлась по кругу, а потом передо мной пустилась в присядку. Родятся, что-ли, девчата плясуньями. По всему видно, что не училась в хореографическом кружке, а отбивает так чисто, позавидуешь... Катя вдруг покружилась юлой на каблуке и вызвала меня на круг.

— С выходом, — крикнул я баянисту и замер в ожидании. Чего так боюсь? Ведь плясал в школе.

Резкий звучный аккорд — и я выбил тройной удар. Затем другой, третий. Включились в дело руки. Мои загрубелые ладони в такт музыке звучными хлопками выбивали дробь о грудь, о пол, о подошвы, о ноги. И пошло. И пошло... Признаюсь, никогда с таким азартом не плясал. Мои руки и ноги это делали сами.

Сколько плясал, не помню. Пять минут или пятьдесят. Но, кончив, вдруг почувствовал, что вложил все силы. Глаза застилает пот, сердце колотится. Ноги подкашивались. Я задыхался. А в ушах вдруг поднялся шум. Это от аплодисментов. Рядом увидел Сергея, Федора. А потом меня окружили и начали качать. На лице Кати уже нет безразличия. Во время кино мы сели рядом.

Этот вечер прошел как сон. Не знаю даже, с чем сравнить: как будто дома побывал, как будто исполнились все мои мечты.

После кино еще долго танцевали, плясали, пели песни.

Веселье кончилось глубокой ночью. На улице я оказался рядом с Катей. Дождь прекратился. Тонко пели комары. Катя поежилась, ей было холодно. Я предложил ей пиджак.

— Спасибо, — отказалась она. — Мы уже пришли...

Сколько тут идти, ведь клуб рядом. А мне хотелось хоть немного побыть с Катей.

— Погуляем немного.

— Нет, нет. Уже поздно, завтра ведь на работу.

— Ну хоть немного поговорим...

— О чем?..

Действительно, о чем говорить? Так много хочется сказать, а говорить не о чем. Молчание томило. Только увидев над головой бесконечное море звезд, нашел вдруг желаемое слово:

— О звездах!.. Поговорим о звездах... Смотри, — сказал я. — Здесь они кажутся высоко-высоко. У нас дома они как будто ниже.

— Ага, — согласилась Катя. — Дома у нас они за трубы задевают. И, озорно рассмеявшись, вбежала на высокое крыльцо.

— Катя, почему ты всегда смеешься надо мной?

— Потому что смешно.

— А я тебя... ты мне очень нравишься.

— И ты мне нравишься. Вот и поставим на этом точку...

Она помахала мне рукой и скрылась за дверью. Опять шутки! Впрочем, они мне уже нравятся...

3

Нашу бригаду разрисовали в «молнии». Мы трое оказались на первом плане. Серебренников прятался у нас за спинами, виднелись ноги да косматый чуб. Ниже рисунка перечислялось, что мы можем делать на высокий балл: плясать, танцевать и... лодырничать. Стыдно было смотреть людям в глаза. Вот как подвел нас Серебренников. Мы готовы были растерзать его. У Федора даже кулаки чесались. Сергей убеждал его не поднимать шума.

Узнав о «молнии», Серебренников возмутился.

— Черт возьми, тянешь, как ломовая лошадь, на тебя же шишки валятся, — цедил он сквозь зубы.

— Вот тебе раз... По процентам видно, какие мы ломовые лошади, — посмеялся Сергей.

— Что проценты. Нормы такие. Как на машину, рассчитаны.

Сергей отвернулся, видимо, не желая слушать нытье Серебренникова. А тот продолжал уже сам себе:

— Никакой справедливости. Загнали в грязь, комарам на съедение, да еще душу выматывают...

Пришло время получки. В аванс нам выписали по тридцать рублей. Мы их уже истратили. В расчет не досталось и по две десятки.

...Утром на площадку раньше всех пришли мы с Федором. К девяти прибежал Сергей.

— Чуть не опоздал, пока брился, — объяснил он, — А Серебренников не был?

— Совсем бы это... не приходил лучше, — ворчливо сказал Федор.

— Вот тебе раз... А злющие вы... испугаете парня... Давайте, ребята, встретим его, как порядочного... Может быть, поймет, что из-за него мы мало заработали...

— Жди — поймет такой, — спорил Федор.

— Давай, Сергей, замерять его выемку отдельно от наших, — предложил я.

— Вот здорово... Он тогда на хлеб не заработает.

— Что заработает, то пусть это... и кушает, — злился Федор.

— Потерпим, ребята, — уговаривал нас Сергей. — Давайте работать по-настоящему. Авось Серебренников поймет все и образумится...

Серебренников пришел на площадку в десять часов. Мы продолжали работать. Он остановился возле колышка, мрачно заговорил:

— Зачем шел сюда, сам не знаю. Шел... не копать вашу мерзлоту... Нет! И не прощаться с вами...

— Вот тебе раз... Что ты задумал, Василий? — спросил Сергей. — Бери лопату да работай с нами. Оставим потомкам память о себе.

— Хватит агитировать, — голос у Серебренникова сорвался. Он почти завизжал: — Сам умею агитировать. Дай мне жилищные удобства да приличный оклад, сагитирую тебя хоть за бога, хоть за черта. Теперь знаю, кто агитаторы и куда они зовут. Вот, — он сунул руку в карман брюк и вытащил оттуда горсть мелких бумажных денег. — Видите?.. Мне обещали полторы сотни, а что получил? Несчастные рубли!..

— Так работали, — вставил Сергей.

— Знать ничего не знаю... Факт налицо. Обещанных денег нет, и... провались вся стройка сквозь землю. Пусть едут сюда сами агитаторы, а я побыл, испытал... Уезжать надо, а то совсем надломят душу...

— А есть она у тебя, душа-то? — усмехнулся Сергей.

Это слово обожгло Серебренникова.

— Эх ты... Поймешь потом, что здесь строили дорогу и... опустошали души...

Он круто повернулся и, горбясь, как старик, пошагал в поселок.

— Это... догоняй его, перевоспитывай, — с иронией сказал Федор Сергею.

— Замолчи ты хоть, — заругался я на Федора.

Ночью Серебренников сбежал со стройки.

СНЕГ УПАЛ НА ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС...

1

Наступила осень. Тайга — в золоте и меди — как будто притихла, задумалась.

Мы продолжаем рыть котлованы под фундаменты домов. В хвосте не плетемся. Хорошо зарабатываем.

Только деньги не радуют нас. Работа становится скучной. Траншеи да траншеи. Одну выкопал, начинай другую. Неужели не доведется побывать на трассе? О нас как будто забыли.

Сегодня перешли на последнюю разметку.

— Не только о нас забыли, но и не приходят набивать новых колышков, — сказал я ребятам.

— Не беспокойся это... за колышки, — Федор говорил и смотрел в сторону от нас. — Пока кончишь этот... котлован — десять других успеют разметить...

— Может, больше не будут размечать, — предположил Сергей.

— Не гадай, Сергей. Лучше сходи поговори с начальством, — посоветовал я. — Напомни о нас. Дипломатично скажи, что ребята на трассу хотят...

Это было наше общее желание.

К концу рабочего дня к нам пришел начальник колонны Алексей Романович Скрябов. Высокий, лобастый. На ремешке через плечо полевая сумка. В черной шевелюре уже заметно блестит прокаленная лысина. Брови густые, широкие, сросшиеся на переносице. Гимнастерка на Алексее Романовиче выгорела, стала желтой. Скрябова в колонне все уважают, хотя далеко не всем доводилось с ним сталкиваться.

Алексей Романович молча осмотрел нашу работу, потом заговорил. Голос звучный, мягкий. Говорит неторопливо, плавно, точно слово к слову прикладывает.

— Хоть вас и трое, но, как говорится, все в тельняшках. Молодцы. Свое дело сделали. Теперь придется менять профессию...

Мы насторожились.

— Теперь вашу работу будет выполнять канавокопатель. Получили такую машину. Она — будь здоров — в один день нароет столько, сколько вы за месяц не сделали. А вам придется пойти на самый передний край. Мосты будете делать на месте строящейся автодороги. Знаю, не подведете. Плохих людей на трассу не посылаем. А ну-ка случись задержка на строительстве деревянного мостика? Вся техника остановится! Тут уж, брат, не шути. Понимаете?..

А. Шипицын. **Утро в Хакассии.** *Линогравюра.*

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

А. Шипицын. **В Хакасской степи.** Линогравюра.

— Понимаем, — ответили мы почти хором.

— Направим завтра в вашу бригаду двух опытных плотников. Будете у них учиться на ходу. Тебе, Окунь, придется возглавлять бригаду.

— Вот тебе раз!.. Я, Алексей Романович, плотник-то липовый...

— Зато ты техник. Справишься. Скоро будем открывать мастерский участок в Саранчете. Тебя назначим мастером.

Алексей Романович оглядел нас, дескать, как мы на это смотрим, и продолжал:

— Работы становится все больше. Вся надежда на вас, комсомольцев. Поджидаем пополнение. Едут демобилизованные воины...

— А... кто они... Случайно, не моряки? — спросил я.

— Пограничники, кажется, — ответил Алексей Романович.

Значит, не моряки... Мне хотелось, чтобы он, тот моряк, к которому я почему-то стал питать ревность и зависть, струсил ехать на стройку, испугался трудностей, отказался от Кати. Но моряки не из трусливых.

Когда Скрябов ушел, мы начали поздравлять Сергея. Мы были рады за него.

— Станешь мастером, нас не забывай, — наказывали мы. — С собой забирай обязательно.

2

— Бригадир, бери себе помощника и заделывайте замок на стыке вот этих бревен. Остальные — ошкуривайте настил.

Это распорядился Платон Гурулев, плотник с чапаевскими усами. Он много старше нас. И это заметно, хотя мы тоже успели в Сибири загореть, обветриться, возмужать.

Платон с напарником узбеком Нурдавлитом Нурдавлитовым работает на стройке уже около года. До этого они трудились в Свердловске на заводе. Подружились в армии. Вместе демобилизовались. Вместе приехали на родину Платона. Затем вместе поехали в Сибирь.

Федор с Нурдавлитом берут топоры и начинают ошкуривать чурки. Кору снимать каждый сможет. Мы с Сергеем становимся у бревен и ума не приложим, с чего начинать. Сколько ни крутились возле торцов, ничего придумать не смогли. Признались Платону.

— Вы что, совсем не плотничали в жизни? — удивился он.

— Дрова кололи в основном, — ответил Сергей.

Платон покрутил ус и, хмуря свой широкий лоб, пошел к нашим бревнам. Быстро разметил замок и, рассказав, в каком порядке выполнять его, покинул нас. Полдня мы провозились с злополучным замком и... испортили его. Не получилось замка. Тогда Платон начал исправлять брак. В его руках топор вытворял чудеса, размеренно и точно врубался в дерево. Вся наша размазня преобразилась. Выровнялись пазы, загладились соединительные скосы. Когда мы приложили их друг к другу, то выступ плотно вошел в паз. Замок был готов.

— Ну вот и сделали, — проговорил Платон, осмотрев зазоры.

— Только не мы, — добавил Сергей.

Замок еще долго оставался для нас сложным делом. Тем не менее с простыми работами мы освоились быстро. Научились ошкуривать бревна, зарубать пазы, отесывать балки со стойками.

Мы делали автодорожные мостики. Самой автодороги еще не было. На ее месте только просека. По пути — речушки, ручейки, ложбины, пади. Через них-то мы и наводили деревянные мостики. На каждый километр их приходилось по три-четыре, а иногда и больше. Следом за нами группа автомашин насыпала полотно дороги. Потом эта автодорога приведет на участок основной трассы мощную технику. Словом, мы шли головными, мы были на переднем крае. Нас это вдохновляло.

3

Приближалась зима. Стало холодно. Серые тучи наполняли воздух стаями «белых мух». Бирюса нахмурилась, потемнела. Куст рябины ронял листья и, казалось, отвернулся от воды.

Однажды, проснувшись утром, мы были поражены, точно увидели светопреставление. Глаза не верили этому чуду. Снег лег на зеленый лес. Казалось, что вот-вот потеплеет, и все снова зацветет, как весной. Но зима встала накрепко, ослепительно белая, сухая. На пнях образовались пушистые шапки. Махровые ели накинули на себя снежные шубы. По соседству топорщатся кусты шиповника, розовые ягоды на них горят, как новогодние лампочки.

Мы идем по снежной целине гуськом. Впереди Платон, позади я. До нового мостика, который начали строить, километров шесть. Но расстояние нас не пугает. Напротив, прогулка доставляет удовольствие. Под ногами вкусно похрустывает снег, дышится легко, настроение радостное...

Прежде чем начать работать, развели большой жаркий костер. Покурили. Потом набросали в огонь толстых чурок и приступили к делу. Сегодня и древесина стала иной, звенит, поет. Трудились часа полтора. Еще бы плотничали, но Сергей объявил перекур. Просто не хотелось топор выпускать из рук. Так легко сегодня работать.

Не очень дружно собрались у костра. Последним бросил плотничать Платон. Пока работал, шапка у него была на затылке. Сейчас Платон сдвинул ее на лоб, подкрутил кончики усов. В глазах радость. И все мы довольны работой. Особенно Сергей.

— Этот мостик мы, пожалуй, завтра закончим, — говорит он торжествующе. —Вот здорово-то! Я думал, зима мешать будет нам, а она, наоборот, помогает.

— Еще достанется от нее на орехи, знай держись, — энергично потряс кулаками Платон.

— Не пугай. Смотри, на сколько мы уже оторвались от механизаторов. А завтра, если переберемся на новый мостик, они отстанут еще больше...

Я смотрел вниз, где протока Бирюсы черным шарфом повязала склон горы. Вдруг слышу Сергей говорит:

— Топор хоть и очень древнее орудие труда, но он сейчас главнее любой машины. Без наших топориков никакая техника здесь не пролезет...

Сергей любит утверждать, что наша бригада решает судьбу стройки. Меня эти слова уже раздражают.

— Скажешь, мы главные на трассе? — вызываю я его на спор.

— И скажу!..

— Ну, конечно!.. Мы это мы, остальные — так себе. Механизаторы дорогу делают — они серые люди, а мы топориком тюк-тюк — герои. Экое геройство!

— И геройство! — стоял на своем Сергей.

Зло меня взяло на Сергея: с ним недолго возомнить себя тем, кем никогда, быть может, не доведется стать.

— Совершенно правильно, — сказал я, вкладывая в свои слова как можно больше иронии. — Лягушка, которая дулась, дулась, чтобы с волом сравняться, лопнула. Как бы с нами такая оказия не произошла. Механизаторы-то смогли бы навести за нас мостик, а мы и трактора заглушить не сумеем...

У Нурдавлита погасла папироска. Он берет дымящуюся головешку и, размахивая ею, говорит запальчиво:

— Мы — главные на трассе, значит мы — самые хорошие люди...

— Особенно ты самый хороший, — смеясь, потряс его за плечо Платон.

— И я, и ты, и вся бригада, — утверждает Нурдавлит серьезно. — В Москве таких мало...

Мы смеемся над ним.

— Чего смешно вам, — обижается Нурдавлит. — Говорят, много миллионов человек живет в Москве, а ну-ка скажи каждому: айда дорогу строить в Сибири, партия зовет. Все поедут? Нет.. А мы тут как тут...

— Помолчи ты, трещотка, — заругался Платон на друга.

— Не буду молчать. Никто мне рот не заткнет.

— Жаль...

— Чего жаль? — не понял Нурдавлит.

— Жаль, что рот тебе никто не заткнет. Хоть бы думал, что говорить.

— Нурдавлит что думает, то и говорит...

Нурдавлита переубедить невозможно. Когда он начинает спорить, мы чаще всего, как по команде, прекращаем перекур и идем работать.

СЕРГЕЙ ПОДДЕРЖАЛ НУРДАВЛИТА

1

О нашей стройке писали все газеты: местные, центральные, областные. Из газет мы узнавали о каждом более или менее важном событии на трассе.

«Комсомольская правда» напечатала о том, что на самом лобовом участке трудится бригада, борющаяся за коммунистическое звание. Это была наша бригада. Сергей Окунь в информации превратился в Сергея Окунева, а Платон Гурулев — в Гурулева Антона. Из остальных никто не «пострадал».

Сергей возмущался, я смеялся над ним.

— Так тебе и надо. Нечего было заваривать эту кашу...

— Вот тебе раз!.. Ты сам согласился...

— Разве вас переубедишь... Уперлись на своем... Не Борис — ни за что не согласился бы...

И я вспомнил, как началась эта история. На перекуре заспорили, как всегда. Нурдавлиту захотелось работать в коммунистической бригаде. Хорошо его тогда одернул Платон.

— Ну и болтун ты стал, — сказал он, — спасу нет...

— Ты сам болтун, — упорствовал Нурдавлит. — Дело говорит Нурдавлит. Чем мы хуже других?..

Я подумал, что... перекур кончился, поднялся. И Федор взялся за топор. Но Сергей задержал нас и, к общему удивлению, стал одобрять предложение Нурдавлита. Платон слушал, слушал и, посмотрев на друга, сплюнул через плечо.

— Чья бы коровушка мычала, но вот эта — молчала...

Нурдавлит точно взбесился: соскочил, затопал.

— Нурдавлит тебе больше не товарищ, — выкрикнул он.

Платон засмеялся.

— Из таких только и строить коммунистическую бригаду.

Сергей заступился за Нурдавлита:

— Перестань ты изводить его. Лучше скажи свое мнение.

— Вот и говорю: не ручаюсь я за него. Выпить любит...

— Кто, Нурдавлит любит? — возмутился Нурдавлит. — Плохо ты знаешь Нурдавлита. По спору Нурдавлит за год одной рюмки не выпьет. Не увидите, как Нурдавлит пить будет...

— Спрячешься, тогда выпьешь? — пошутил Платон.

— Сказал, не увидите, и Нурдавлит не будет пить, — серьезно обиделся Нурдавлит.

Сергей обвел взглядом, спросил:

— Ну что, ребята, скажете?

Федор не заставил себя ждать.

— Первым условием это... — учиться, а мы не сможем, — заявил он.

— Вот тебе раз!.. Мы вовсю учимся, — убеждал нас Сергей. — Научились землю копать, теперь учимся на плотника, а там за что-нибудь другое возьмемся. Институт от нас не уйдет. Так и запишем в своем обязательстве.

Разговор принимал уже серьезный оборот. Меня это даже пугало. Я никогда не думал о том, как я жил: правильно или неправильно. А тут вдруг перед глазами замелькали все минувшие события. Они становились в ряд, в котором я мог разглядеть себя таким, каким есть на самом деле. В школе я не любил уроки политехнизации... Сбежал из колхоза... Удрал из мехколонны... Раньше я как-то оправдывал себя за эти поступки, сейчас никаких оправданий не находил. Сергею хорошо. Он чист как зеркало. И Платон молодец.... Федор тоже.

Я взглянул на Бориса Шилкова. Он новый человек у нас в бригаде. Работает с нами уже неделю. Замкнутый, слова о себе не скажет. И взгляд у него какой-то пугливый. Прямо никому в глаза не посмотрит.

Борис даже на работу приходит прилично одетым: в модном костюме, в узких брюках и ботинках на толстой подошве. Он не жалеет эти вещи, грязи не остерегается, как будто хочет быстрее износить.

Сергей с Федором предвзято судят о приличной одежде. И Борис им сначала не понравился. Дескать, вынаряжен, как заявил Сергей, в павлинье оперенье. А мне еще больше понравилось это «оперенье», когда Борис оказался совсем не таким, каким его представлял Сергей. Работал он на совесть, в этом его упрекнуть было нельзя.

Сейчас Борис, похоже, испугался нашего разговора. Что случилось с ним?

А Сергей ждал моего слова. Я вынул из кармана часы и посмотрел время. Наш перекур уже изрядно затянулся.

— Рано нам думать о таком соревновании... Сидим, а мостик по щучьему веленью будет строиться?..

Вечером, когда мы собрались в вагончике и расселись вокруг раскаленной докрасна чугунной печки, Сергей опять заговорил о том же.

Борис опустил голову, ушел в себя, как улитка в раковину.

— Ты чего, Борис? — спросил Сергей его.

Тот медленно поднял голову.

— Я знаю, что вы задумали, то и сделаете... Не отступитесь от своего. Значит, мне надо отстать от вас.

— Зачем отставать? — удивился Сергей.

— Мое прошлое...

— Вот тебе раз!.. Ты живи настоящим, а не прошлым, — посоветовал Сергей дружески.

— Этого не забудешь, — вздохнул Борис и отвернулся. — Вы не знаете всего.

— Не знаем, так расскажи, не таи от друзей.

— Противно рассказывать то, чем я жил.

— Ничего, мы выслушаем, — подбодрил Сергей.

Борис не знал, как начать, долго молчал.

— Стыдно об этом вспоминать даже про себя... даже, когда в вагончике никого нет, — наконец, заговорил Борис, не поднимая головы. Собрался духом, продолжал более ровно: — Я, ребята, учился плохо. И не хотел учиться. Меня перетаскивали из класса в класс. Мамаша перетаскивала. Маму мою вы не знаете. Это такой человек!.. Когда я провалил экзамены в институт, она поехала в соседний областной центр и там через знакомых добилась того, чтобы меня зачислили в университет. Я не выбирал факультета, это сделала мамаша. Одно время я любил читать стихи, и мама возомнила, что из меня непременно выйдет поэт, писатель, поэтому выбрала филологическое отделение.

Черт знает, каким колесом покатилась моя жизнь в университете!? Науки, конечно, не увлекали меня. На лекциях не сиделось. Нас, лоботрясов, подобралась целая капелла. Все хвастуны, ужасные тряпошники. Такие тряпошники — вам не представить даже. Высшим удовольствием было удивить друзей обновкой, приобретенной из рук иностранца. Мы считали героем того, кто был всех ярче одет. Чтобы каждая вещь на тебе слепила, в глаза бросалась...

Если в наш город приезжали иностранные гости, мы как будто с ума сходили. Невменяемые становились. Нас никак не удовлетворяла парадная встреча, хотелось интимной, личной. Мы этого добивались... Вы, конечно, помните гастроли джазового оркестра из капиталистической страны. Нас не удовлетворяли номера, которые они исполняли на сцене. Мы были убеждены, что настоящую музыку им у нас не разрешают исполнять. И чтобы послушать эту запретную музыку, мы решили встретиться с иностранцами в неофициальной обстановке. Нас собралось десятка два. Собрали деньги и решили устроить, как мы выражались, а-ля-фуршет. Пригласили гостей. Они явились с большой охотой.

Что это был за а-ля-фуршет! Мы вели себя как отщепенцы: жаловались иностранцам на свою жизнь. Дескать, нам, выразителям нового, нет свободы на родине. До того языки распустили, что кое-кто стал поговаривать о желании сбежать за границу. Гости разделяли наши чувства. Мы им понравились. Один достал блокнотик и попросил каждого из нас назвать имя, фамилию, даже о наших родителях поинтересовался. В заключение званого ужина мы стали танцевать рок-н-ролл. Это было дикое зрелище. Гости, по-видимому, испугались, удрали поскорее...

Борис потер ладонями виски и закрыл глаза.

— Потом вдруг о нас заговорили, — продолжал Борис. — О всех разом. Среди иностранцев оказался корреспондент. Там, у себя, он так расписал нас! Как видите, мы клюнули на джазовую приманку и теперь болтались на крючке...

Борис обвел нас тяжелым взглядом.

— Мне было стыдно смотреть знакомым в глаза. Я не знал, куда деть себя, куда сбежать. Распродал кое-какие тряпки и приехал сюда. Вот какие пятна на моей совести. А вы... Нет-нет...

Борис умолк. Наверное, минуты две сидели, не проронив слова. Только печь гудела, обжигая лица.

Мне вдруг стало нестерпимо жарко. Не то от печки, не то от мыслей. Как будто я увидел себя со стороны. Ведь в кричащей одежде я видел безупречное приличие. А что оказалось на самом деле?

С ужасом представил себя на месте Бориса. Моя голова тонет в идиотском колпаке с какого-то турка. Шею туго затягивает галстук с яркими пальмами и обезьянами. А на узких штанах вышли из строя замки-молнии. Попробуй теперь избавиться от этих брюк. В павлиньем оперении я сам себе кажусь ничтожным карликом, обреченным уродом...

— Ребята, дайте папиросу...

— Вот тебе раз!.. — удивился Сергей. — Ты только сейчас курил...

— Наверное... не накурился досыта, — ответил я машинально.

Сергей, подав мне портсигар, обратился к Борису:

— А то, Борис, что ты думаешь... что пятна на твоей душе отмоются не скоро, это ты клевещешь на себя. Главное — хорошо, что ты с нами...

После этих слов Сергея я вдруг понял, что не могу возражать против коммунистического соревнования. И не потому, что нам рано помышлять об этом, а только из-за Бориса. Ес-

ли даже я один в бригаде буду против, то Борис станет думать черт знает что. Нельзя этого допустить. Пусть он видит, что мы все — за. Скорее перестанет сомневаться в себе.

В душе я против. Однако рука моя поднята:

— За!..

2

Работай мы по-старому, никто бы не обратил внимания, что наш Нурдавлит с зарплаты выпил немного у всех на виду. Теперь Нурдавлит боялся общественного порицания и, чтобы выпить, убежал в лес. Его увидели там. Бутылку из-под водки, как вещественное доказательство, принесли Сергею, который во время перекура поставил ее на пенек и попросил Нурдавлита сесть рядом. Тот не мог понять, в чем дело, послушался.

— Друзья мои, — заговорил Сергей, обращаясь к нам. — Вот вы видите перед собой Нурдавлита и пустую четушку. Что вы думаете?

Нурдавлита словно кто кнутом огрел вдоль спины. Вскочил и, приглядевшись к посуде, понял все, взял четушку в руки.

— Кто мог увидеть, — покачал головой. — Нурдавлит специально ушел дальше в кусты. Нурдавлит боялся на глазах выпить...

— Вот тебе раз! Ты опозорил бригаду. Ты хотел выпить втихую, за глазами?.. А потом... ты от кого прятался?.. От людей?.. От нас?.. Конечно, от нас тебе удастся спрятаться. И довольно просто. Но куда ты денешься от самого себя?! Думал ты об этом?

— Я же говорил: ему только и соревноваться, — добавил Платон строго. — Болтун!..

— Еще это... слово давал, год не пить, — отвернулся Федор от Нурдавлита. — Тоже мне, лезет в калашный ряд, а рыльце с пятачком.

Нурдавлит пал духом.

— Ребята, простите Нурдавлита, — начал он умолять нас. — Слово дает Нурдавлит в рот не брать больше.

— Опять по спору? — язвительно спросил Платон.

— Нет, не спорит Нурдавлит. Честное комсомольское слово дает Нурдавлит...

Сергей рассказал нам, как один парень случайно увидел Нурдавлита в лесу, подобрал четушку. Парень этот говорил Сергею под строжайшим секретом. Он просил Сергея предупредить Нурдавлита, взять его под особый контроль.

Наши друзья берегли нас. Они хотели, чтобы бригада не провалила экзамен на авторитетное звание.

Мы простили Нурдавлита.

3

Вскоре после того, как о нас было напечатано в «Комсомольской правде», я получил из деревни письмо. Об этом письме стоит сказать несколько слов. Оно меня очень обрадовало. Прислал его Костя Галкин.

«Вот ты какой стал, — писал он. — О тебе мы прочитали в газете. Тобой гордится вся деревня. А в школе у нас оформили карту Родины и отметили кружочками места, где трудятся выпускники. Ты вписан в красный кружок, которым очерчен Тайшет.

Признаться, Олег, я сначала не верил твоим письмам. Я то знаю, что ты не просто поехал в Сибирь, ты сбежал из деревни. Мне почему-то подумалось, что ты не нашел своего места дома, в колхозе, не найдешь и там. В тех первых письмах, в которых ты расхваливал Сибирь, механизаторов, работу, между строк мне чудились твои слезы, жалобы, растерянность. Думал, что ты пускаешь пыль в глаза, боишься признаться, что из огня вырвался да в полымя попал. Но теперь верю, правду ты пишешь. Верю и завидую. Ты не знаешь, как я тебе завидую! Так бы и улетел в Сибирь, не будь колхоза, не работай я здесь шофером. Теперь стыдно изменять односельчанам, поклялся через два года поступить на механический факультет сельхозинститута.

Пиши мне письма. Я не знаю твоих друзей, но считаю их такими же друзьями, как тебя. Передай им горячий привет.

Твой друг К. Галкин».

Я прочитал письмо бригаде во время перекура. Друзья стали расспрашивать о Косте.

— Нурдавлит ему тоже привет передает, — сказал Нурдавлит.

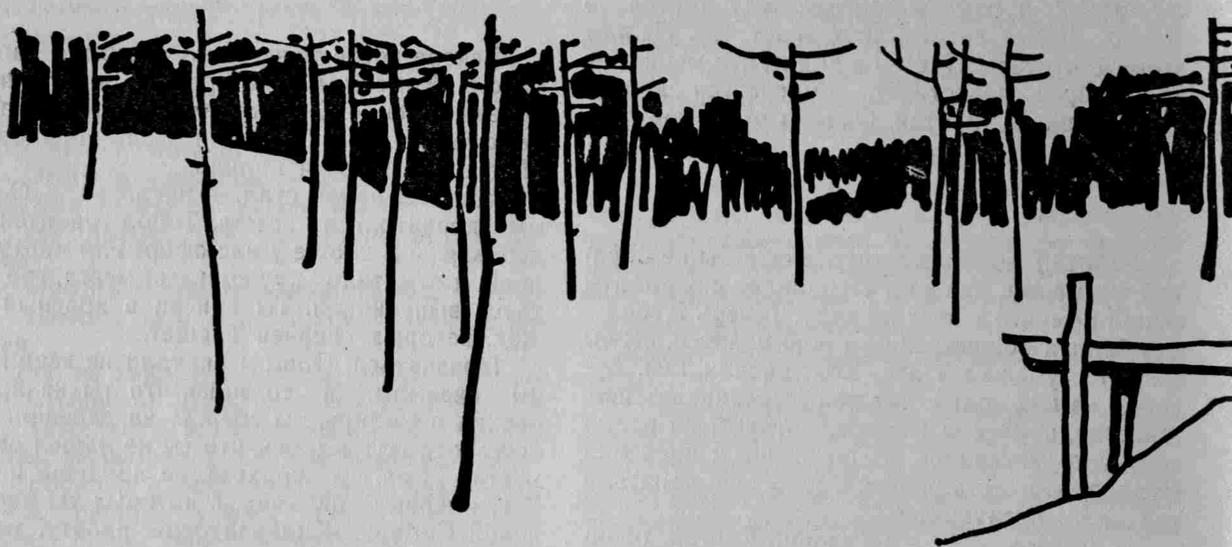
— Да, да, будешь писать, не забудь передать привет от всей бригады, — подсказал Сергей.

ДЕСАНТ В ТАЙГЕ

1

— Взрывники, приготовьтесь к высадке... Катя смеется над нами. Взрывниками она окрестила нас потому, что нам дано задание пробить просеку к вершине Белой горы. Потом, когда наладят дорогу, взрывники привезут свое оборудование — буровые машины, заложат взрывчатку и взорвут гору, которая встала на пути трассы. Катя сравнивает нас, малоопытных плотников, со специалистами-взрывниками шутки ради...

Дорога петляет по впадине, сжатой крутыми горами. Машина вдруг тормозит, останавливается.

Мы здорово продрогли. Торопливо вылезаем из кузова. Оглядываемся по сторонам. Куда нас занесло? От Бирюсы уехали километров за сорок пять. Тайга, трескучий мороз.

Быстро разгрузили запасы продуктов, инструмент, тяжелую двухстенную палатку, железную печь. Уложили все в сани. К месту работы нужно было добираться еще километров пять по тропе.

Машина с топографами ехала дальше. Прощаемся с девчатами.

— Береги себя, Олеша. Не замерзни. Как потом я буду без тебя? — смеется Катя и снимает рукавицу, чтобы попрощаться со мной. Ладонь у нее горячая, так бы не выпускал из рук.

— Все смеешься? — говорю я. — Возьму и замерзну назло тебе.

— Удивишь, — лукаво щурит Катя глаза. — Представляю тебя замерзающим. Ребята оттирают снегом... Вот бы задал им работы...

Ольга уже в кабине. Катя бежит к машине. Из кузова, одевая тулуп, кричит нам:

— До свидания, коммунистическая... Желаю вам по ордену заслужить...

Машина трогает с места и, набирая скорость, быстро удаляется. Мы провожаем ее глазами. Катя машет рукой. Мне кажется, что она прощается со мной. Но где там! Мы все машем ей. Значит, Катя прощается со всеми.

— Знаете, что говорит Алексей Романович? — интригующе бормочет Сергей, когда машина исчезла за строем сосен, в которые нырнула дорога.

— Что он говорит? — спрашиваем мы.

— Что после того как пробьем просеку на Белую гору, поедем открывать Саранчетский участок.

Лучше бы сразу ехать Саранчет открывать. Что-то мне не совсем нравится эта высадка. Январь, свирепые морозы, а у нас всего лишь палатка. Летом бы или хотя бы осенью, весной высадиться десантом в тайге — никто бы не испугался. А сейчас?.. Поживи попробуй четыре недели в палатке... В Саранчете, говорят, есть какие-то старые брошенные дома. Пусть худые, но недолго залатать дыры. Все-таки не палатка! Нурдавлит совсем упал духом. Щеки посинели. Согнулся от холода. Слова Сергея его нисколько не вдохновили.

— Дурак Нурдавлит, согласился ехать десантником, — пожаловался он Платону. — Зачем было ехать из Бирюсы? Пусть другие ехали б... Чего молчишь, Платонка?.. Правду говорит Нурдавлит?..

— Действительно, ты дурак,— резонно ответил Платон и сплюнул в сторону. — Вроде не трус, а ноешь с первого шага...

Федор с Борисом молчаливо разглядывают тихие, точно застывшие на морозе скалы.

Сани, стоявшие на полузаснеженной тропе, казалось, звали нас.

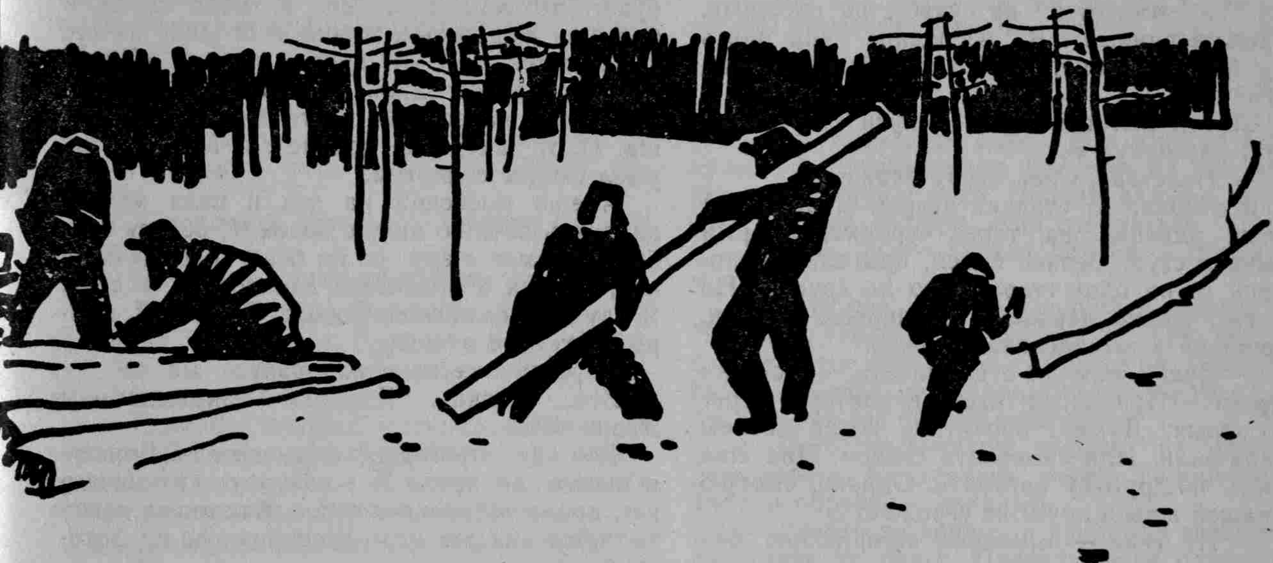
Нечего терять время!

2

Снега всюду по пояс. Тронешь дерево — и на тебя посыплется целый обвал.

Снег ослепительно светлый, синий, темный. Светлый на солнце, синий в вечерних сумерках, темный в безлунную пасмурную ночь.

Снег наша беда и выручка. Он мешает работать, сковывает движения. Мы растопляем

его, кипятим чай. Снегом мы умываемся по утрам. Снег, которым мы завалили палатку, греет наше жилье.

Спокойный, тихий, он обложил тайгу и как будто притаился. Спиленная сосна, падая, хрустнет подломленными ветками и всей кроной утонет в сугробе.

Всюду следы, следы, следы. Заячьи тропы. Путаные цепочки из точек и крестиков. Часто попадаются желтые кучки помета, где ночевали куропатки или тетерки. Столько следов, а нам кажется тайга пустынной, безжизненной. Снег прячет от нас лесных обитателей. Только однажды вспугнули с дерева юркого соболя. Он спрыгнул с сучка почти нам под ноги, и только мы его видели. Точно провалился. Весь снег вокруг перерыли: ни норы, ни соболя.

Прошла неделя. А просеки пробили мы пустяк. Прикинули, сколько придется жить в тайге, чтобы пробить просеку до вершины горы и сделать деревянный мостик через узкую расщелину. Получилось шесть недель. С ума сойти! А где продукты брать? Что скажет Алексей Романович? Подумает, что мы тут ленились.

Мы рады работать по десять, двенадцать часов, чтобы управиться с заданием раньше четырехнедельного срока. Но не можем этого сделать из-за короткого дня. Сегодня пробыли на просеке допоздна. Возвращались в палатку, когда снег посерел, а на небе холодно засверкали редкие звезды. Пока валили лес, мороза не замечали. Теперь он напоминал о себе: обжигал лицо, щипал мочки ушей.

В палатке выстыло. Сразу разжигаем печь. Она быстро накаляется докрасна. Рядом не усидишь. Но спина мерзнет. Чтобы отогреться, мы подставляем к ней то один бок, то другой.

Наконец, в палатке нагрелось. Брезент начал дымить. Холодные пары волнами стекают вниз, ползут к печке и на полпути растворяются. Чай вскипел. Консервы раскрыты и разогреты. Мерзлый хлеб разрублен на куски. Мы аппетитно ужинаем.

Меня больше не угнетает обстановка. Не мне одному тяжело. Всем. Никто не хнычет, почему я должен выходить из себя? Не всю же зиму будем жить такими отшельниками. Каких-то четыре недели. От силы шесть.

Только Нурдавлит не перестал ныть. Он проклинает Сибирь, стройку, морозы. Проклинает себя за то, что дал согласие стать десантником. Божится, что больше в тайгу его не заманят. Пусть другие морозят нос. Нурдавлит не круглый болван.

Он надоел нам.

— В другой раз мы тебя не возьмем, — с угрозой сказал Сергей. — Оставайся в Бирюсе. Грейся там в своем вагончике, как кот...

— Не останется, — махнул Платон рукой на своего друга. — Знаю я его. Пока не привыкнет — сам изведется и других изведет. Так или не так, Нурдаша?

— Нурдаша отказывается и все тут, — упрямо мотнул головой Нурдавлит. — Нурдаша не будет за тобой гоняться. Хочешь, ходи в десанты. Нурдавлит не пойдет больше...

Платон, смеясь, потряс друга за плечо.

— Знаем мы тебя, знаем. Слышали уже...

Федор никак не реагирует на трудности. По-моему, все его мысли заняты Ольгой. Бо-

рис не жалуется на судьбу, но грустный, неразговорчивый. В последние дни опять как будто замкнулся. Что подействовало на него?

Сергей вытащил из-за пазухи старую газету, развернул ее.

— Подставь, Олег, свечу ближе...

Я оторвал от столика огарок стеариновой свечи, укрепил на торец чурбака, который заменял стул. Огонек бился, прыгал, заваливаясь то на одну сторону, то на другую. Но не гас. Цепко держался за черный крючок, торчащий в выплавленной лунке.

— Сразу вам не стал читать, — сообщил Сергей. — Прихватил газету в конторе. Берег это время. Думал: прочитаю, когда запоем трали-вали. Или замерзать станем. Или еще как-то по-другому погибать. Однако, смотрю я, нашей жизни ничто не угрожает...

— Не тяни, — вымолвил нетерпеливо Федор...

— Что там пропечатано? — заинтересовался Платон.

Все смотрели на газету, ждали.

— О стройке нашей, — ответил Сергей.

— Тоже мне, — разочарованно отвернулся Нурдавлит. — Открыл этого... как его... Колумба.

— Не Колумба, а Америку, — поправил Федя Нурдавлита.

— Неважно. Ошибку небольшую давал...

— То, что в газете пишут о стройке, не ново, — продолжал Сергей. — Меня поразило другое. История о трех изыскателях нашей трассы. В 42-м году они прошли здесь. Вот их имена, — глянул Сергей в газету. — Первый — Александр Кошурников, второй — Алексей Журавлев, третий — Костя Стофато. Они выполнили задание Родины. Жить бы им после этого заслуженными, почетными людьми. Но не пришлось. В пути погибли.

— Все?!.

— Да. Все трое. Их именами названы три станции. Я вам прочитаю два письма Кошурникова. Он писал их в пути.

Сергей поднес газету к глазам, стал читать:

— «Уезжаю с чувством полного успеха дела... Убедительная просьба, сообщи свое место пребывания в Гуляевку. Напиши туда лучше два письма на случай, если одно не дойдет. Это мне будет наградой за труды, которые, возможно, встретятся дорогой. Первая неприятность будет на перевале, он сейчас уже покрыт снегом, но реки станут еще не скоро, так что, безусловно, поспею проскочить до шуги... Ну, пока до свиданья... Не скучай — скоро приеду. Если меня долго не будет, то жди спокойно. У меня слишком большая жадность к жизни, и со мной ничего не случится...» А вот другое письмо: «Пишу, вероятно, в последний раз. Замерзаю. Вчера произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом.

Алеша выскочил на лед и полз метров двадцать пять по льду с водой. К берегу пробиться помог я ему, но на берег вытащить не мог, он так и закоченел наполовину в воде. Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и пищи.

Вероятно, сегодня замерзну.»

Все... Точка... Кавычки закрылись — и жизнь тоже...

Кто они, эти герои?.. Изыскатели. Больше я ничего не знаю. И в газете о них ничего нет, кроме нескольких строк, в которых автор пытается описать лицо Кошурникова по фотографии.

— Жаль парней, — вздохнул Платон и раскрыл портсигар.

— Нурдавлит тоже жалеет, — закивал головой узбек и потянулся рукой к портсигару. — Дай, Платоша, папироску, к слову пришлось...

Разговор друзей смутно доходил до моего слуха. Я был потрясен. Взял газету и перечитал статью. Задумался над фразами из писем Кошурникова: «У меня слишком большая жадность к жизни, и со мной ничего не случится» и «Вероятно, сегодня замерзну».

Представил картину борьбы героя за жизнь. Голодный... мокрый... без огня и пищи... Случилось то, что не должно было случиться...

Сергей говорил:

— Они первыми проложили здесь тропу. Мы идем по их следам... Вернее, мы идем по следам героев...

Да, да, да...

Следы погибших изыскателей — наш компас. Надежный, безошибочный.

3

Мы кончили чаевничать, когда услышали лай собаки. Кто бы это мог быть в тайге в такую пору? Через минуту-две собака тявкнула возле нашей палатки. Заскрипел снег.

— Эй, хозяева, можно к вашему огоньку? — послышался густой мужской голос.

— Входите, гостем будете, — ответил Сергей.

Приподнялся полог. В палатку просунулась сначала беличья шапка, потом заиндевелая борода. Старик окинул нас острым бе-

гающим взглядом, удивленнно крякнул и — толстый, неуклюжий — почти на коленях влез в палатку. За поясом болталось несколько белок, два соболя. Веская торба на спине, двухствольное ружье на плече.

— Ого, да тут дюже горячо, — кивнул он на раскаленную печь. — Добрый привет, соколы.

— Здравствуй, папаша, — ответил за всех Сергей.

— Живете тут, али двигаетесь куда?

— Живем, папаша. Работаем. Вот просеку рубим на Белую гору. Взрывать потом ее будут. Да вы присаживайтесь, папаша. Олег, налей гостю чаю.

— Спасибо, хлопцы, — присел охотник на чурбан. Он снял шапку, растегнул пуговицы дубленого полушубка. — Как тут откажешься от кружечки чайку. Выпьем. Выпьем.

Гость оглядел жилье, покачал головой.

— Не мерзнете в своем рубашечном доме?

— Топим печку, — ответил Сергей.

— Чего топим, — вмешался Нурдавлит.— Хоть затопи ее — не нагреешь. Привезли, бросили — замерзайте. Ешь консервы. Грызи мерзлый хлеб. Ни тебе книг, ни тебе газет, ни тебе радио...

Платон засмеялся, потянул друга за ухо.

— Знаем, какой ты радиолюбитель. Силой не заставишь слушать. Так или не так, Нурдавлит?

— Неправда, Нурдавлит любит концерты по заявкам. Нурдавлит сам заявку писал. А здесь пиши, не пиши — все одно радио нет. Эх, жизнь!..

— Вот тебе раз!.. Не слушайте его, папаша, — заговорил Сергей. — Это наш паникер.

— Ничего ты не соображаешь.

— О чем спор-то у вас? — заинтересовался гость.

— О пустяке, — ответил Сергей и стал пояснять: — Отправили нас сюда с условием на четыре недели. Но вряд ли успеем пробить просеку за такой срок. Снег мешает, двигаться не дает. Придется задержаться. А это Нурдавлиту нашему не по душе.

— Оно, конечно, не по душе окажется, ежели голодать придется. Спору тут не может быть, — согласился гость с Нурдавлитом.

— Выкрутимся как-нибудь.

— Зачем выкручиваться. Скажу старухе своей. Испечет хлебца. Молочка заморозит. А я притащу.

— Что вы, папаша, не беспокойтесь.

— Какое это беспокойство. Это выручка. У нас так. Спорь — не спорь...

Нас тронуло участие охотника.

— Вас как будто сам бог послал к нам, — не без волнения пошутил Сергей. — Как вы очутились здесь? Ночь ведь...

— Какая ночь. Не успел засветло добраться до дома. Угодие далеко. Почти за сто верст. Белковать ходил. Вот обратно возвращаюсь. Отохотничал. По пути на вас набрел. Отдохнул с вами. Пойдем дальше. Спасибо за чаек. — Гость стал собираться.

— Куда вы? — сказал Сергей. — Ночуйте у нас.

— Нет, нет, пойду, — поднялся старик. — Недалеко теперь. Да, вот еще что, чуть не забыл. Как же шесть недель будете без баньки? Нельзя! Спору нет. Приглашаю в гости к себе. Мы для вас баньку истопим.

— Дело заманчивое, только... не можем день терять. До деревни десять километров. Туда и обратно — двадцать.

— Десять по дороге, а напрямик через гору — пяти не будет. Проведу, если пожелаете... Ну, бывайте живы-здоровы...

* *
*

Мы с Федором спиливаем сосну. Дерево толстое, в два обхвата. Пилу трудно протащить. Измучились, упрели.

— И надо же было попасть такой громадине, — Федор выпустил ручку пилы, перегнулся на спину несколько раз. Потом глянул через мое плечо. Глаза у него вдруг забегали не то от испуга, не то от удивления.

— Ты... посмотри, народу сколько...

Я оглянулся. По просеке от палатки к нам шли люди с пилами и топорами. Трудно сосчитать, сколько человек. Растянулись по тропе цепочкой. Даже девчата есть. Что за люди?!.

— Охотник! — воскликнул Федор одно слово, а потом почти закричал, теребя меня за локоть: — Охотник, кажется, первым идет... Бородатый, в шапке этой... беличьей. Только не в полушубке, телогрейку одел. Это он, Олег!..

Конечно, он. Но я не могу вымолвить слова от изумления. Боюсь сказать о том, что пришло в голову. Очевидно, наш случайный ночной гость ведет к нам подмогу.

Я хотел окликнуть ребят, которые, вырубая кустарник, удалились от нас вперед. Но они уже заметили появившихся на просеке людей и направились к нам.

— Вы видите, ребята, гостя нашего? — спросил Сергей, подойдя. — Охотника, которого мы чаем угостили?

Бородатый колхозник помахал нам издали рукой.

— День добрый, соколики!.. На помощь идем. Примете?

Беличью шапку охотник сдвинул набекрень. За поясом топор. Сам веселый, подвижный, не сравнить с тем человеком, который ввалился тогда в палатку. Видимо, прошлый раз здорово устал.

Подойдя, он пожал руку каждому из нас, заговорил, как старый знакомый:

— Не выходите, соколики, вы у меня из головы. Все думаю: не помочь, значит, все шесть недель будете работать в лесу. Один захныкал, потом все заплачете. Мало этого — все дело задержите. Вы ведь в голове. А лошадь стоит — и телега не едет. Поговорил с членами правления, с комсомольским секретарем, и без всякого спора решили организовать субботник. Сегодня же суббота. Поработаем, а потом пойдем в баньку. Договорились?.. Чего молчите?..

— Не знаем, что сказать, — ответил Сергей. — Я вот... Мы... Лучше, скажите, как вас звать?..

— Об чем разговор, — развел наш знакомец руками. — Папашей называли, ну и зовите, ежели не зазорно.

— Вы нам дороже папаши...

— Тогда зовите дядей Кузьмой и не будем спорить.

Колхозники подходили и подходили. Все молодежь. Несколько девушек. Не девушки — богатырки! Плечи, руки — любой парень позавидует.

— Вон сколько я привел помощников, — хвалился дядя Кузьма. — Сорок три человека.

...За день край просеки подвинулся вперед метров на двести. Здорово! За неделю мы не сделали бы столько.

На душе было радостно. Я подумал о погибших изыскателях:

«Нам ничто не грозит, а на помощь пришли. К ним никто не подоспел на выручку... Далеко в Саяны забрались. Погибли! Нам след оставили».

4

Вечером побывали в бане. Нажарились, напарились, намылись, что надо. Как будто помолодели даже.

— Да вы совсем ребятишки, — удивился дядя Кузьма, увидев нас после бани побритыми. — Мой сын много старше каждого из вас. Он у меня инженер. Работает в Ангарске. Бывали в этом городе?

— Нет, не были...

— Плохо, что не были. Это всем городам город.

Вечер провели в колхозном клубе. Здесь мы оказались в центре внимания, как герои. Какие мы герои? Герои — погибшие изыскатели. Мы обычные люди. Один Нурдавлит важничает, строит из себя необыкновенного человека. Он хвастливо рассказывает о тех трудностях, которые не может переносить без нытья. Так расхвастался, что вышел из всяких рамок.

— Что это за тайга у вас? — упрекает он собравшихся вокруг него слушателей. — Две недели Нурдавлит прожил и не видел ни одного волка, ни одного медведя. Только какой-то соболь раз свалился с ветки и тот пропал, как в воду канул. Что это за тайга?!. Знал бы Нурдавлит, что не будет тут медведей с волками, не поехал бы, вернулся бы к себе в Узбекистан...

Все, кто слушает его, хватаются за животы от смеха. Мы тоже смеемся. Как умеет Нурдавлит притворяться. Заврался совсем. И врет-то искренне — поверить можно.

Когда утром чуть свет возвращались на просеку, я спросил Нурдавлита:

— Ты когда бываешь откровенным: когда ноешь или когда хвастаешься?

— Нурдавлит всегда говорит откровенно, — с достоинством ответил он.

— Это верно, — подтвердил Платон. — Такой он вообще...

Еще неделю пробивали просеку. Последнюю неделю, всю как есть, строили мостик через расщелину. Повозились с ним! Грунт — сплошной камень. Бьешь его, бьешь ломом, руки отмотаешь, а яма и на вершок не углубилась. Надоело, хоть бросай. Но как бросишь, если мостик надо построить?

Дело пошло быстрее после того, как мы, наконец, уложили лежки и закрепили столбы. Настал последний день, а у нас еще не готов был настил. Как ни старались, к вечеру мостик не закончили. Решили работать ночью, при свете костра. Борис сходил в палатку (до нее было километра три), принес продукты. Поужинали, развели большой костер и опять приступили к делу.

Болели плечи. Не гнулась спина. Дым выедал глаза. Проклятый костер! Затушить бы. Но без него нельзя. Ничего не разглядишь, и морозно очень. Такого жгучего мороза я в жизни не испытывал. Нурдавлит, жаловавшийся с вечера, ночью вообще перестал разговаривать. Но топора не бросал, двигался как заводной.

Когда рассветало, мы, глянув друг на друга, поразились. Каждый почернел — не узнать. Нечего сказать, прокоптил нас костер. Смешно даже. Только некому было смеяться.

Осталось положить четыре бревна да накат закрепить. Кажется, работы на час. Однако плотничали мы еще три часа...

Как возвращались в палатку — смутно помню. Издали ребята увидели, что возле палатки вьется дымок.

— Вот тебе раз!.. Кто-то у нас хозяйничает, — удивился Сергей.

— Может быть, за нами приехали, — предположил Борис.

— Рановато...

В палатке у раскаленной печки сидели двое мужчин. Они курили, грелись. Кто они — мне все равно. Зашли погреться? Пожалуйста. Грейтесь. Даже хорошо, что натопили в палатке. Мы пришли в тепло.

— Вот и хозяев дождались, — проговорил один мужчина.

— А закоптились-то вы, ребята, лица не видать! — голос у другого мне кажется знакомым. Но я так устал, что не хочу взглянуть на человека. Я почти сплю на ногах.

— Мы ночь работали при костре, поэтому задымились, — ответил Сергей.

— Ночь работали? — удивился мужчина. — Дня разве вам мало?..

— Сегодня за нами должны машину пригнать, а у нас мостик оставался недоделанным...

— Значит, вы день работали, потом всю ночь и вот еще почти полдня? — с еще большим удивлением спросил мужчина.

Сергей ответил с раздражением:

— Ну да...

Я внимательно гляжу на гостей. Это же начальник мехколонны Иван Иванович с главным инженером! Не спросить ли у них о Трофиме, о мастере?.. Нет, неловко напоминать Ивану Ивановичу о себе. Зачем ворошить прошлое? Разве он может помнить всех, кто не прижился в мехколонне?

— Крепко, крепко работаете вы, ребята,— нахваливал нас Иван Иванович. — Мы приехали посмотреть, как провести экскаватор, где выбрать карьер. Налазались досыта, замерзли, решили погреться у вас. Зашли, удивились — живым не пахнет. Выстыло, печь как будто никогда не топилась.

Никто из нас не слушал его. Нам не до разговоров было. Ребята стали умываться снегом.

Гости посидели немного и собрались уходить. Им нужно было всю просеку посмотреть. Мехколонну торопили засыпать автодорогу на Белую гору.

— Они из той мехколонны, где ты работал? — спросил Сергей, как только гости ушли.

— Из той, — неохотно сознался я.

— Я подумал, да не стал спрашивать. — сказал Сергей. — Думал, если ты знаешь, сам разговоришься. А ты промолчал. Зря.

...В Бирюсу нас привезли ночью. К нашему приезду кто-то заботливо натопил вагончик. Видимо, девчата. Конечно, Ольга заботилась о Федоре. Катя обо мне вряд ли вспомнила.

В вагончик не замедлили прибежать друзья. Все наперебой рассказывали нам свои новости, расспрашивали нас.

Я ждал девчат. Наконец, они пришли. Один парень, сидевший рядом с Федором, поднялся, уступил место Ольге. Сидевшие около меня парни не подумали уступить место Кате.

У Кати с лица не сходила улыбка. Говорит громко, так что все поворачиваются к ней.

— Плоховато поработали наши десантники. День в день. Никакого перевыполнения. Не по-коммунистически. Наград не заслужили...

Все улыбаются. А что, если бы нам не помогли колхозники и мы пробыли в тайге еще две недели? Мне обидно за бригаду. Пусть наград не заслужили, но трудились на совесть, может быть, даже по-коммунистически.

САРАНЧЕТ

1

Три дня мы отдыхали. Потом Сергея вызвали в контору, а вернулся он к нам уже не бригадиром, а мастером вновь открывающегося участка Саранчет.

— Велено набирать человек пять-шесть на первое время, — объявил он. — Я подумал, что вы не будете против...

— Конечно, нет...

— Когда это... ехать?

— Послезавтра...

...Настал час отъезда. Мы собрались в конторе. Подъехали три автомашины с грузом: кирпичом, цементом, шифером, пиломатериалами. Было темно. Надо было выезжать пораньше, чтобы за день добраться до места.

Проводить нас пришли начальник колонны Скрябов и парторг, он же начальник отдела кадров. Я с сожалением подумал: почему они пришли, а не Ольга с Катей? Конечно, девчата не придут. Ольга с Федей, наверняка, вчера простились, а Кате дела нет до меня.

Путевые листы подписаны, указания получены, выходим на улицу.

Машины уже гудели, прогреваясь. Вспыхнули фары. Мне было грустно. Как жаль уезжать. Конечно, многие переедут в Саранчет к нам, но большая часть останется здесь. Значит, мы расстаемся надолго, возможно, навсегда. Ну что ж, такова стройка. Не завод сооружается, не комбинат, а железная дорога протяженностью в семьсот километров. Вот и организуются участки по всей трассе, на каждом пункте будущих станций. Мы снова едем на передний край.

К месту прибыли глубокой ночью. Я вылез из кабины и чуть не задохнулся: так тяжел был воздух, густо настоенный туманом. Ступил с бровки — и сразу провалился в снег по пояс. Даже страшно стало.

Сергей уже совещался с ребятами. Собрались к нам и шоферы. Договорились немедленно разгружать машины, чтобы не держать их. Шоферам велено сразу возвращаться обратно. Это и понятно. Вдруг начнется пурга, снегопад, и машины застрянут. Жди потом, когда трактор пройдет с клином.

Разделились на три группы и дружно начали разгружать. Хотелось скорее в работе согреться. Днем мороз был небольшой, даже снег подтаивал на обочине дороги. Сейчас же мороз бесчинствовал. Таков в Сибири февраль-бокогрей.

Мы складывали груз прямо на снег. Площадок никаких не было. Кто бы их тут приготовил? Все это мы сами должны сделать.

Часа через полтора закончили разгрузку. Изрядно вспотели. Потом с час расчищали снег, чтобы машины могли развернуться. Наконец, они могут идти обратно. Шоферы прощаются с нами, расходятся по своим кабинам. Гудки. Машины тронулись одна за другой. Мелькнули между деревьями красные огни и погасли. Только рокот моторов долго еще слышался в морозном воздухе.

Ночь. Тайга. Ни звука вокруг.

Мы встали на лыжи, и Сергей пошел впереди. Трактор с клином прошел только до места разгрузки. Дальше уходила просека да заснеженная тропа. Лыжи скользят легко. Мы теснимся. Растягиваться, отставать боязно. Кажется, идем что-то очень долго.

— Сергей, мы не сбились с пути? — спрашиваю я.

— Вот тебе раз!.. Нет, конечно, — отозвался он.

— Нурдавлит боится, — сознается узбек и оглядывается по сторонам.

— Ура, пришли! — вдруг закричал Сергей. — Видите, мостик?..

Путь нам преграждал полуразрушенный мостик.

— За мостиком дома должны быть сразу, — объясняет Сергей.

Действительно, как только перебрались на другую сторону речушки, сразу увидели угол дома. Наконец-то, добрались до места. Куда забросила меня судьба?!. Знай все это, разве поехал бы я в Сибирь? Вряд ли. А теперь не страшно. С пути нам не сбиться. У нас надежный компас — следы героев. Где они прошли — сейчас тропа, а будет вечная стальная дорога... Я рад, что добрался до поселка, в котором никто не живет, в котором никто нас не ждет, в котором негде отогреться...

В одном из бараков отыскали комнату, оказалась и печь цела, и стекла в окнах не все разбиты. Сложили в кучу свои пожитки и принялись за дело: кто дрова рубить, кто печь затоплять, кто стекла вынимать из других окон и вставлять в рамы нашей комнаты. Даже весело стало. Хотелось есть, ждали тепла и чая.

Какой длинный был этот день! Как будто из Бирюсы выехали по крайней мере дня три тому назад. После ужина сразу стали готовить постель. Разостлали на полу общую постель из телогреек. Укрылись полушубками. В комнате жарко. Отпотевший потолок уже подсыхал. Только редкие капли срывались вниз и громко стукались о наши полушубки.

2

Проснулись в девять часов утра. В комнате выстыло. Я стал растапливать печь. Платон взял ведро, топор и пошел добывать воду. Ночью мы не осмелились подступиться к речке, вынуждены были для чая брать снег.

Вернулся Платон скоро. В ведре плескалась прозрачная вода. Усы у Платона заиндевели. Он был весел и жизнерадостен.

— Ребята, я, кажется, приблизился к своему берегу, — заговорил он. — Красотища какая! Весной вызову жену и останусь здесь на всю жизнь. Дорогу построим, буду здесь на станции работать. Лучшего места не сыщешь на всем глобусе.

— Дальше по трассе, может быть, это... еще лучше найдутся места, — сказал Федя.

— Не хочу дальше. Здесь речка. Летом по ней обязательно поднимается хариус. За речкой сразу гора до половины неба и по всему склону кедровник. Тут и ягода, тут и пушной зверь, тут и боровая дичь. Тут все — здесь будет и мой дом.

— Нурдавлит себе жену найдет и тоже здесь жить станет, — пустился перед Платоном в пляс Нурдавлит. — Нурдавлит вместе с Платоном-Антоном белку будет бить, глухаря стрелять, хариуса ловить... Возьмет Платон к себе в помощники Нурдавлита?..

— Конечно, Нурдаша, — потряс Платон руку своего друга.

По привычке умылись снегом. Напились чаю. Собрались на участок. Надо было привезти стекло, кирпич, пиломатериалы.

До чего хорошо пройтись по свежему воздуху на лыжах! Если ночью мне казалось это расстояние по крайней мере в десять километров, сегодня как будто не было и двух. Мороз держится стойко. Солнце светит, но пока не греет.

На участке работали допоздна. Затем сколотили сани, нагрузили, что надо было для ремонта жилья, и впряглись. Мы брели по пояс в снегу, толкались, валили друг друга. Сначала это как-то веселило нас, но потом веселью пришел конец. Три километра показались за десять. Добрались до стана взмокшие, голодные, уставшие. Началась пурга. Ветер как будто сорвался с кедровой горы и затанцевал по просеке. Сразу потемнело, и повалил снег. Только что виднелся угол дома и теперь его стало не видно. С трудом перевезли сани по мостику. Наконец-то вот и наш дом.

Мы сожалели, что не отправили кого-либо пораньше нагреть жилье, вскипятить чай. Пойди-ка попили дрова в такую непогоду или принеси с речки воду... Что поделать. Пошел я с Платоном на речку. Страшно было глянуть по сторонам. Как же Кошурников полз по тайге один, без оружия, мокрый, голодный?.. Нет, нам бояться нечего...

Чай пили, вспоминая веселые случаи, смеялись. Пурга завывала все сильнее. Иногда так ударяла в трубу, что из печи вылетали искры, клубы едкого дыма. Комната наполнилась чадом. Мы начали кашлять, чихать, а дверь открыть не могли, иначе холода напустим, как потом ночевать. Барак как будто раскачивался.

— Нурдавлит боится, крышу снесет, — пожаловался Нурдавлит. — Что потом делать?

— Вот тебе раз!.. В другой переселимся! — ответил Сергей. — Со всех крыши не снесет, какая-нибудь уцелеет.

В это время ветер так ударил в окно, что одно стекло вырвалось из рамы, упало на пол и со звоном рассыпалось. Свеча погасла. Понесло холодом.

Сергей схватил телогрейку и, не зажигая огня, бросился к окну. Ветер перестал гулять по избе. Платон чиркнул спичку. Свечу перенесли в угол подальше от окна.

Успокоились. Но ненадолго. От сильного порыва ветра что-то вдруг затрещало. Какая-то тяжесть с хрустом обрушилась на крышу. С потолка посыпалась известка: печь перестала гудеть, и дым повалил в избу. Нам показалось, что барак от этого удара начал разваливаться.

— Вот тебе раз!.. Кажется, ветер сосну свалил на крышу. Туши скорее печь, трубу развалило... Пожара бы не наделать.

Платон вылил в печь целое ведро воды. Головешки почадили немного и погасли. Мы задыхались. Пришлось открыть дверь, чтобы выпустить дым. Мы предпочитали холод, когда задыхались от дыма, но готовы были дышать едким чадом, когда начали мерзнуть в холодной комнате.

Ночь показалась вечностью. Мы молчали, не до разговоров было. Почему-то вспомнилось прошлое лето, когда целыми днями пропадал на реке. Сразу сделалось холоднее. А пурга не унималась. Ветер терся об окна, проникал в щели, начал погуливать по избе, балуясь огнем догорающей свечи.

Я подумал вдруг, что в такую же вьюгу полз по тайге Кошурников. Мурашки забега-

ли по спине. Живо представил выбившегося из сил изыскателя. Пурга валит его с ног. Он ищет укрытия и не находит. Прячется за сосну. Метет снег. Он заносит валежники, пни, заносит и героя. Тот окоченел. Пурга как будто и оплакивает его теперь. В голове рождалась какая-то печальная сумбурная рифма:

«Погубит и оплачет... в окно стучится, скачет». Четверостишье сложилось, точно вспомнилось. Я прочитал его вслух:

Метель!.. Коварная она:
В окно стучится, скачет.
И попадись-ка ей — сама
Погубит и оплачет...

— Чьи это стихи? — спросил Борис.

— Не знаю, — ответил я. — Мне кажется, что их я сам сейчас сочинил.

— Я не слышал раньше, — проговорил Борис и, подумав, повторил последние две строчки: — «А попадись-ка ей, сама погубит и оплачет...» Это здорово, Олег...

Стихи как бы отвлекли нас от действительности. Мы заговорили о поэзии, о спутниках земли, о полете человека в космос, на другие планеты.

Вспомнили и о героях изыскателях. Мне казалось, что я один часто вспоминаю о них. Нет, оказывается. Каждый из нас думает о героях. Они как будто всегда с нами. Живые, смелые, мужественные. Нам хочется хоть чуточку походить на них.

3

За ночь не сомкнули глаз. К утру пурга не утихла. Как только забрезжил рассвет, Сергей собрался лезть на крышу. За ним Федор.

С трудом они добрались до развалившейся трубы. Расчистили дымоход. Сергей помахал рукой:

— Затопляй, ребята, быстрее. Все в порядке.

Печь скоро загудела, и лист железа, заменявший плиту, накалился докрасна. По комнате пошло тепло. Мы повеселели. Много ли человеку надо, казалось мне. Только согреться.

Когда сели пить чай, Сергей заговорил:

— Вот что, ребята... Вьюга не перестает, а продуктов на пару дней осталось. Когда машины придут — неизвестно, давайте экономить...

Экономить — значит голодать.

...Пурга утихла через два дня. Снегу намело столько, что сугробы выросли до крыш домов. Потом ударил мороз.

Мы не сидели сложа руки. Работали. Нас ведь за тем и послали сюда. Мы стеклили окна, конопатили щели, ремонтировали печи, двери, полы. А ремешки все затягивали. Нурдавлит опять запаниковал. Дескать, теперь с него хватит, пусть другие едут сюда, мерзнут и голодают...

Вечером на седьмые сутки доели последнюю банку консервов и черствые куски хлеба. После такого ужина есть захотелось еще сильнее. А завтра как жить?!.

— Серега, ты это... думаешь, придут завтра машины? — спросил Федор.

— В том-то и дело, что сомневаюсь...

— А кого будем жрать? — ужаснулся Нурдавлит.

— С тебя это... начнем, — пошутил Федор.

— Тебе смешно, а мой брюхо уже к спине прилип, — обозлился Нурдавлит.

— Вот тебе раз!.. Поровну ели... Ладно, ребята, не будем больше себя морить. Кто согласен завтра пойти в поселок лесозаготовителей?

Все молчали. Прогулка никого не прельщала. Тридцать километров туда и обратно. Хорошо бы дорога была. Везде снегу по пояс.

— Кто пойдет со мной сейчас? — вдруг поднялся Борис с чурбака.

— Вот тебе раз?.. Не дури, Борис... Выйдем с тобой утром пораньше...

Утром Бориса на постели не оказалось. Ушел один, на лыжах.

Возвратился Борис к полудню. Весь в снегу. На лице пот. Виновато улыбается.

Мы все стали его ругать. Герой сыскался! Он молча вытащил из-за пазухи несколько банок консервов, снял с плеча увесистую сумку с хлебом и поставил на стол.

— Ешьте... Ругать потом будете... на сытый желудок...

Мы расселись вокруг стола. Платон нарезал хлеб, открыл консервы. Борис закурил, ушел к печке. Мы, пока ели, не ругали его; вообще не до разговоров было. Потом Сергей опять начал укорять его.

— Шш, — вдруг зашипел Нурдавлит. — Тише... Бориска спит...

Борис спал, сидя на чурке. Папироса выпала из рук и теперь валялась возле...

Машины пришли через три дня. Их привел за собой трактор, который клином расчистил дорогу. Приехало шесть человек пополнения. Сергей передал с шоферами, что мы можем принять еще человек десять. Нам прислали продукты, кровати, постели, батарейный ра-

диоприемник, электродвижок, одноствольное ружье для Платона.

Еще через неделю зажили совсем по-человечески. Расселились по теплым комнатам. Начала работать баня. Мы больше не чувствовали себя отшельниками.

ЖИЗНЬ В САРАНЧЕТЕ

1

Мы готовились к празднованию Первого мая. На нашем участке работало уже около пятидесяти человек. Саранчет становился одним из самых важных участков. Начальник колонны Скрябов и семью привез сюда. К Платону приехала жена Галя. Ее сразу у нас прозвали Пончиком. Маленькая, полная, курносая, подвижная, как ртуть. Как раз на участке открывалась столовая, и Галя была назначена поваром. В июне-июле к нам должна приехать большая группа комсомольцев из Рязани. Мы готовили им встречу.

За несколько дней до праздника из Бирюсы прибыли геодезисты. Девушки с утра до вечера проводили планировку улиц и застроек будущей станции Саранчет. Федор был на седьмом небе от встречи с Ольгой. И я был рад Кате, только радость эта приносила почему-то тоску, грусть...

Вечерами устраивали танцы. Для нашего участка комитет комсомола купил аккордеон. Его отдали мне, чтобы играть и хранить. Что это был за аккордеон! Три четверти. С регистром. Перламутровой отделки необычайной красоты.

Днем Катя всегда была в спортивных брюках. На танцы приходила в светлом шелковом платье, темном жакете. На плечах всегда цветная косынка.

Я обрадовался, когда Федор сказал мне, что девчата остаются на праздники у нас. С ним творилось что-то необычное. Его нельзя было узнать. Возвращаясь с просеки вечером, он придержал меня за руку, стал говорить на ухо:

— Олег, мы с Ольгой это... решили... Как тебе сказать?!. Слово такое... в общем решили жениться, вот...

— Что ты говоришь?

— Тсс, — дернул он меня за рукав. — Только никому ни звука...

— Да разве скроешь это?!

— Не скроешь, но... хотя бы это... до Мая никто не узнал, — заговорил он. — Соберемся бригадой в праздник. Это и будет наша свадьба. Потихоньку. Без шума. Так студенты женятся.

— Но мы-то не студенты, — возразил я. — Мы — рабочие. И мы все, сколько есть на участке, обязаны прийти к тебе на свадьбу.

— Этого никак нельзя. И денег нет... мало очень, чтобы такую свадьбу играть.

— Не беспокойся. Соберем столько, что останется. Вот придем сейчас на стан и сразу скажу Сергею.

— Олег, ты испортишь все дело, — взмолился Федор. — Обещай это... молчать.

— И не думаю обещать...

— Хочешь порвать дружбу?

— Ради нашей дружбы это сделаю...

Мы входили в поселок, и Федор еще раз попросил меня:

— Олег, обещай молчать до времени. Боюсь, Ольга это... осерчает.

— Сделаем так, что не осерчает.

Я действительно сразу направился к Сергею. Когда он услышал об этой новости, заругался.

— Вот тебе раз!.. Что же он молчал!?. Два дня осталось до праздника, а тут... приготовиться надо.

— Он и мне-то сказал под секретом. Не хотел, чтобы раньше времени узнали о их намерении.

— Таит такое дело!.. Не в своем уме, — покачал головой Сергей. — Ну ладно, как-нибудь исправим положение. Сегодня увижусь с Алексеем Романовичем. Поговорю обо всем, и... снарядим завтра машину за продуктами и вином. Свадьбу сыграем комсомольскую, всем коллективом. Иначе нельзя. Осудят!

2

За столом веселый шумный разговор — ничего не разберешь.

— Давайте, товарищи, говорить по очереди, — кричит кто-то.

— По очереди говорить — свадьбе не быть конца, — отвечает тонкий девичий голос.

Взрыв смеха заглушает все разговоры.

— Товарищи... друзья... минуточку внимания, — кричит Сергей. Постепенно все утихают. — Слово предоставляется Алексею Романовичу...

— Я не просил слова, — шутливо отмахивается Алексей Романович. — Ты почему ведешь себя как начальник колонны на производственном собрании? Не спрашивая, объявляешь выступающим...

Новый взрыв смеха, который сменяется аплодисментами. Все просят начальника колонны от имени коллектива пожелать молодоженам долгой, дружной и счастливой жизни.

— Что ж, используем возможность выступить перед коллективом, — поднимаясь, говорит Алексей Романович со всей серьезностью, с какой привык выступать на собраниях. — Предлагаю тост за виновников торжества. Пожелаем, товарищи, им счастья в жизни, успехов в труде и учебе. Пусть эта новая советская семья будет прочной и устойчивой, как та дорога, которую мы с вами построим...

Алексей Романович нашел те слова, которые хотел сказать молодоженам каждый из нас. И совсем как будто некстати вдруг раздался девичий выкрик:

— Горько!..

— Горько-о! — крикнул и я.

— Го-орько-о!..

Федор с Ольгой смущенно поцеловались. Катя в восторге захлопала в ладоши. «Эх, Катя, почему не нам с тобой кричат это слово: «Горько!!» — вдруг подумал я, и мне стало не по себе.

Мы выпили за счастье новобрачных.

Потом Сергей объявил громко:

— Товарищи, чтобы наша свадьба была еще веселее, молодожены должны сплясать. Кто должен тон задать?.. Они, хозяева свадьбы!..

— Правильно!

— Как хозяин, так и гость...

Я взял в руки аккордеон. Федя с Ольгой вышли в круг...

После них нашлось много желающих сплясать. Это был настоящий смотр художественной самодеятельности. Потом устроили танцы. Наконец я, аккомпанируя себе, запел любимую нами песенку:

Тайга загляделась в окошко,
Метель шелестит по стене.
В тайге у Байкала гармошка
Поет о степной стороне...

Катя первой присоединилась к моему голосу. За ней остальные.

— Олег, какой ты славный парень, — зашептала Катя, сев рядом со мной. — Изменить разве Гришке да тебя полюбить?.. А?..

— Ты серьезно?!. Я давно тебя люблю...

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Катя, запрокинув голову назад.

Мне не было смешно. Налил рюмку вина еще и залпом выпил ее.

Зачем выпил эту рюмку? Голова закружилась, потолок как будто опрокинулся, пришлось схватиться за край стола, чтобы не сорваться с пола. Подумал, что надо бежать на речку, умыться холодной водой, намочить голову. Так и сделал. Вылез из-за стола, вышел на улицу. Была непроглядная ночь. Но путь знаком, не сбился бы с тропы и с завязанными глазами.

Когда умылся холодной водой, стало сразу легче. Почувствовал твердость в ногах. Свободно взобрался по обрыву и... замер от неожиданности. Катя стояла передо мной.

— Тяжело?.. Опьянел? — спрашивала она.

— Я уже не пьян, я...

Она отвернулась, пошла по тропинке от берега.

— Идем обратно, там, поди, скучают без музыки...

До самого дома шли, не проронив слова. Я уже не мог шутить с Катей...

...На другой день мы провожали молодоженов в отпуск. Они собирались зарегистрировать свой брак в загсе, съездить в областной центр, погулять там, побывать в театрах. С ними уезжала до Бирюсы и Катя. Мне было тяжело расставаться с ней.

— Олег, до свиданья, — подбежала Катя ко мне проститься.

— Лучше будет: прощай...

— Почему прощай? — удивилась она. — Мы разве никогда больше не увидимся?

— Ладно, Катя... Будь счастлива... Желаю тебе благополучно доехать...

Потряс ее руку и пошел в лес. Надеялся, что Катя окликнет, что-нибудь скажет. Но нет, не окликнула.

3

Весной опять вышли на трассу пробивать просеку. Уже без Сергея. Бригадиром был назначен я. Сергей направил к нам нового работника — жителя соседнего села. Его звали Егором Мелентьевичем Кузменковым. Ему за сорок, низкорослый, плечистый, почти квадратный. Разговорчивый, веселый, он нам всем понравился. С геологическими партиями Егор Мелентьевич немало побродил по Саянам.

— Ну в строители мне сам бог велел пойти, — сказал он нам. — Я от роду плотник. А тут трасса к самому дому подошла... Бросил все — и... к вам.

Был субботний день. Мы закончили работу на два часа раньше обычного и отправились в поселок. Пошел с нами и Егор Мелентьевич, чтобы получить зарплату. Обычно на выходной день он уходил в деревню домой.

Платон пригласил нас сегодня ночью поохотиться на косачей. Мы уже не раз ходили на глухарей, на рыбалку. Глухаря пока не доводилось увидеть. Но рыбы однажды наловили.

А. Шипицын. **Весна в Эвенкии.** Линогравюра.

в каменистой заводи Туманшетки поймали на перемет сразу трех налимов. Едва вытащили их.

Егор Мелентьевич пришел в поселок со своим Дунаем, широкогрудым большеголовым псом. Хозяин ушел получать деньги, а Дунай увязался с нами на речку.

Мы не кончили мыться, Дунай убежал от нас. Я подумал, что Егор Мелентьевич, получив деньги, отправился домой.

Вечером к нам прибежал Нурдавлит и сбивчиво заговорил:

— Олег, плотник наш, Егоркин... Егор Мелентьевич с ног свалился...

— Напился, что ли? — спросил я.

— Ну да. Напился. Нурдавлит хотел поднять его, Дунай не дал. Сдурел Дунай. Своих не признает.

Побежали к Егору Мелентьевичу. Он валялся в траве за столовой. У ног лежал Дунай. Пес настороженно посматривал на собравшихся парней. Если кто-либо пытался притронуться к плотнику, рычал и грозно поднимался на ноги. Мы с Федором позвали Дуная. Он завилял хвостом. Но стоило нам притронуться к Егору Мелентьевичу, как пес зарычал и бросился на нас.

— Черт возьми этого пса, — выругался Федор. Глядит, будто это... извиниться хочет, а зубы наголе. Укусит ведь...

— Где Егор успел купить водки? У нас нет ее в продаже.

— Торгует из-под прилавка Ксюша, — ответил один из парней.

Ксюша — заведующая магазином. Мастер строго-настрого приказал ей водкой не торговать.

Народу собиралось все больше. Подошла Ксюша. Сухая, длинная как жердь.

— Эк, угораздило его, — всплеснула она руками, увидев Егора Мелентьевича. — Где это он напился?

Парни засмеялись. Ксюша смутилась.

— Зачем продали ему водки? — спросил я.

— Христом богом умолял, — созналась Ксюша. — Обещал сразу уйти в свою деревню.

— Вам запрещено привозить сюда водку.

— План хотелось выполнить... Требуют с меня.

— Не пускайте пыль это... в глаза, — вспылил Федор. — На других товарах выполняйте план, а не на водке. Пакости нам этой тут не хватало. Сейчас пойдем Окуню скажем, пусть вас определит в другое место...

Ксюша метнула злой взгляд на Федора, на толпу.

— Подумаешь, чем пугает. Да я сама сбегу из этой глуши. Пьяницы несчастные. Строят из себя трезвенников, а сами за бутылку душу продадут...

Подбежали девчата.

— Кто это такой? — спросила одна из них.

— Плотник из коммунистической бригады, — ответила ей Ксюша.

Кое-кто засмеялся. Но не всем эта острота пришлась по душе. Ксюша почувствовала растущую враждебность, скорей выбралась из толпы, ушла в магазин и заперлась там. Я побежал к Сергею. Федор за мной.

— Может быть, это... облить его, чтобы хоть очнулся, — предложил он.

— Пусть спит. Вон скоро дождь его освежит, — показал я на торчащий из-за горы угол темной грозовой тучи.

Сергей был дома. Я рассказал ему все. Его спокойствие меня выводило из терпения.

— С продавщицей ты как хочешь разбирайся, а Кузменкова убери от нас, — потребовал я. — Это позор — пьяница в коммунистической бригаде.

— Нас это... засмеют теперь, — добавил Федор.

— Вот тебе раз!.. Вы не смеха бойтесь, а о человеке думайте, — заговорил Сергей наконец.

Но что делать? Будь наша бригада не коммунистическая, возились бы с Егором, пока не добились своего.

— Хорошо, пусть он останется у нас, тогда давай объявим, что наша бригада не коммунистическая, — высказал я свою мысль.

— Вот тебе раз!.. Еще лучше выдумал, — усмехнулся Сергей — Мы думаем над тем, чтобы всем коллективом бороться за это звание.

— Но что нам делать с Кузменковым?

— Вот что, мой друг, — положил Сергей руки на мои колени. — Поговори с ребятами, согласны ли будут отправиться на новое дело. От поселка лесозаготовителей придется спуститься по Туманшетке почти до Белой горы. Километров пять просеки пробить там осталось да около десятка автодорожных мостиков навести. Месяца на три хватит работы. Там и на Егора Мелентьевича повлияете...

— Согласен, Сергей, — обрадовался я. — Завтра же поговорю. Пойдут все, ты нас знаешь. Вот только... Федя как? Ольга в Бирюсе, он на трассе будет лето проводить.

— А ты это... не беспокойся за нас, — вставил живо Федор. — Останусь в бригаде.

В комнате потемнело. Туча заволокла небо. По вершине горы ударила молния. Гром-

кое эхо, сотрясая землю, прокатилось по долине.

— Началась канонада, — проговорил Сергей. — Интересно, как подойдет туча к нашей горе, так отдаст ей весь свой заряд... Действительно, стреляющая гора.

Так мы окрестили эту гору после первой же грозы. Молнии хлестали ее беспрестанно, и от треска грозовых разрядов перепонки чуть не лопались. И сейчас не успели опомниться от первого удара, как грянул другой, еще сильнее, еще раскатистее. По окну забарабанили крупные капли дождя.

Скоро плотник очухался. Мы видели, как он, пошатываясь, вышел из-за дома, огляделся, зевнул и направился к мостику. Дунай, тряся мохнатой рыжей головой, побежал за хозяином.

ПИКЕТ В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ

1

Машина свернула с дороги, остановилась возле самого берега.

— Приехали... В который раз...

Мы один за другим выпрыгнули из кузова. Вслед за нами из кабины вывалилась Галинка — наш Пончик — бригадный повар.

По всему берегу бревна, бревна, бревна. Было время лесосплава. А где же лодки?

— На чем будем плыть? — спросил я Егора Мелентьевича.

— На плотах, на чем же еще...

Начали разгружать машину. Егор Мелентьевич с Платоном и Федором взяли скобы, топоры и отправились сколачивать плоты.

Скоро машина ушла. Когда плоты были готовы, сложили на них весь груз.

Мне страшно отправляться в это путешествие. Кажется, что на первой же шивере бревна расползутся и мы утопим груз, искупаемся сами. На плоту ведь началась катастрофа у первых изыскателей.

Посмотрел на Егора Мелентьевича. Он спокоен, все делает уверенно. Значит, нечего бояться. Кузменкову, наверняка, путешествовать на плотах приходилось.

Как только бревна сползли с прибрежных камней, течение подхватило плоты и понесло прямо к шивере. Там Туманшетка бурлит, как кипящий котел. Страшно! Приседаю ниже. Только б не развалились плоты.

Их начало раскачивать. Скобы заскрипели. Волны начали биться о бревна, брызгать на нас. Огромное бревно застряло на мели, и мы стремительно пронеслись мимо, чуть не столкнувшись с ним. Мгновение — и потоком воды нас сбросило в спокойный тихий плес.

Пронесло!

Не так уж страшно. И риска большого нет. Все страхи страшными кажутся только издали. Вблизи их некогда пугаться.

Впереди за поворотом опять показалась темная клокочущая шивера. Меня она уж не очень пугает.

Речка петляет. Высокие таежные горы то сжимают ее, то расступаются вдруг, и Туманшетка разливается, как большая река. Здесь она течет спокойно. Никаких заворотов. Плывущие по плесу бревна издали кажутся спичками, рассыпанными по зеркалу.

Но вот гора своим выступом как будто забрела в Туманшетку и разломала зеркало. Вода потемнела, забурлила. Бревна стали тесниться, отталкивать друг друга. Короткий, но толстый сутунок прет напролом. Разогнавшись на быстрине, он так боднул сучковатое бревно, что загнал его в заводь, где оно приткнулось к берегу и застряло. Кончено дело! Не участвовать ему больше в гонках до осени, пока не выпихнут из заводи сплавщики, которые будут зачищать берега от застрявшего леса.

Наш плот настигает странного пловца. Он то уйдет под воду, то вынырнет опять. Чудовищный, с красным отливом, неповоротлив.

— Кто это плывет? — спрашиваю Егора Мелентьевича.

— Где? — не видит он никого.

— Вон, ныряет-то...

Плотник смеется.

— Опасный зверь, — говорит он. — Но нас не тронет...

Все на плоту смеются. Обескураженный, всматриваюсь в пловца. Похоже как будто на дерево. Действительно, бревно. Я смеюсь над собой. Зачем спрашивал?..

— Это топляк, — поясняет Егор Мелентьевич. Он комлем плывет по дну, а другой стороной всплывает...

С посвистом летают белобокие кулики. Мы спугиваем их с галечных отмелей. Часто из прибрежных кустов с шумом поднимаются утки-кряквы.

Нурдавлит крутит головой: все его удивляет, все вызывает любопытство и интерес. Кажется, этот раз он будет доволен. Не станет жаловаться, ныть и проклинать себя за то, что погнался за своим другом Платоном.

Обогнули сопку. Платон, правивший передним плотом, махнул Егору Мелентьевичу, чтобы он заворачивал наш плот к берегу. Скоро мы зашли в заводь и пристали к отмели.

Разгрузили с плотов две мотопилы «друж-

ба», топоры, палатки, кухонную посуду. Нурдавлит бережно снес на берег батарейный радиоприемник, а я — свой аккордеон.

Платон оглядел крутую таежную гору, сказал:

— Этот пикет поистине в медвежьем углу... Так или не так, Нурдаша?

— Так, так, Платоша... Авось увидим здесь хозяина...

2

Всю ночь лил дождь. Перестал он только к утру. Выглянуло из-за горы солнце. Свежий ветерок ударился о сосны, стряхнул с ветвей остатки дождевой воды. Крупные капли звонко пробарабанили по палатке.

Они разбудили меня. Подняв полог, увидел чистое небо, солнце, яркую зелень вокруг. Сразу стало хорошо на душе. Подумал: «Хоть бы не было дождя».

За неделю, которую живем в тайге, он лил, не переставая. Мешал работать, портил настроение.

Мы пробивали просеку. В продуктах не испытывали затруднений. Хлеб нам через день привозил на моторной лодке деревенский почтальон старичок Мирошников. А когда кончались запасы крупы, вермишели, масла, сахара, Галинка уплывала с ним в поселок и там закупала все необходимое в сельмаге.

Проснулась Галинка. Стала растапливать печь. Я наколол дров. А когда в котелке закипел чай, пошел будить остальных.

— Эй, ребята, подымайтесь завтракать...

Все поднялись, пошли на берег умываться. Вода-то рядом, в пяти шагах. В палатке остался один Нурдавлит.

— Чего он не подымается?

— Сон это... досматривает, — объяснил Федор.

Пошел, растормошил Нурдавлита. Недовольный, рассерженный, он вылез из палатки, нехотя пошел к речке. Кончил мыться, когда бригада завтракала.

— Поторапливайся, — крикнул я. — Сейчас на просеку пойдем.

— А мы его это... подождем, пусть не торопится, — насмешливо заговорил Платон. — Нас же много, а Нурдавлит один. Семеро всегда ждут одного.

— А ну вас, — разозлился Нурдавлит. — Вам нравится жить, как в казарме? Ну и живите. А Нурдавлит вам тут не солдат...

Мы уже привыкли к причудам своего товарища. Можно было бы оставить этот случай без всякого внимания. Но я умышленно напустил на себя строгость и на пути до места работы стал ему внушать:

— Вот что, дружище, не нравится тебе с нами, езжай в Саранчет. Там есть начальство: мастер, начальник колонны. Они пусть тебя держат в узде. А мы тут в тайге сами себе начальство. Поэтому подъем есть для всех подъем. Не какая-то тебе здесь казарма. У нас, сам знаешь, работать так работать, отдыхать так отдыхать всем. А не хочешь жить, как все, скатертью дорога. На ту сторону Туманшетки переплавим, а там тропа доведет до села. Ну, чего молчишь-то?

— Нурдавлиту нечего сказать, — виновато ответил он. — Ты знаешь Нурдавлита... Сейчас Нурдавлит исправится...

А когда бригада, вооружившись пилами и топорами, начала пробивать просеку, узбека как подменили. Он потел, как будто старался работать за двоих.

Столетние сосны падают гулко, содрогая землю. Платон валит их шестисильной мотопилой «дружба». Она тарахтит разными тонами: то взвизгивает без нагрузки, то чуть не глохнет, когда мотор не может протащить режущую цепь в древесине. Как будто разговаривает.

Платон удалился от нас метров на сто. Мы идем цепью. Вырубаем кусты, мелкий сосняк. Под нашими топорами падают белоногие березки, нежные елки.

Метр, другой, третий... К полудню широкая просека надвое разделила таежный косогор, который вчера казался непроходимым.

— Ничего себе, поработали сегодня, — говорю, оглядываясь назад, на глазок прикидываю результаты труда.

А как захотелось есть! Торопимся на стан...

После обеда и короткого отдыха снова гуськом идем по тропинке к просеке. Она уже удалилась от стоянки почти на километр.

И опять... Метр, другой, третий...

И так: день, другой, третий...

То жаркое солнце донимает нас, то проливной дождь. Пилим и рубим. Рубим и пилим. Вот просека спустилась с косогора. Дробью стучат топоры в низине. Как подкошенные, валятся пышные елочки. Вот дрогнул куст ракитника, и его ветки почти вмиг развалились по сторонам. И еще топоры не перестали стучать в низине, а на другом косогоре с хрустом ахнула оземь упавшая сосна.

Еще усилие... Еще... Наконец просеки соединены. Победа! Пусть небольшая, не такая,

о которой могла бы узнать вся страна. Но для нас это настоящая победа.

Завтра начнем ставить автодорожные мостики.

3

В свободное время мы ловим рыбу. Наделали удочек, накопали червей. Ловятся больше окуни, сороги. Платон ухитряется как-то удить на быстрине хариусов. На обед теперь часто или уха, или жареная рыба.

Егор Мелентьевич принес из дома старенькую сеть. Мы починили ее и поставили в заливе. За ночь в нее попало несколько увесистых зубастых щук.

Очень красиво и весело жилось нам в этом живописном медвежьем углу.

Вечерами, когда плотные сумерки ложились на тайгу, мы собирались у трескучего костра. Пели под аккордеон или смеялись, слушая Федю, который любил разыгрывать шолоховского деда Щукаря.

Но бывало даже в эти веселые минуты Нурдавлит начинал жаловаться:

— Еще бы девчат сюда. Нурдавлит тоскует без них. Что это за жизнь! Нурдавлит так до смерти не женится...

В двенадцать часов мы покидаем костер, идем в палатку. Но еще не спать. Включаем радиоприемник и, не проронив слова, слушаем далекую столицу. Далекую и близкую. Самые приятные вести приходят к нам из Москвы.

Прослушав последние известия, прокомментировав их, ребята укладываются спать. Гаснет свеча. Умолкает разговор. Вдруг Федя со вздохом говорит:

— Как мне, ребята, еще раз хочется это... съездить в Италию.

Я удивлен. Федор никогда не говорил, что ездил в Италию.

— А ты когда там был? — спрашиваю его.

— Один раз уже это... хотел съездить...

Мы смеемся над Федором. Смех утихает не сразу. Многие уже спят, а кое-кто все еще усмехается громко. Затихнет, опять усмехнется.

4

Строительство первого мостика подходит к концу. Осталось забрать настил да просмолить.

День жаркий. Работать тяжело. Все хотят пить, а котелок пуст. Конечно, речка рядом. Но теплой водой не утолишь жажду. Нурдавлит берет котелок и идет к ключу. Этот ключ от нас за полкилометра. Воду для питья мы всегда носим из ключа. Далековато, правда, ходить за ней. Зато вода какая: холодная, вкусная, прозрачная.

Расселись в тени деревьев. Мостик делаем через простую ложбинку. По ней стекают со склона вешние воды. Сейчас ручья не было. Его каменистое ложе заросло кустами красной смородины. Гроздья огненных ягод просились в рот. Но мы на них и смотреть не хотели. Уж больно кислая эта красная смородина, только варенье из нее отличное.

Вернулся Нурдавлит с водой. Мы напились. Стало легче дышать. Не было б еще слепней. Как много их в жаркие дни! Утром мелкие, серенькие. К полудню появляются большие, зеленые. Эти кусают до крови. И после укуса вздувается шишка. Опадает она дня через два. Рад бы загорать на таком солнышке, да рубашку не снимешь.

Курим, лениво переговариваемся. Егор Мелентьевич вдруг вскрикнул и подскочил как ужаленный.

— Змея! Змея! — заорал он.

Действительно, из-под камня, на котором сидел Кузменков, выползла змея и зашипела, как облитая водой головешка.

— Дошипишься ты у меня, — сказал со злостью Егор Мелентьевич и наступил на нее. Змея обвилась вокруг сапога, пуще зашипела.

— К смертной казни ее через повешенье, — вынес приговор Платон.

Покончив со змеей, мы снова расселись на дне ручья. С легким шелестом с деревьев упал порыв ветра. Он огнем дохнул в лицо, качнул куст смородины, тихо лег на просеке. Резные листочки смородины не колыхнутся. Бодрые с утра, сейчас они разомлели от жары: сморщились, повяли. А гроздья ягод, наоборот, разрумянились до блеска, все, как есть, высыпали на солнце.

Я смотрел на огненные ягоды и думал. Сколько лет тайге, Туманшетке, горам?! Сколько лет вот этому камню, под которым жила змея?! Сто?.. Тысяча?.. А может, миллион?!

Невозможно представить!.. Что камню — есть ведь на земле и строения, которые сооружены человеком в далекие годы до нашей эры. А сколько лет будет существовать дорога, которую мы строим? Столетия?.. Тысячелетия?!

Я вдруг подумал, что мы не сознаем даже, какую величайшую ценность создаем. Дорога, которую мы делаем, будет служить людям и тогда, когда никого из нас, ее строителей, не останется в живых. Будет служить века. И вряд ли будет известно людям будущего, что мы — вот мы — в такой-то день строили

этот мостик, в такой-то час отдыхали в тени на мшистых камнях, говорили о пустяках, курили, отмахивались от назойливых слепней?

Словно откликаясь на мои мысли, заговорил Егор Мелентьевич:

— Я-то знаю, зачем строится здесь дорога. Не лес возить. Его можно по воде сплавить. Помню, находили мы камешки и с золотыми прожилками, и со свинцовым блеском, и еще кое-какие. А как ты их возьмешь в спящей тайге? Не возьмешь, пока не построишь дороги, подъездные пути к богатствам...

Федор спрашивает Кузменкова:

— Егор Мелентьевич, ты это... все Саяны исходил, все знаешь, а вот у этого ручья, через который делаем мостик, есть название или нет?

— Его так и звать Каменным ручьем, — стал рассказывать Егор Мелентьевич. — Наверху горы, этак километров шесть отсюда, ручей раздваивается.

Вот там на развилке — давно это было. — Дунай берлогу отыскал. Взяли мы с ним медведя.

— Что-то перестал Дунай с вами ходить, — заметил Платон.

— Огород сторожит от кур да свиней.

— А вы много убили медведей? — спросил я.

— Нет, немного. Шесть штук всего. Особого желания охотиться на них не имею. Увлекаюсь рыбалкой.

И Кузменков рассказывает о местах, куда приплывает хариуса столько, что кишмя кишит. Потом косяками скатывается вниз. В это время самый лов.

Мы слушаем Егора Мелентьевича, разинув рты. Без него Сибирь для нас ограничивалась участком трассы. С ним Сибирь как будто раздвигала свои просторы, становилась понятнее, роднее.

5

Как-то мы слушали радио. Егор Мелентьевич молча надел потрепанную телогрейку, взял в руки ведерко, отправился за водой. Ключ совсем близко, за первым гладкоствольным кедром, который, казалось подпер вершиной звездный купол.

Путь Егору Мелентьевичу преградила колодина, которая от времени стала мягкой, как ягель. А за ней сразу блеснули в говорливом ручейке далекие звезды. Вот она, вода, холодная и прозрачная.

Егор Мелентьевич бывал у ключа, как будто приметил каждый кустик, дерево, валежину. Ему подозрительным показался темный бугорок у самой струи. Похоже, его не было здесь. Откуда взялся он? Не зверь ли?.. Но плотник улыбается сам себе. Нет, конечно, откуда зверю быть здесь. К ключу может прийти?.. Но люди близко...

Бугорок вдруг шевельнулся, вздыбился. Мурашки побежали по спине Егора Мелентьевича. Медведь!

Плотник выхватил из-за пояса нож, крикнул. Рявкнул и зверь.

Мгновение они стояли друг перед другом, словно намереваясь поздороваться. Егору Мелентьевичу ясно: если бежать от медведя — будет конец. Выход один — вступить в поединок. Может быть, тоже в смертельный... Самый момент распороть ему живот.

«Эх, Дунай был бы здесь...» — первым бросившись на зверя, успел подумать Егор Мелентьевич, со всей силой ударив его ножом.

Дико взревел медведь. Сразу же Егор Мелентьевич попал в такие объятья, что затрещали кости и невозможно стало дышать. Сверкнули на небе звезды и сразу погасли: подкосились ноги.

...Я слушал московские известия, и почему-то беспокойство не покидало меня.

— Ребята, Егора Мелентьевича долго нет с водой, — говорю.

— Не задавился, так явится, — пошутил Федор.

— Идемте встречать...

В это время послышался продолжительный рев.

— Медведь! — вскочил Платон и схватил ружье. — На ключе он.

Мы перепугались. Повыскакивали из палатки. Платон выстрелил два раза. Тайга ответила жуткой тишиной. Егор Мелентьевич не откликнулся. Платон бросился по тропе, которая ведет к роднику. Мы все — за ним.

Вот и ключ. Ведро валяется у колодины. А плотника нет. Мы даже не осмеливаемся кричать.

Еще шаг — и... мы онемели от ужаса. У куста лежал Егор Мелентьевич...

Притащили Егора Мелетьевича к палатке. Всю ночь сидели возле него. Он не приходил в сознание. Чуть свет Платон с Борисом переправились на ту сторону и побежали в село, чтобы сообщить о случившемся в Бирюсу. К восходу солнца они вернулись с фельдшером, молоденькой девушкой. Она промыла раны на лице Егора Мелентьевича, перевязала. А вскоре услышали рокот вертолета. К нам летела подмога... Мы чуть не плакали от ра-

дости. Теперь можно надеяться, что Егор Мелентьевич выживет...

Два дня с нетерпением ждали сообщения из Бирюсы. Наконец нам передали, что плотнику сделали операцию, он пришел в сознание и теперь поправляется.

6

Третий месяц подходил к концу. Все-таки надоело жить в лесу. Осточертели эти пикеты в медвежьем углу. Хотелось скорее попасть в Саранчет, в родной коллектив.

Сергей нас навещал редко. Мы не обижались на это. Что ж, там на участке у него заботы немало, а здесь он вполне может положиться на нас.

В Саранчет приехала группа комсомольцев из Рязани. Должно быть, нам не узнать сейчас участка. Там вступили в строй общежитие, столовая, возводится четыре жилых дома, клуб. На старом месте, в старых домах, брошенных лесозаготовителями, сейчас живут только семейные.

Скоро мы будем в Саранчете.

Осталось два дня.

Уже договорились с почтальоном Мирошниковым, что он переправит нас в поселок. А там за нами придет машина.

Мы отдыхали, когда увидели за соседним склоном на просеке автодороги самосвал. Нас разделяли какие-нибудь пять-шесть километров. Самосвал вывалил гравий, исчез. Потом появился другой, третий...

— Смотрите, туманшетский участок автодорогу к нам подводит, — сказал я, поняв, откуда взялись там машины.

Разговоры у нас как-то вдруг прекратились. Долго смотрели на сновавшие вдалеке машины. Скоро, очень скоро автодорожная насыпь подойдет к мостику, который мы достраиваем, переступит его и пойдет к следующему. И так до самого Саранчета. А потом по автодороге сюда придет целый караван машин. Они начнут воздвигать насыпь под железнодорожное полотно. Как будто незначительный винтик на стройке — наша бригада. Но без нас не обойтись... Еще веселее пошла работа.

Потом мы увидели, как два человека спустились с насыпи и направились к нам. Кто же это? Придут — узнаем. Чего гадать.

Кусты и низины надолго укрыли от нашего взора пешеходов. Прошло более часа. Я начал думать, что эти двое не к нам шли, свернули куда-то в горы. Может, охотники, может, изыскатели какие-нибудь.

Но вот из-за кустов вышли Алексей Романович и... второго человека я узнал не сразу, только приглядевшись внимательно. Это оказался Иван Иванович — начальник мехколонны.

— Вы только начали рубить мостики или это уже последний? — поздоровавшись, озабоченно спросил Алексей Романович.

— Последний, — сказал я.

Нурдавлит добавил громко:

— Мы ведь работаем тут!..

— Вижу, что работаете, — повеселел Алексей Романович и устало присел на бревно. — Окунь говорил, что здесь дела в порядке, но я все же беспокоился. Сами видите, погода стоит сухая. Механизаторам только этого и надо. Вон приближаются уже к вашему пикету. Ходом ведут автодорожную насыпь. Не дай бог, думаю, задержите их...

— У них это... погода, а у нас, что ли, ненастье? — обидчиво заметил Федор.

— Ну вот и поймал на слове, — засмеялся Алексей Романович. — У машин охлаждение есть, жара им нипочем, а вы-то безрадиаторные... А потом... Кузменков выбыл из строя. Думал, что это задержит вас... Но... вы в грязь лицом не ударили. Молодцы ребята! Не подвели... Так и есть: ваша бригада — настоящая, толковая голова стройки...

— Как будто это та же бригада, которая пробивала зимой просеку на Белую гору? — спросил Иван Иванович.

— Она, — ответил Алексей Романович. — Коммунистическая...

Я чувствовал на себе взгляд Ивана Ивановича.

— Смотрю на этого молодого человека и никак не могу вспомнить, где встречались...

Я взглянул на него.

— Карташов, кажется?

— Он, — ответил за меня Алексей Романович, удивленно глядя то на меня, то на начальника мехколонны. — Олег Карташов... Вы знакомы?

— Ты, оказывается, не сбежал со стройки? — спросил Иван Иванович.

— Сами видите, — ответил я.

— А что же ты тогда уехал из мехколонны?

— Вы уволили...

— Да-а, — протянул Иван Иванович. — Должен извиниться перед тобой, Карташов. Как-то нехорошо получилось. За летунами иной раз и доброго человека не разглядишь. Виноват... Виноват... Ты меня прости...

Почему так говорит Иван Иванович? Что-то произошло тогда такое, что мне неизвестно до сих пор. Что же? За что нужно простить

начальника мехколонны? Ведь он заставил бухгалтера рассчитать меня только потому, что мне, не механизатору, нечего было делать в мехколонне?.. Я так и сказал Ивану Ивановичу.

— Нашли бы дело, — махнул он рукой. — Поспешил ты уехать... Только за дверь, и сразу пришли твои ходатаи: мастер и шофер Трофим. Стали заступаться. Ну... мы решили послать тебя помощником к машинисту экскаватора. А тебя след простыл. Даже деньги не получил. Теперь переведем.

У меня дух захватило. Вот, оказывается, что произошло тогда. Зачем уехал!.. Сейчас бы уже механизатором был.

— А как там Трофим поживает? —поинтересовался я.

— Послали на курсы экскаваторщиков, — ответил Иван Иванович. — Слушай, Карташов, мы сейчас должны направить пять человек на курсы шоферов. Поедешь?

— Э нет, нет, Иван Иванович, — вмешался Скрябов. — Так не годится, не по товарищески переманивать лучших работников. Сами пошлем Карташова на курсы, только не на шофера, а на водителя трелевочного трактора. Будет потом очищать трассу от поваленного леса. Не возражаешь, Олег?

— С удовольствием поеду!

— Только одного это... посылаете или еще кого? — спросил Федор.

— Еще трех человек надо, — ответил Алексей Романович.

— Меня пошлите! — попросился Федор.

— Хорошо, — согласился Алексей Романович и посмотрел на Бориса. — А как ты, Шилков, не намерен поехать на курсы?

— Нет... Мне эта работа нравится...

Платон тоже не согласился ехать на курсы. А у Нурдавлита оказалось недостаточное образование.

— Нурдавлит очень хочет, Алексей Романович, — умолял Нурдавлит. — Два класса не хватает — чепуха. Нурдавлит справится.

— Возможно, но комиссия забракует, — объяснил Скрябов. — Вот нынче на участке организуется вечерняя школа. Поучишься — на будущий год поедешь...

Я был взволнован. Здорово как! Еду на курсы... стану трактористом.

Когда Скрябов с Иваном Ивановичем ушли, Борис спросил меня:

— А ты, Олег, когда работал в мехколонне?

Только Сергей, Федор, Ольга да Катя знают, что я работал в мехколонне и меня выгнали оттуда. Вовсе не выгнали...

7

Сквозь сон услышал шум приближающейся моторной лодки. Их много ходит по Туманшетке взад и вперед. Одни в город, другие обратно, одни на рыбалку, другие с рыбалки.

«Мимо едет!», — подумал я и снова закрыл глаза. Было рано, до подъема оставалось еще полтора часа.

Но заснуть не удалось. Лодка повернула в наш залив, и мотор заглох. Я выглянул из палатки. Сквозь густой туман различил старика почтальона. С ним в лодке был еще кто-то. Пригляделся внимательно.

Егор Мелентьевич!..

Бегу на берег.

Дунай выпрыгнул из лодки, когда она еще не коснулась берега, покрутился, лизнул мне руку и убежал к палатке.

Егор Мелентьевич нисколько не изменился, только чуточку побледнел. На лице три глубоких рубца. Это следы когтей зверя.

— Как здоровье, Егор Мелентьевич? — спросил я.

— Ничего как будто. Вот только бок побаливает. Сломал ведь, он, гад, мне два ребра. Глаз один стал плоховато видеть...

— Тебе, Егор Мелентьевич, надо пока бросить топор.

— И ты об этом же, — плотник посмотрел на меня печально. — Вы как будто сговорились. Скрябов — сторожи пока. Окунь — складом заведуй. Ты — брось топор. Нет, я топора не брошу. Отдых дали? Спасибо. Пенсию вырешили? Тоже спасибо. Но топора не отнимайте. С ним я скорее выздоровею. Понимаешь?.. Скорее!.. Только... поберегусь первое время ворочать бревна... Скостишь за это с зарплаты сколько — согласен буду

— Ничего не скостим, Егор Мелентьевич, — сказал я.

Проснулись друзья, сбежались к лодке. Платон заговорил:

— Вижу, братцы, сон, что рыбу принесли мы домой к нашему Егору Мелентьевичу, а Дунай выбежал навстречу и вот ластится, отбиться не могу. Открыл глаза, правда, Дунай навалился на меня, старается в лицо лизнуть. Сразу догадался, что приехал Егор Мелентьевич...

По случаю приезда Егора Мелентьевича Галинка приготовила особенный завтрак. Собрались за столом. Егора Мелентьевича усадили на самое почетное место.

Разговорам не было конца. Плотник подробно вспомнил, как напал на него зверь, нахваливал врачей, которые лечили его в

больнице. Мы рассказали о том, как хватились его, как бежали к ручью, как нашли его.

— А потом за тобой прилетели на вертолете, — вставил Нурдавлит.

Егор Мелентьевич улыбнулся.

— Выходит, прокатился на вертолете... Жаль, ничего не помню...

Посмеялись. Тем временем Галинка поставила на стол сковородку с жареным хариусом.

— Давай, Егор Мелентьевич, отведаем драгоценной рыбки, — подмигнул Платон и покрутил ус. — Вчера повезло. Так хорошо клевал на метляка.

— Ты, Егор Мелентьевич, вернулся, а Олег с Федором уезжают на днях, — торопливо сообщил Нурдавлит.

— Куда уезжают?

— Учиться на трактористов трелевочных машин.

— Скучать будут, — задумчиво сказал плотник. — Я скучал по бригаде... И чего так привязался к вам — сам не пойму. Или потому, что вы дружные такие, или еще по какой такой причине... Словом одним, бригада, как ее, коммунистическая... Мне-то, старому дураку, и не место в ней. Почему не выгнали в первый день? А теперь погоните — обидите, хуже медведя раните... До конца хочу быть с вами... пока дорогу не построим.

Егор Мелентьевич посмотрел вдаль на излучину Туманшетки.

— Ох, хочу, ребятки, прокатиться в поезде и посмотреть из окна вагона на эти знакомые косогорчики!..

НЕТ, МОРЯК НЕ ЗАТЕРЯЛСЯ

1

Парнишка робко подал документы: паспорт, комсомольскую путевку.

— Специальность есть?

— Нету, — ответил новичок.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Вот видишь, восемнадцать уже, а специальности никакой не имеешь.

— Я из деревни...

— А в деревне разве нет техники? Сколько угодно. Было бы желание. В твои восемнадцать лет мог бы уже быть и трактористом, и шофером, и бульдозеристом...

Мне стыдно, но... я смеюсь: ведь это всего лишь воспоминание.

— Ты над чем смеешься? — спрашивает меня Федор.

— Над собой. Вспомнил, как впервые определялся на работу в мехколонну. Еще Иван Иванович спросил меня, что я умею делать. «Ничего, — ответил я. — Только прилежно учиться...»

Федор рассмеялся на весь автобус.

— А чем кончил этот прилежный ученик в мехколонне?

— Сбежал, — ответил я. — Сейчас бы вот явиться к Ивану Ивановичу.

Сейчас я умею копать стылую и мерзлую землю, я плотник четвертого разряда, тракторист трелевочного трактора. Я умею трудиться, и мой труд нужен людям.

Через заснеженные деревья показались дома. Это Бирюса, новая станция новой железной дороги. Здесь главная контора нашего строймонтажного поезда.

Автобус въехал в поселок. Улица широкая, длинная. Дома двух- и трехэтажные. Над крышами сеть антенн.

— Смотри, как разрослась наша улица, — говорит Федя.

Я взглянул на угол дома и увидел металлическую планку с надписью: «ул. Калужская». Родная улица! Никогда мне не забыть, как ты родилась!

Автобус остановился возле самой конторы. Вот и дома. Мороз щиплет уши. Февраль-бокогрей! Мы помним его по прошлому году, когда открывали Саранчет. Нагрел он нам тогда бока.

Сразу же направились в отдел кадров. Никодим Никандрович — парторг, начальник отдела кадров — обрадовался нашему приезду.

— Голубчики наши прилетели, — вышел он нам навстречу. Мы долго трясли друг другу руки. — Кстати, очень кстати вернулись. Как раз машина новая пришла. Завтра получать поедете и погоните сразу в свой Саранчет. Там начинаем насыпь делать. И вообще весь центр тяжести переместился в Саранчет. Ну... вы спрашивайте, что вас интересует.

— Все нас интересует, Никодим Никандрович, — сказал я.

Парторг усмехнулся.

— Понимаю вас... Ребята наши еще на пятьдесят километров продвинулись вперед. Зимой открыли новый участок. Тяжело было открывать его. В Саранчете лесозаготовители оставили нам старенькие дома, а там ничего не было: ни дороги, ни жилья...

— А кто открывал участок? — спросил я.

— А кто бы вы думали?

— Окунь, — ответил парторгу Федя.

— Конечно, он... Окунь... Центральный комитет комсомола именными часами наградил

его. И грамотой почетной. Вы тоже награждены... Получите грамоты у комсорга. Всем членам бригады выданы.

— Егору Мелентьевичу тоже дали? — спросил я.

— Дали, — ответил парторг и засмеялся. — Не брал никак грамоту. «Не полагается, — говорит, —мне. Не комсомолец я». Едва убедили. А потом, сказывают, рамку с грамотой поставил на божничку рядом с иконами, на которые молится старушка, матушка его.

Мы были рады за себя, за Сергея, за Егора Мелентьевича, за всю бригаду.

2

Все время учебы на курсах я думал о Кате. Думал и жил мечтой о встрече с ней. Но вот остались считанные минуты до встречи, и все надежды растаяли, оставалась в душе одна горечь. Что мне сулит встреча с Катей? Ничего. Лучше б не встречаться, так бы и жить мечтой об этой встрече.

Мы с Федором сидим в комнате, где живут Ольга с Катей, и ждем их. Они скоро должны вернуться с трассы.

В комнате чисто. Ничего лишнего. Две кровати, коврики на стенах, на полу, круглый столик, этажерка с книгами. На верхней полке небольшой радиоприемник. Федя включил его. Передавались вальсы Штрауса.

На улице загудела автомашина. Я глянул в окно. Приехали Ольга с Катей. Раньше времени. Значит, узнали, что мы вернулись с курсов.

Топот в коридоре. Ольга ворвалась в комнату, не закрыв за собой дверь. От нее пахнуло бодрящим морозом. Щеки разрумянились, как огонь.

— Федюша!.. Ты!.. Дома...

Вошла Катя. Она в телогрейке, брюках, валенках. Из-под пуховой шали на лбу выглядывает вьющаяся прядка. Румянец гасит на щеках веснушки. Никогда Катя не была такой красивой.

— Здорово, Олешка, — поздоровалась она со мной. — Моряк мой приехал...

Катя громко рассмеялась.

— Эти девчонки слышат звон, да не знают, где он. Они считают тебя моим моряком. Ты будто моряк мой. Кричат: «Беги, встречай своего моряка»!

Ей смешно над этой путаницей, мне — нисколько.

За столом я немного повеселел. Или от выпитого вина, или от чужого счастья.

Девчата позвали нас в клуб.

— Сегодня танцы под духовой оркестр, — заторопились они вдруг. — Из Суетихи часто к нам духовой приезжает.

— Весело вы зажили, — сказал я.

— Не обижаемся, — с вызовом ответила Катя.

Вечер прошел весело. Играл духовой оркестр. Мы танцевали. Я сплясал матросский танец «яблочко». Мне здорово поаплодировали. Катя особенно была в восторге. Подбежала, стала хвалить меня за пляску.

— Танец-то матросский, поэтому и нравится тебе, — заметил я.

Она засмеялась.

А после танцев, Катя подошла ко мне.

— Ну, морячок, надеюсь, проводишь меня до дому?

— Если не возражаешь...

— Конечно. Я боюсь заблудиться на улице Калужской. Медведей боюсь. Летом не боюсь, а зимой боюсь. Я не верю, что медведь зимой в берлоге лежит...

Катя, конечно, разыгрывала меня.

На улице взял ее под руку. Мы болтали о разных пустяках. Подойдя к общежитию, я предложил прогуляться по улице. Катя согласилась. Но скоро она продрогла, заторопилась домой. Я не мог заговорить о чувствах. Впрочем, и не хотел этого разговора. Зачем? И так все ясно. И только прощаясь, спросил Катю:

— Значит, твой моряк не затерялся?

Катя прижала мой локоть, хитровато глянула на меня.

— Нет, конечно. Нынче должен демобилизоваться...

Катя забежала на крыльцо и насмешливо пропела:

— Спокойной ночи. Желаю тебе, Олеша, самых лучших снов. Таких, чтобы сбылись потом...

Я остался один. Катя! Катя! До чего ты родная и близкая, чужая и далекая. Зачем ты желаешь мне таких снов!.. Скорее бы уехать в Саранчет, подальше от нее. Я не могу больше попусту болтать с ней. А сказать что-то серьезное — язык не поворачивается. Потому что не нужно это Кате...

3

Деревья как будто застыли на звонком морозе, не шелохнутся. Темные ели с высеребренными ветками украсили болотистую низину. Залюбуешься!

Но мне некогда любоваться зимней тайгой. Я не выпускаю рычагов, я смотрю на дорогу, вслушиваюсь в рокот мотора.

В кабине тепло. Федя сидит рядом.

Мы ведем машину по автодороге, для ко-

торой своими руками делали деревянные мостики.

— Вот где наша стоянка была, — показал я Феде на излучину реки, где виднелась квадратная вырубка. Там приземлялся вертолет.

— Правда, — узнал место и Федя. — Смотри, как изменилось все. И автодорога... И насыпь готова. Поедет Егор Мелентьевич и не успеет из окна вагона заметить знакомые косогорчики.

Через полчаса за Туманшеткой показалась деревня. Нам предстояло жить на квартире у почтальона Мирошникова. В Саранчет переедем, как очистим просеку в районе деревни.

Как давно мы не были в своем коллективе! И не скоро будем.

— Месяца два, наверное, придется зачищать просеку, — сказал Федор.

— Как пойдет дело. За месяц, может быть, справимся.

— К тому времени девчата должны переехать в Саранчет. Вот хорошо будет.

— «Хорошо»... Кому хорошо, мне не очень,— сказал я угрюмо.

— А почему?

Я пожал плечами: мол, чего спрашиваешь, ведь знаешь все.

— Все моряк меж вами, — Федор повернулся ко мне. — Послушай, Олег, сдается мне, что моряк перестал писать ей письма.

Я посмотрел на него в упор.

— С чего ты взял это?

— Ольга рассказывает... И я все сильнее убеждаюсь — любит она тебя. Правда, скрыть старается, даже от себя скрыть, но не получается...

Я пустил педаль газа. ТДТ-60 взревел как сумасшедший, рванул в гору.

— Что ты делаешь? — закричал Федор.

Мне казалось, что ТДТ-60 не гудел, а песни пел. Мир преобразился в глазах у меня. Неужели Федор прав? Нет, не могу поверить...

...Утром вывели машину на трассу. Просека от Туманшетки шла по крутому склону. Даже страшно было гонять по нему трактор.

— Опрокинуться можем, — отговаривал Федор.

— Ничего не случится.

Я сел за рычаги и повел трактор в гору. Все тяжелее взбираться машине. Переключаюсь на низшую скорость. Трактор опять идет легко, как по ровному месту. Но недолго. На первой скорости ТДТ-60 выбрался к поваленной сосне посредине просеки. Включаю бортовой фрикцион, разворачиваюсь. Вдруг машина как-то подалась под уклон, вздрогнула и замерла, точно подбитая. Мотор работает отлично, но машина не двигается. Что случилось? Неужели авария? Федор уже на гусенице, открывает кабину.

— Разулись, — кричит он.

Выскакиваю из кабины.

Катки слезли с гусеницы. Федор в растерянности.

— Зачем было начинать с этого косогора. Говорил, крутизна такая!..

— Пройдем и здесь, — говорю решительно. — Будем гонять машину елочкой, поперек на склоне ее нельзя ставить...

Прилипают руки к мерзлому металлу. Мы обуваем свой ТДТ-60, надеваем гусеницу. На это уходит полдня. К полудню работать становится легче. Февраль-бокогрей дает о себе знать. Потеплело. Снег на валенках тает. Отогревается и металл, не обжигает ладоней. Нам жарко.

Наконец трактор обут. Мы забыли про обед. Скорее лезу в кабину. Осторожно разворачиваюсь. Теперь можно смело двигаться, но только вниз или вверх. Федор прицепляет сосну. Включаю лебедку. Поваленная сосна ожила, буравя снег, полезла на металлическую площадку трактора.

Отволок ее вниз, поднялся за другой. А потом за третьей, за четвертой... И пошло у нас дело ходко, без остановок. Вниз. Вверх. Вниз. Вверх.

К вечеру косогор был очищен.

— Я бы не рискнул ездить по склону после того, как один раз разулись, — признается Федор, когда мы приехали на отдых в деревню.

«Ах, Катя, Катя! Ради тебя я погнал бы машину на вершину Эльбруса», — думаю так, и на душе становится грустно.

«КУРС» СОВПАЛ

1

На май Федор уехал в Бирюсу к Ольге. Он уговаривал меня ехать вместе. Но я решительно отказался. Зачем? Чтобы еще сильнее растревожить душу? Хватит! Я больше не думал, пишет моряк Кате или нет. Пишет, конечно. И Катя ждет его. Поэтому избегает всяких встреч со мной. Раза три могла бы заехать с Ольгой вместе в Саранчет, но не сделала этого. Федор объясняет это тем, что она неравнодушна ко мне, боится выдать свои чувства. Но я больше не верил ему.

На второй день праздника в Саранчет приехал Сергей Окунь.

— Не мог я не навестить своих старых друзей, — сказал он, когда мы встретились с ним. — Скучаю по вас. Черт возьми, давайте хоть соберемся всей старой бригадой...

Мы собрались у Платона. Сергей, я, Борис, Нурдавлит, сам Платон. Не хватало одного Федора. Не было среди нас и плотника Егора Мелентьевича.

Когда мы пришли к Платону, он спал. Все такой же наш Платон-Антон. Помню, как мы удивлялись его выносливости. Он мог жить всю неделю без сна. День на работе пробудет, ночь прорыщет по тайге за глухарем. А потом опять работа, опять охота. И так до выходного дня. В воскресенье отсыпался за все.

Галинка обрадовалась нашему приходу. Засуетилась по избе. Наш разговор разбудил Платона. Он выбежал навстречу нам босой, в трусах и майке.

— Кто тут пришел! Не верится даже... Платон шутливо протер глаза.

Сергей посмотрел на пол. Возле двери сквозь краску выступал след топора.

— Вот тебе раз!.. Ребята, да мы в этой самой комнате, в которой нас вьюга тогда чуть не заморозила, — удивленно заговорил он, заметив зарубку в полу. — Вот, помню, щепки тесал на растопку, а топор сорвался.

Мы стали вспоминать былые дни.

— Ой, как Нурдавлит испугался тогда, — сказал Нурдавлит и передернул плечами. — Нурдавлит думал, что стреляющая гора обвалилась на нас.

— А помните, Олег читал нам свои стихи? — спросил Сергей. — Одно стихотворение он сочинил тогда. Олег, прочитай его.

Я никак не мог вспомнить то стихотворение.

— Забыл, ребята. Не записал тех строк...

— Я помню, — сказал Борис. — Слушайте.

Метель!.. Коварная она:
В окно стучится, скачет,
А попадись-ка ей — сама
Погубит и оплачет.

Ребята одобрительно зашумели.

— Точно, — подтвердил Сергей и повторил последние две строчки нараспев, как Борис: — А попадись-ка ей — сама погубит и оплачет... Хорошо сказано... А ты, Олег, еще сочинил что-нибудь?

Кровь хлынула к лицу. У меня целая тетрадь новых стихов. Но все они посвящены Кате.

— Хорошего ничего не сочинилось, — ответил неопределенно.

— Олег, тебе надо ехать учиться в Литературный институт, — посоветовал вдруг Борис.

Я покачал головой.

— Нет, Борис, я мечтаю в строительном институте... Хочу всю свою жизнь строить железные дороги. Вот так же... через горы, топи, сквозь тайгу. В Сибири надо проложить много дорог...

Не знаю, когда пришла ко мне эта мечта. Но пришла. Здесь, на стройке, нашел ее. Раньше рвался в любой институт. Хоть в горный, хоть в медицинский. Лишь бы стать студентом. Теперь хотел попасть только в строительный.

— Правильно, Олег, дай руку, — одобрил мое решение Сергей. — Кстати, ребята, я тоже собираюсь учиться.

— Поздравляю тебя, — теперь я пожал ему руку.

— Езжайте, ребята, — одобрил наше желание Платон. — Вы молоды, у вас все впереди, вам надо учиться, чтобы... стать большими людьми.

— Нурдавлит нынче тоже поедет на курсы, — вмешался Нурдавлит.

— Ты помолчи со своими курсами, — прицыкнул Платон на узбека. — Тут про институт речь идет... Борьке тоже учиться надо.

Мы все посмотрели на задумчивого Бориса.

— Я поступлю в строительный институт только на заочное отделение, — объявил он.

— Почему в строительный? — спросил я. — У тебя за плечами четыре курса университета. Ты же филолог...

Борис безразлично улыбнулся.

— Филолог... Мне на этом отделении делать нечего. Преподавателем я не хочу быть, а писатель из меня никогда не получится. Потерял я интерес к литературе. Не вижу в ней искренности... Может быть, это во мне говорит тот трезвомыслящий человек, от которого я едва спас ноги. Может быть. Но... что поделаешь...

За окном уже сгущались сумерки. Но разговорам у нас не было конца.

2

— Любит тебя Катя, ей-богу любит...

Это говорит мне Федя, вернувшийся из Бирюсы. Я замираю от волнения, жду, что он скажет еще.

— Ты понимаешь, я умышленно ничего ей не говорю о тебе, — продолжал Федор. — Жду, спросит ли сама и как спросит. Молчит. Ни звука. Ни в шутку, ни всерьез. «Скоро ли, — спрашиваю, — твой моряк приедет?» «Придет время, — отвечает, —объявится на стройке». Моряки, дескать, слово сдерживают. Ладно. Слушай дальше. Ольга спрашивает о тебе. А Катя ждет моих слов. Но я молчу, говорю о другом. Потом спрашиваю

ее, что ей рассказать о тебе. Она с этаким вызовом: «Ничего». А я: «Он тебе привет передает». Покраснела. Потом говорит с обидой: «Мог бы приехать с тобой. Зазнался. Конечно, в газете о вас пишут... Ну и пусть задирает нос». Я ей: «Не задирает он носа. Не такой парень. Ты ведь не заехала с Ольгой в Саранчет. Он думает, что ты не хочешь его видеть, и не лезет на глаза к тебе». Она засмеялась. Но видно, что смеется сквозь это... слезы.

— Ерунда, Федя. Все тебе это показалось.

— Не показалось, — вспыхнул Федор. — Не пишет моряк больше. Полный разрыв. Как это у моряков называется... вспомнил: курс не совпал. Если бы писал, Ольга б знала. Катя сама бы похвасталась ей, как... это... делала прежде...

И все-таки я не был убежден. Я злился. К черту всякую любовь.

Лучше б Федя не рассказывал о Кате. Толкового ничего не сказал, только душу растревожил.

3

Трактор капризничает.

Я стараюсь смотреть на вершину горы, где через хвойную зелень проступают черные скалы. Боюсь взглянуть под косогор. Там работают девчата. Они «разбивают» трубу через заболоченную падь. Их, этих девушек, трое: Ольга, Катя и Таня Голикова, геодезистка поезда. Таня в желтеньком платьице. Ольга в цветастом сарафане, Катя в спортивном костюме. С ними и Федор.

Уже неделя, как группа геодезистов поезда переехала в Саранчет. Это радость для Феди, горе для меня. Мы с Катей избегаем встреч. Этого хочет Катя. Я этого не хочу, но поступаю так, как хочет Катя.

Мы с Федей работаем посменно. В свободное время он уходит к Ольге.

Время близится к полудню. Солнце печет. В кабине душно. Небо чистое. Только над отдаленной горной грядой висит тучка с сизым боком.

К девчатам пришел мастер. Они посовещались о чем-то, и геодезистка Таня Голикова пошла с ним на участок. А когда я бросил свой взгляд вниз, то увидел, что Ольга с Федей поднимаются по склону ко мне: Катя, отставая, идет за ними.

Когда Федя с Ольгой подошли ближе, я остановил машину, выскочил из кабины. Рукавом вытираю со лба пот.

— Олег, ты ли это? — смеется Ольга.

— Он, он, — говорит Федя. — Убежден в этом.

— Разве сильно изменился? — спрашиваю Ольгу.

Она достает из кармана зеркальце. Я гляжусь и не могу узнать себя. По всему лицу расползлись мазутные полосы. Могу краснеть сколько угодно, «грим» не выдаст. Мне даже легче становится на душе. Смелее гляжу на приближающуюся Катю. Она сдержанно улыбается.

— Что же вы Катю не дожидаетесь? — пытаюсь шутить. — Сейчас ведь лето, медведь шатается по тайге, вдруг встретит.

— Ты знаешь, что я летом их не боюсь, — говорит Катя. — Я боюсь их зимой, и не в тайге, а в Бирюсе... Ты, наверное, не забыл этого?..

— Не забыл...

Катя смеется. Я срываю высокий стебель и мну.

— А мы пришли за тобой, — говорит Федя. — Пойдем вниз, пообедаем у ключа.

Я соглашаюсь и пытаюсь влезть в кабину, чтобы заглушить мотор. Прицепщик, паренек моего возраста, машет рукой:

— Валяй, один управлюсь...

Мы отходим от машины. Катя теперь впереди. Она спускается вприпрыжку, быстро удаляется от нас.

— Догоняй ее, — толкает меня Федя и кричит Кате. — Катя, убегай, Олег гонится это... за тобой.

Срываюсь с места. Кирзовые сапоги гремят, когда прыгаю по сваленным деревьям. Тропы не разбираю. Лечу напрямик через кусты, наперерез Кате.

«Разобьюсь, но догоню», — думаю. Тут же запнулся, перевернулся через голову. Что-то резануло по руке. Но не обращаю внимания, подымаюсь и бегу опять. Вот я на тропе. Катя бежит на меня. Вырастаю перед ней. Она вскрикивает уже у меня в объятиях. Испуганно вырывается. Мгновение смотрим друг на друга.

— Катя, какая ты красивая, — говорю, не выпуская ее рук.

Она вмиг преображается. В глазах загорается смех.

— Даже в брюках красивая?

— Да, даже в брюках...

Катин смех рассыпается по кустам.

— Хороший комплимент.

— Катя, перестань смеяться, — умоляю ее. — Мы с тобой, я знаю, можем разговаривать серьезно...

Катин смех внезапно обрывается.

— Катя, почему ты сторонишься меня?

— Потому, что ты сам избегаешь встречаться со мной.

— Неправда. Я всегда хочу видеть тебя.

— Плохо хочешь, — снова смеется Катя.

— Опять самодеятельность устраиваешь, — обижаюсь я. — Что же, играй. Понять бы, когда ты бываешь сама собой: когда смеешься или когда говоришь серьезно.

— Пойми попробуй, — говорит она и пытается высвободить руки. Я не могу разжать ладонь, она точно прикипела к Катиной руке. Даже пальцы связаны чем-то липким и тягучим.

— Олег, что у тебя с рукой? Смотри, кровь!..

Разжимаю пальцы. Отпечатки от них алеют у Кати на руке. На ладони у меня жгучий порез. Катя берет мою руку.

— Где ты порезался?

— Догонял тебя и упал. Там трава-осока, ее еще резунцом зовут... Пустяки, до свадьбы заживет, — пытаясь сжать ладонь, чтобы остановить кровотечение.

— Ничего не пустяки. Пойдем быстрее к ключу, обмоем рану да перевяжем.

У ключа я обмыл ладонь, а Катя, не обращая внимания на мои возражения, перевязала ранку своим платком.

— Катя, смой кровь со своей руки, — говорю ей.

— Не буду. На память оставлю...

Она смеется. На глазах ожидание.

— Катя, я люблю тебя. Я... поцелую тебя...

Катя уткнулась мне в плечо. Я целовал ее бронзовую шею, золотистую косу, холодное ухо, щеку...

В кустах послышался разговор. Это подходили Ольга с Федей.

— Пусти, — стала вырываться Катя. — Неудобно...

Я отпустил ее. Катя глянула на меня блестящими глазами, порывисто обняла и поцеловала. В следующий миг она уже сидела над лункой возле ключа и обмывала с руки засохшую кровь.

За обедом Катя была чрезмерно веселой. Мы часто переглядывались. Она шутила надо мной, смешила Ольгу с Федей рассказом, как я растянулся в кустах и порезал осокой руку.

4

Как дождусь вечера? Мне хочется видеть ее, быть рядом с нею. После работы пошел на волейбольную площадку. Играл без всякого интереса. Часто смотрел на солнце, которое повисло над глубокой долиной. Из-за горы наползали тучи, спуская на землю дождевые рукава.

Наконец стало вечереть. Сумерки сгустились. Вижу девчат. Они идут на лужайку, где молодежь собирается по вечерам. Среди них Катя. Бегу туда. Кто-то из девчат кричит мне:

— Олег, неси аккордеон, до дождя хоть потанцуем.

— Не успеем, — говорит другая и боязливо глядит вверх.

То и дело все озаряют ветвистые молнии. Громовые раскаты сотрясают землю.

— Ой, девочки, скоро наша гора...

Девушка не договорила. Молния ослепила нас. Оглушительно рванул гром. Девчата завизжали и бросились врассыпную. Катя кинулась ко мне. Подул холодный ветер. Тяжелые капли упали в траву, несколько угодило на пень спиленного дерева. Опять резкий треск расколол землю.

— Бежим скорее домой, — вздрогнула Катя. — Я боюсь грозы.

— Нечего ее бояться, — успокаиваю я.

— Ну да нечего, вон как бьет молния...

— Бьет, но нас не заденет. Гора у нас — надежный громоотвод.

Дождь усиливался.

— Идем, укроемся на крыльцо, — зову Катю и мы бежим к новому дому. Крыльцо у него высокое, с навесом. Дверь на замке. Это новое общежитие для пополнения. К нам едут закончившие службу в армии солдаты. Для них и приготовлено жилье.

На крыльце я снял пиджак и накинул на плечи Кати. Она вздрагивает от вспышек молний, от каждого раската грома. Тайга стонет, завывает. Дождь уже льет как из ведра. Потоки воды стекают с крыши, а ветер дробит их, брызги заливают нас под навесом.

— Олег, бежим домой, — умоляет Катя.

— Пусть дождь утихнет...

— Он до утра не утихнет...

— Мы вымокнем, стоит только выйти из-под навеса.

— И здесь нас уже вымочило... Не глиняные, не размокнем...

— Что же, бежим, коли так.

Мы мчимся сквозь дождь, на светящиеся окна. Вбегаем в коридор. С нас льет, по полу растекаются целые лужи.

— Беги, Олеша, домой, — торопливо выпроваживает меня Катя. — Неудобно, вдруг увидит кто нас тут таких... мокрых...

Один шагаю по дождю, не торопясь, не разбирая луж. Одежда на мне вымокла до последней нитки. Мне нечего бояться дождя... У меня есть Катя. Я люблю ее. Я давным-давно люблю ее.

5

На другой день Федор пришел сменять меня чем-то обеспокоенный, встревоженный. Отвел меня в сторону от прицепщиков, спросил:

— Ты с Катькой не разговаривал?

— О чем?

— Ну... о любви, о чем еще? — злился друг.

У меня сердце екнуло. Почему Федор спрашивает об этом? Что сказать ему?

Федя ждал ответа. Я сказал:

— Не разговаривали. А что такое?

— Да-а...

— Ну не тяни...

— Моряки приехали... Катька от радости прыгает до потолка. Обалдела. Прикатил как будто Гришка...

У меня что-то оборвалось в груди.

— Я за тебя встревожился, — говорил Федя. — Что-то мне показалось вчера у ключа такое, думал, спелись вы. Прямо обрадовался за тебя. А тут...

Я не слушал друга. Как будто оглох, ослеп. Медленно побрел в поселок. Слезы вдруг застлали мне глаза. Куда иду, зачем иду? Катя, Катя!

За деревьями показались дома, постройки. Останавливаюсь. Что мне делать в поселке? Поворачиваю назад. Сучья стегают по лицу, но я не чувствую боли. Хоть бы медведь задрал меня насмерть. Но откуда ему взяться здесь? Своими машинами мы угнали зверей далеко от стройки... Завтра же попрошу расчет. Съезжу домой, надо навестить стариков своих...

Только в сумерки, как вор, направляюсь в поселок. У меня план: незамеченным пробраться в общежитие, а там лечь в постель и притвориться больным.

Вдруг слышу заливистые переборы баяна. Осторожно приближаюсь к новому общежитию. Музыка все слышнее. Вижу танцующих. Среди девчат в светлых платьях кружатся темные тени. Светлеют только воротнички да бескозырки. Над общежитием реет морской флаг. Матросы. Катя тут. С Гришкой. Совпал курс у них.

Окольными путями добираюсь до своего общежития. В коридоре топот: кто-то бежит к двери. Прячусь за дерево. На крыльце появилась Катя. Постояла с минуту на ступеньках, потом легко сбежала, точно вспорхнула, и быстро пошла к общежитию моряков.

«Пусть скачет, — стараюсь вызвать в себе гнев к Кате. Но тут же подумал: — Чего ее носило в общежитие к ребятам? Не ко мне ли?..»

Выбегаю из-за укрытия и хрипло кричу:

— Катя!..

Она резко оборачивается и спешит ко мне. Сначала бежит, потом идет, все замедляя шаг. Мне хочется бежать к ней, но ноги приросли к земле. Она подходит, молча смотрит мне в лицо.

— Ты... ты почему не там? — спрашиваю ее, кивая на общежитие моряков.

— Была там и опять иду туда, — с вызовом отвечает Катя и все рассматривает меня, точно узнать не может.

— Моряка... своего встретила?

— Встретила, — отвечает она.

— А я... а мы?.. Значит... между нами не серьезно?

— Не серьезно...

— Спасибо за прямоту, — со вздохом говорю я и отворачиваюсь от нее. — Прощай, Катя.

— Ты куда? — преграждает Катя мне дорогу.

— В общежитие... укладывать чемодан... завтра уеду.

— Что мне пожелаешь на прощанье?

Мне чудится в ее голосе смех. Смотрю ей в лицо. Нет, Катя не улыбнется даже. Значит, это серьезно.

— Желаю тебе счастья, — говорю ей.

— Еще что?

— Буду узнавать о тебе... Найдешь свое счастье — забуду. Может быть, моряк твой окажется не таким человеком, каким ты его представляешь... Может быть, ты ошибешься в нем...

— Не думаешь ли ты, что если мы разойдемся с Гришкой, то ты заменишь мне его?

— Катя, я люблю тебя. Я не смогу оставить тебя в беде, если... если жизнь ушибет тебя нечаянно...

Мгновение стоим молча. Потом Катя вдруг кинулась ко мне.

— Олешка, родной... любимый... — говорит она и плачет.

— Катя... милая... — я обнимаю ее, целую. Это уже не шутка! Это серьезно!..

И серьезно давно, с первой встречи!.. Хорошо, если бы Гришка оказался Катиной выдумкой. Но нет, он есть. Его знают и Федя с Ольгой. Лучше б он совсем не приехал. Испугался б Сибири. Мне давно хочется, чтобы он позвал Катю туда, куда нам с ней нет пути. Наш курс не расходится. И не разойдется!..

— А ты почему решил, что я... моряка встретила? — спросила Катя.

— Федя сказал.

— Так и знала... Попался он мне навстречу, спрашивает: «Чего мечешься, как обалделая?». Моряки, — кричу, — приехали... Вместе с Гришкой моим...

— Точно он приехал? — тревожно спросил я.

— Кто? — не поняла Катя.

— Он... Гришка...

— Причалил, — радостно рассмеялась Катя. — И не один. Всех, с кем служил на корабле, сманил на стройку. Вот какой агитатор земляк мой! Недаром мы с ним дружили с самого детства.

Мы смеемся с Катей. Мы счастливы.

ЗЕМЛЯ СИБИРСКАЯ

1

Этот вечер комитет комсомола организовал в связи с нашим отъездом на учебу.

Нас, отъезжающих, двенадцать человек. Все — десятиклассники, отработавшие два года на стройке. Теперь едем учиться. Два парня направляются в военное училище, я и Федя — в Московский строительный институт, Катя и Ольга — в Иркутский техникум на ускоренное геодезическое отделение. Остальные в Хабаровский, Новосибирский, Свердловский институты.

Речи, пожелания, напутствия. Нас зовут на стройку и после учебы. Пусть не успеем на эту стройку, пожалуйста на другую: в Сибири еще много надо проложить железных дорог.

Парторг Никодим Никандрович объявляет, что всех, уезжающих учиться награждают ценными подарками. Из-за кулис приносят тяжелые свертки. Среди подарков знакомый мне футляр с аккордеоном. Сердце у меня забилось. Боюсь подумать, что аккордеон преподнесут кому-то из нас в подарок. Кому же? Не тому, конечно, кто не умеет на нем играть...

Я не слышал, как парторг назвал мою фамилию. Меня Катя толкнула в бок.

— Чего сидишь, не идешь к трибуне? — зашептала она.

Никодим Никандрович смотрит на меня и, улыбаясь, ждет. Иду и не чувствую под собой ног. Как сквозь сон, слышу далекие слова парторга. Он вручает мне почетную грамоту, трясет руку, а потом поднимает с пола аккордеон, подает мне и опять трясет руку. Зал шумит от аплодисментов.

Сажусь на свое место. Ребята тянут руки, чтобы поздравить. Катя толкает в бок и смеется и плачет. Она что-то шепчет. Жму ей локоть и благодарно гляжу в лицо. Все мое счастье тут со мной!..

Аккордеон!.. Я глажу футляр. Вчера, чтобы получить расчет в бухгалтерии, я сдал аккордеон. Прощался с ним с тоской, как со старым другом. Теперь вот он снова у меня в руках, и мне никогда больше не придется с ним разлучаться...

Подарки и почетные грамоты розданы. Торжественное собрание объявляется закрытым. Начинаются танцы, пляски, игры. Мы, отъезжающие, веселимся больше всех. Но странно, я чувствую в душе растущую грусть.

Грусть расставания...

2

Мы с Федей уезжаем первыми. Нас провожают Катя, Ольга, Борис, Платон, Нурдавлит и Сергей.

До прибытия поезда остается один час.

— Нурдавлиту скучно, — говорит Нурдавлит. — Когда теперь соберемся все вместе?.. Никогда...

— Вот тебе раз! — качает головой Сергей. — Мы обязательно встретимся. Место нашей встречи Саранчет. Спишемся и нагрянем к нашему Платону-Антону. Примешь своих друзей?

— Чего спрашиваешь?—обиделся Платон.

— Ведь тогда легко будет добраться до Саранчета, — продолжал Сергей. — По железной дороге... Сходим на Большой верблюд, порыбачим. Платон сводит нас на свои охотничьи угодия пострелять косачей, рябчиков...

— Ах, какие заманчивые планы, — засмеялся Нурдавлит. — У Нурдавлита даже слюнки текут.

— Вот тебе раз!.. И осуществим эти планы, — заверяет Сергей. — В конце концов мы обязаны встретиться, мы ведь так и остаемся на всю жизнь коммунистической бригадой...

Борис скучный. Перекладывая из руки в руку какой-то сверток, он говорит с грустью:

— А все же жаль расставаться с вами. Вы помогли мне...

Сергей ответил Борису:

— А по-моему, не мы помогли тебе, а ты сам себе помог тем, что приехал на стройку.

Объявляют о прибытии нашего поезда. Спешим на перрон. Борис говорит мне тихо, почти шепотом:

— Олег, не бросай писать стихи... Есть у тебя этот... божий дар, как говорится... Ты только ему цены не знаешь...

Я смеюсь.

— Ты советуешь писать неискренние стихи?

— Зачем смеешься, — обидчиво говорит Борис. — У тебя получается искренне. Так мне кажется. То, что я не вижу искренности в литературе, это не от больших знаний и не от великого ума. В литературе я профан, знаю только верхушки. Я предвзято сужу, видимо, потому, что мои литературные помыслы были связаны с моим образом жизни. Вот и питаю до сих пор к литературе неприязнь. Но это пройдет... Это уже проходит...

Борис подает мне сверток.

— Вот возьми на память. Это двухтомник Есенина. Батя прислал... для тебя.

— Спасибо, Борис...

Я ничего не сказал больше. Я не мог ничего сказать. Все слова застряли в горле.

Из-за станционных построек вынырнул зеленый паровоз. За ним потянулись вагоны. Дрогнули со стоном рельсы первого станционного пути. Качнулись под тяжелыми колесами шпалы. Ветром обдал нас паровоз. Вагоны, с шипением замедляя движение, остановились. Друзья помогли нам занести чемоданы. Оставив вещи в купе, мы снова вышли из вагона. Мы топчемся, с грустью смотрим друг на друга и говорим какие-то пустые, никчемные слова.

Наконец поезду дали отправление. Сердце заныло.

— Счастливого пути тебе, Олег..

— До свиданья, Сергей...

— Именно до свиданья, а не прощай, — смеется Сергей.

— Я тебе буду писать,— говорю ему.— Ты мне дороже... дороже брата.

Мы расстаемся с Борисом, Платоном, Нурдавлитом. Затем я обнимаю Катю, целую ее.

— Пиши, Олег, чаще, — шепчет она. — Как можно чаще, каждый день, на дню пять раз...

— Я же сказал, Катя...

— Я тебе тоже сказала...

О чем говорим? О письмах!.. Чтобы писать их чаще. Уговариваемся, точно боимся, что забудем друг друга. Нет, нам этого бояться нечего.

— Беги, Олег, — отталкивает Катя меня.

На подножку вскакиваю на ходу. Сразу оборачиваюсь в сторону Кати. Она бежит за вагоном и машет цветной косынкой. Я машу ей рукой. Прощай, любимая!.. До свиданья, родная!..

В вагоне я гляжу в окно и думаю... Думаю о Кате, о друзьях. Мне тяжело оттого, что поезд меня везет не к ним, а от них. Увозит далеко и надолго.

«Земля сибирская, — думаю я. — Ты дала мне все...»

Я мечтаю... Никогда так не мечталось мне. У меня не было мечты. Я обрел ее в Сибири. У меня не было любви, я нашел ее на сибирской стройке. А кто-то говорил мне...

«Что мне говорил кто-то? — силюсь вспомнить. — Ах да, это говорил мне жалкий скептик, с которым мы ехали на стройку. Как же его? Серебренников... Он говорил, что если у меня есть мечта, ей обрежут крылья, если есть талант, его растопчут в зародыше... Ложь!»

Конечно, ложь. Напротив, у моей мечты выросли крылья. Может быть, зреет и талант. Не знаю. Я вел дневник. По нему можно написать повесть о нашей бригаде. Я это сделаю когда-нибудь... Ведь с нами не было писателей, которые описали бы все наши будни... Мы взрослели на тропах Саяна. Моим верным и надежным компасом стали следы погибших изыскателей трассы.

Герои погибли, но они осветили мне путь! И не одному мне...

Поезд мчит навстречу закатывающемуся солнцу. Рельсы и телеграфные провода, попадая под его лучи, вспыхивают ослепительным огнем.

Валерий Алексеев

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Я спал на голых нарах
в сорок первом,
казарма холодней была,
чем ледник.
Поужинав,
я спать ложился первым,
а засыпал
во всем полку
последним.
Под потолком
фонарь качался синий,
от взрывов
зябко вздрагивали стекла...
А я лежал
и думал о России,
зажав в руке
потертый томик Блока.
Я думал о призвании поэта.
Когда однополчане затихали,
дымя махрой,
до самого рассвета
я бредил
беспокойными стихами,
горячими,
бессонными стихами,
не гладкими,
неровными стихами,
но за сердце берущими стихами!..
Теперь не то:
к моим услугам ванна,
и газ,
и паровое отопленье.
А вот в стихах,
как мне это ни странно,
не чувствую
ни капли потепленья.
В чужой строке
отыскиваю душу,
в своей —
ищу хоть след ее,
но тщетно.
Молчит диван,
обитый синим плюшем,
и книги в переплетах
безответны.
Теперь
пишу я гладко и толково,
проходят дни, размеренно-тихи...
А по ночам
мне снится полк стрелковый,
год сорок первый,
первые стихи.

Сергей Иоффе

ИМЕНА

Книжек я про людей начитался,
Бредил ими ночами синими.
Для меня человек начинался
С имени.
Как и в книгах, вокруг бродили
Обладатели звучных имен:
Был рубаха-парень Василий,
Был надежным, как брат, Семен.
Вы, наверно, таких видали —
Я готов в этом дать обет:
Бескорыстный, как снег, Виталий,
Откровенный, как свет, Альберт.
И влекли имена, как тайны,
И дразнили, и волновали:

Молчаливая верность Тани
И стыдливая нежность Вали.
Мне казалась Иринка — льдинкой,
По-весеннему хрупкой, звонкой;
Мне всегда представлялась Инка
Озорной и лихой девчонкой...

Проучили меня, проучили
Обладатели звучных имен:
Плут Виталий, хвастун Василий,
Ядовито-слащавый Семен.
Имена. Они лгать умели,
За собой увлекали, маня...

И девчонка по имени Неля
Навсегда предала меня.

Как бы верил и жил я дальше,
Если б не было их, других —
И людей, и имен без фальши,
Прямотою своей дорогих!

Про людей начитался книжек...
Только — книжками сыт не будешь.
Становился я к жизни ближе —
Открывались мне снова люди.

Открывались они иначе,
Все мои убежденья руша:
Имена ничего не значат,
Были б честными только души.

* *
*

Тоскуем летом по зиме,
Зимою — места не находим...
Все потому, что по земле
Ногами очень мало ходим.
Век реактивный. Трудный век.
Он весь в движеньи и броженьи.
Живет он, не смыкая век,
В ежесекундном напряженьи.
И мы вот так же. С веком в ногу.
Такси. Курьерский. Вертолет.
Мы грязь не месим на дорогах
Который год. Который год.
А это надо. Ой, как надо!
Чтоб слякоть, ветер.
Чтоб потом
Была, как высшая награда,
Горбушка хлеба с кипятком.
Чтоб у костра сушить обутки,
Махру курить, достав кисет,
И чувствовать, что ты как будто
Родился заново на свет,
И в зиму — будешь рад зиме,
А в зной и слякоть — славить лето...
Ходить бы чаще по земле
Всем — от министра до поэта!

Борис Лапин

ДВА рассказа

ВО ИМЯ ИСКУССТВА

Сани бежали плавно.

Вдоль зимника плыли назад заснеженные кусты — причудливые снежные скульптуры, ничего не выражающие, кроме своей собственной формы, и все же любопытные, как опыты небездарного абстракциониста. Горы вдали едва заметно наползали одна на другую, словно льдины в ледоход на большой реке. И странным казалось, почему не слышно треска и скрежета сталкивающихся льдин.

Огромный волчий тулуп впереди очень уж часто клонило набок. Устал Юрий, да, видно, и задремал, сидя с вожжами. Хорошо дремать под скрип полозьев. Но не дремалось. Думалось. Было о чем подумать на старости лет Ивану Алексеевичу, было...

Говорят вот, что думать кинооператору вовсе и не следует, надо только снимать. А он думал всю жизнь. Теперь же, когда перевалило за шестьдесят, и подавно не уйти от дум.

Ах, как он снимал двадцать, десять, даже еще пять лет назад! На первых просмотрах все только ахали. Очень верно писал какой-то критик, что его документальные фильмы — каждый! — поэма. Поэма о Сибири, о сибирской природе, поэма о сибиряках. Да, снимал он тогда славно. Была еще энергия, мог еще носиться по матушке Сибири в любой мороз, в любую жару, днем и ночью — и на самолетах, и на машинах, и на оленях, как придется, а чаще всего пешочком со своим нелегким багажом. Поздно пришло то великое умение, что зовется мастерством.

Да оно и понятно — трудной была жизнь. Один класс и сто один коридор — его образование. В двадцать лет он проявлял рулоны пленки в допотопной вонючей лаборатории и едва умел расписаться в бухгалтерской ведомости. В тридцать его уже хвалили за съемки. Но в делах искусства он верил только себе. И только в сорок почувствовал себя настоящим кинооператором, кинооператором-художником. А в шестьдесят понял, что мастерство, так трудно завоеванное, вновь уходит от него. Извечная судьба человека творчества: когда ты полон сил — умения не хватает, приходит умение — уходят силы и здоровье. Он всегда был объективен к себе и отлично понимал, что уже пять лет топчется на месте. Но когда на это намекали «мальчики»...

Его и сейчас передернуло, стоило представить этакого обобщенного «мальчика»: тяжелые очки и узкие штанишки, которые можно натянуть разве что недошитыми, скрипучий голос и страстное желание ниспровергать. Он знал их немало, этих «мальчиков», ставших кинооператорами в двадцать лет, и все они, едва появившись на студии, начинали ниспровергательство непременно с него. А ему это надоело.

Он снял двадцать четыре фильма, известных не только в стране, но и за границей. Его имя вошло в учебники по кино. Но дело даже не в этом. Ценнее, чем все его фильмы, чем сотни километров искрученной им кинопленки, были его убеждения, добытые чертовски нелегким трудом, который, вернее, следовало бы назвать добровольной пожизненной каторгой. Обладая этими убеждениями, впитав их в кровь, можно еще сто лет творить чудеса на экране. И когда его критиковали с позиций этих его художнических убеждений, он низко склонял голову и опять, как теперь, задумывался о жизни, о пути вперед в искусстве и о невольном пути назад.

Но когда зеленые «мальчики» начинали выкрикивать ему в лицо истины, родившиеся еще на заре киноискусства и давно отвергнутые им и другими такими же, как он, когда

они выдавали эти опровергнутые истины за свое открытие, — его бесило. Он готов был вскочить, затопать ногами, бросить хлесткое ругательство — он знал свой характер. И тогда он сидел спокойно, особенно спокойно, чуть побледневший, и смотрел на свою руку, вцепившуюся в спинку кресла впереди. На руке, между пальцев, стиснутых усилием воли, проступала синева. Что творится с ним в такие минуты, знал только Юрий.

Настоящее искусство должно быть сдержанным и величественным. И если зрители в темном зале должны ахнуть, засмеяться, зарыдать, то только за счет втиснутых в светочувствительную эмульсию восторга, смеха, слез его, кинооператора. А «мальчики» не знали жизни, не верили в жизнь и бездумно увлекались дешевыми трюками и ракурсами. Давно, ой как давно уже хотелось Ивану Алексеевичу еще раз показать «мальчикам», что такое настоящее искусство...

Сани запрыгали на ухабах, и он невольно оторвался от своих мыслей. Спина Юрия выпрямилась, Юрий натянул вожжи, цокнул, рассек воздух кнутом, и сани опять заскользили плавно. Опять замелькали заснеженные кусты, опять гора начала наезжать на гору, но теперь это не радовало Ивана Алексеевича. Тело напомнило о былом. Засвербило в спине, кольнуло бок, нудно заныла нога.

Ушли силы. С таким здоровьем ничего хорошего не сделаешь... Он нежно похлопал рукавицей по ящику с отснятой пленкой, придвинул его поближе к себе и улыбнулся.

Да, так спина — контузия в сорок втором. Он привык увлекаться на съемке, и полгода войны не смогли отучить его от этой привычки. Поле боя он воспринимал как съемочную площадку. Вот и рванулся вслед за ревущими танками, перемахнувшими через окопы. Он провел великолепную панораму по строю танков. И вдруг задний, ближайший к нему, взорвался, его отшвырнуло в воронку, и на пленке запечатлелся весь этот его полет от взрывной волны. Пошатнувшаяся, вставшая дыбом земля... Дым и комья грязи в воздухе... Крутящиеся вершины деревьев... Смазанный в движении край воронки... И песок, в который уткнулся объектив. Потом эти кадры, снятые самой жизнью, вошли в его военный фильм, ими восторгались как величайшим открытием безыскуственной, непроизвольной съемки. А через десять лет снимать так стало модой. Это спина.

А бок... И про бок есть свои кадры. Фильм назывался «Дорога сквозь тайгу». Они карабкались по нагромождениям бурелома. Такого хаоса переплетенных стволов, ветвей и корневищ ему еще не приходилось видеть. Словно великан из сказки специально возвел это нелепейшее многоэтажное сооружение. Он шел позади небольшой группы и все старался взять кадр, но не находил. Пропадала высота, великолепная десятиметровая высота редкостного бурелома.

Едва начал снимать, сучок под ногой обломился. Должно быть, до низу было действительно далеко, потому что падал он долго. Его ударяло по бокам, по спине, по голове, а он только крепче держал камеру. Он свалился, как на перину, на упругую подушку из мха, и так, лежа на спине, едва открыв глаза, вдруг увидел кадр. По черной причудливой сетке коряг, изогнутых странно и уродливо, как деревянные китайские божки, в параллельных лучах солнца шли на огромной высоте четыре маленьких отважных силуэта... Он схватил камеру и начал снимать.

Когда его вытащили, он почувствовал боль в боку. Огромный кровоподтек, оставивший след до сегодня, достался ему в память о кадре, которым гордится кино.

А нога... Он попросил краснощекую девчушку-крановщицу поднять его на кране, чтобы окинуть взглядом стройку с высоты птичьего полета. Приятно, когда в кадре чувствуется простор. В стальной корзине из-под кирпича он проплыл над строительной площадкой. Кадр получился великолепный. Он помахал девчушке, и корзина медленно поехала обратно. Когда нижнее ребро корзины уже коснулось пола, его нога провалилась сквозь поврежденные прутья. Он закричал, но было поздно.

Потом он увидел склонившееся над ним белое лицо крановщицы и крупные капли пота на ее лбу, у корней волос. Он подумал еще, что во время съемок, когда надо показать вспотевшего человека и его специально обрызгивают водой, капли растекаются по лицу и выглядят вовсе не так выразительно, как эти, настоящие. В каждой матовой капле, дрожащей на лбу девчушки, он увидел свое лицо. Как жалел он позднее, что такой кадр так и не удалось снять...

Сани опять бежали плавно, и постепенно думы о сегодняшнем дне вытеснили воспоминания о трудно прожитой жизни, а вместе с ними и боль.

Он опять думал о задиристых «мальчиках». Да, он их не любил. Но если уж кто говорил правду в глаза, так только они. Приятели-старики берегли его от резких суждений о его неудачных работах, а может, только себя берегли от ссоры с ним. «Мальчики» же резали напрямую. Они несли много вздора.

Но в одном они были правы: мастер не может жить прошлыми заслугами, ему надо ежегодно, ежечасно, снова и снова завоевывать свое высокое звание. Как Ботвинник завоевывает звание чемпиона мира. «Мальчики» правы: где-то в чем-то он отстал от самого себя, от себя прежнего. И наверное, дело вовсе не в том, что он стареет, что иссякает энергия. Нет, он только утешает себя старостью! Дело в том, что он перестал расти, перестал чувствовать свой рост, а это чувство, свойственное детям и художникам, так окрыляло его!

Он с удовольствием похлопал по ящику с отснятой пленкой. Ну, теперь держись, «мальчики»! Теперь вы увидите, что и в добром старом стиле, в его стиле, сдержанном и внешне неброском, возможны поиски и свершения, да еще какие!

Обернулся Юрий. У него было крупное рябоватое лицо, острый с прищуром взгляд. Юрий улыбался.

— Горы-то — как льдины... — показал он.

— Увидел! — обрадовался Иван Алексеевич и, еще раз проверив, крепко ли стоит драгоценный ящик, тоже улыбнулся. За много лет совместной работы они научились понимать друг друга.

...Вот и к Юрию «мальчики» несправедливы. Они считают его вечным ассистентом, а он не только старше их по возрасту, но уже многое по-настоящему умеет. Все его одногодки давно снимают самостоятельно и получают приличные деньги. А Юрий вот остался в ассистентах. Он умеет видеть не только пейзаж или кадр — он видит и метод работы Ивана Алексеевича, а иногда кажется — и его думы. Ну что ж, мастер умирает физически, едва почувствовав в себе богатырские силы. Если не хочешь умереть, приложи все старания, чтобы передать эти силы в молодые руки. Он любит Юрия, как сына. И чуть завидует, потому что его трудное искусство досталось Юрию более легко, завидует, потому что Юрий непременно достигнет со временем всего того, чего мог достигнуть он и о чем теперь он смеет только мечтать...

Да и сам он разве смог бы работать без Юрия, без человека, которому не надо слов, чтобы понять каждое его движение, каждый только что родившийся замысел и вовремя помочь? И разве не добрая доля труда Юрия вложена в эти заветные кадры? Иван Алексеевич еще не видел их на экране, но уже знал: в этом ящике — победа, большая победа, и внутренне ликовал. Как в детстве, как двадцать или десять лет назад, он снова почувствовал свой рост, и опять, как раньше, это острое чувство окрылило его...

Фильм будет называться «Слово о смелых». Всего одна часть, десять минут. Но все десять минут он, творец фильма, будет держать людей в зале вот так! Никто не кашлянет, не вздохнет громко. И лишь когда загорится свет, люди ахнут, узнав и полюбив одну только маленькую крупицу его огромной Сибири — жизнь плотогонов.

Многие до него пытались поднять эту тему — и терпели неудачу. Они думали, что плотогонов надо снимать на больших реках, на больших порогах. Чудаки! Ведь большие пороги совсем не выигрышно выглядят на экране. Он пошел по-иному пути. Он искал короткие пороги-водопады на маленьких, буйных, многоводных речках. И вот в ящике с заснятой пленкой — результаты. Победа!

...Если сверху смотреть, игрушкой кажется плот, хрупкой игрушкой в лапах разъяренного потока. Если смотреть снизу, увидишь, как толстенный срез бревна то исчезает под водой, то повисает высоко над нею. Ах, плотогоны, ах, бородачи! Какие мужественные лица! Какие чистые синие глаза! Почти неуловимы движения сильных рук, но дружное усилие — и тяжело поворачивается неуклюжее рулевое весло, и, ловко юркнув между двумя острыми утесами, обросшими белой пеной потока, выносится плот на раздолье плеса. Отирает бородач рукавом вспотевший лоб, дрожащими пальцами сворачивает цыгарку, и сыпятся на мокрые блестящие бревна крошки махры.

А потом они сидят у костра, сооруженного тут же, на плоту, степенно прихлебывают чаек из эмалированных кружек, и на их лицах пляшут красные блики — не то от костра, не то от заката. Волна лениво лижет бревна, тихо плещется у ног бородачей, и рябой красноватый след остается за плотом на реке...

Это и еще многое увидят люди в зрительном зале. И никто не догадается, чего стоил ему каждый кадр! Каково, например, до зари просидеть в кустах у реки, чтобы поймать в объектив самый первый, едва блеснувший на глади воды новорожденный блик восхода? Их заели комары. Даже Юрий, такой терпеливый, не выдержал, удрал под утро. А он перетерпел. Сто раз повторил про себя, обращаясь к комарью, весь богатый лексикон просоленных и проперченных словечек — и перетерпел...

Или этот, например, кадр... Маленькая лодчонка проскакивает в самом водовороте порога, почти скатывается с водопада, перепрыгивая через камни вместе с потоками во-

ды. В лодке человек. Кто этот человек — не видно, брызги не дают рассмотреть его лица.

А человек этот — Юрий. Они просили всех местных жителей, просили плотогонов, тех, кто черта не побоится в бане веничком отстегать, — проскочить на лодке через порог, прямо через буруны, а не берегом. Они обещали хороший магарыч. Только посмеялись плотогоны. Никто не проходил порог напрямую, не было такого случая. Но не мог же он отказаться от своего заветного кадра! Он носил его много лет, видел во сне, и вдруг — «не было». Ну что ж, не было — будет! Раньше он рискнул бы сам. Теперь, ни слова не говоря, в лодку садится Юрий.

— Отворачиваться? — спрашивает спокойно.

— Не надо, брызги будут, — так же буднично отвечает Иван Алексеевич.

Плотогоны остолбенели, молчат, боятся выронить черное слово. Если Юрий все же решится, по их поверьям, в самый опасный момент ударит в весло черное слово...

Юрий проносится в лодчонке, словно на санках, стремительно скатывается с белой снежной горы. Вот его закрутил поток, скрыл на долю секунды. Нет, все в порядке, вырулил, молодец! Больно колотится сердце, и дыхание занялось, никак не наладится. Хватил Иван Алексеевич воздуха ртом, отдышался. Казалось, полчаса прошло, пока спускался Юрий. А на часы глянул — всего-то десяток секунд.

— Ноги не промочил?—встретил он Юрия.

— Не... Штаны вот намокли.

— Штаны ничего, продует.

Стали укладывать имущество на телегу,— как мальчишки, бросились к ним степенные бородачи, каждый за честь посчитал помочь ящик подкинуть.

— Я-то думал, вы все неправду снимаете, в кино-то, подстраиваете все... — сказал, помявшись, один из плотогонов.

— А вот правду, выходит, — усмехнулся Юрий.

— Посмотреть бы, что получится!

— Увидите! — пообещал Иван Алексеевич. — Только бабам своим не показывайте...

— Это почему же?

— Засмеют бабы. Побоялись, скажут, речушку перемахнуть, какие же вы после этого мужики! И будет вам отказ по всем статьям...

Потом к этому эпизоду подсняли крупно руку, сильную, цепкую, стиснувшую край лодчонки. На нее падают брызги, а она намертво вцепилась в борт, и между пальцами проступает синева. Такая рука была только у Ивана Алексеевича.

Вот вам, «мальчики», обычный, всем понятный, и вместе с тем полный огромного смысла кадр — волевая, умная, даже — черт возьми! — думающая рука!

Так он и работал. Стиснув зубы и стараясь не обращать внимания на сердце, лез в гору и твердил: ничего, ничего, я вам покажу, «мальчики», как надо снимать... Промокший, дрожащий на пронизывающем ветру, делал иной раз по десять дублей и твердил: я вам покажу, «мальчики», я вам покажу, кто на самом деле молод, а кто просто зелен!.. Вечерами, отдыхая, он думал о том, что для его лет такое соревнование слишком накладно — гудели ноги, ныла спина. Но все-таки, измученный, засыпая под утро, он опять и опять твердил: завтра я вам покажу, «мальчики»! Так и работал. А потом все едва не пошло насмарку. Сколько уж они прошли разных порогов да водоворотов, и ничего. Даже отвертку не потеряли — совершенно исключительный случай. И вдруг...

Дело было к осени. Он сидел на плоту у костра, накинув на плечи тужурку и, по обыкновению, думал. Думал о том, что в армии, если уж ты дослужился до генерала, к тебе не подойдет любой солдат и не скажет: «Эх ты!» А в искусстве все не так. В искусстве нет ни солдат, ни генералов. Это и хорошо, и плохо. Если бы он был генералом в искусстве, разве посмел бы он сказать кому-нибудь: «Делай так»? А вот ему говорят. Смеют говорить. Зачем всех равнять в искусстве? — думал он. — Места всем хватит. Пусть каждый работает по душе, а души у всех разные...

И вдруг на ровном месте огромный, крепкий плот затрещал, видно, зацепился за что-то. Заходили под ногами бревна, зашипел костер, струйки пара со свистом рванулись вверх.

— Юрий, аппарат! — только и успел крикнуть он, а сам схватил ящик с отснятой пленкой и по уходящим из-под ног бревнам побежал назад, в хвост плота. Огромный, крепкий плот расползался, как намокшая газета. Бородачи попрыгали в воду, махнули к берегу — берег недалеко был. Юрий, держа аппарат над головой, ухватился за бревно, и тоже к берегу подгребал, как мог. А он... Что мог он? Ящик тяжелый, над головой его не подымешь. Бежал, бежал, а бревна расползались, ныряли в воду, он в любую минуту мог провалиться, и бревна сомкнулись бы над ним — навсегда. Но он не думал об этом. Он думал: пленку, драгоценную отснятую пленку нельзя замочить — иначе все пропало...

На его счастье маленькое звено, с десяток бревен, не расцепилось, миновало опасное ме-

сто, поплыло дальше вниз. Но он очень неустойчиво чувствовал себя на плотике, залитом водой под его тяжестью. Казалось, плотик вот-вот скинет его, как ездовой олень — непосильную ношу.

Это было жестом отчаяния. Рискуя потерять все, он на весу раскрыл ящик, и сильно размахиваясь, одну за другой начал выкидывать на берег банки с отснятой пленкой. Они падали на хрупкий прибрежный ледок, и, на его счастье, ни одна не скатилась в воду. Когда в руках Ивана Алексеевича осталась одна, последняя банка, плот накренился и все-таки скинул его. Отфыркиваясь, чувствуя, как сводит в ледяной воде больную ногу, он поплыл к берегу, подняв банку над головой. И сразу понял, что не доплывет. За себя он не боялся, его-то Юрий все равно вытащил бы. Он боялся за пленку. И он думал: как было бы здорово, если бы лодка с Юркой оказалась не в этой банке... и рассвет не в этой... и Двойной порог! Неужели намокнет проклятая банка? А вдруг как раз здесь эти неповторимые кадры!..

Он думал, что не доплывет, но доплыл. Юрий протянул ему случайно попавшуюся под руку тоненькую березку. Он готов был целовать ее пожелтевшие листья...

Треногу, кассетницу, запасные объективы и даже аккумулятор удалось спасти. Зато чемоданчик Ивана Алексеевича с заветной механической бритвой и новеньким «киевом» так и остался где-то на дне. Но разве стоит об этом вспоминать?

Купанье в студеной воде дало себя знать. Две недели провалялся с температурой. Потом сняли первый снег, серебряные забереги на реке, потом... Да вот так и цепляется одно за другое. А теперь уже совсем зима, настоящая, наша, сибирская...

Сани бежали плавно. Хорошо думалось, хорошо мечталось. Может быть, еще и потому, что сани бежали домой, туда, где скоро он увидит на экране своих плотогонов. Увидят их и «мальчики». Интересно, что они скажут? Скорее всего, промолчат. Нет, он не отстал от самого себя. Он еще молод. Он еще иных молодых моложе! Так что, «мальчики», будьте добры признать этот факт и проскрипеть вынужденное приветствие. А впрочем... Впрочем, в своем торжестве он готов был простить «мальчиков». По сути, они неплохие ребята. И если бы не они, если бы не их постоянные наскоки, кто знает, был ли бы он молодым сегодня? Хорошо, что в искусстве нет ни стариков, ни молодых. Хорошо, что в искусстве нет ни генералов, ни солдат. А все-таки искусство — бой. И пусть даже опять неудача, пусть опять не получилась атака — он не побежден. Он снова и снова будет идти напролом, вперед и вперед, неся потери и погибая в бою, но не отступит. Такой уж у него характер. И это тоже будьте добры признать, товарищи «мальчики»!..

Вдоль проселка мчались заснеженные кусты, так напоминающие абстрактные скульптуры, и гора надвигалась на гору, словно лед на реке, и скрипели горы, потрескивали, как крупные льдины. Или это полозья скрипели, копыта били о наст?

Эх, хороша молодость! Особенно хороша, когда тебе за шестьдесят...

Недавно я встретил Ивана Алексеевича в студии. Он только что приехал из дальней утомительной командировки. Он сидел в просмотровом зале, и его большая умная рука крепко стиснула спинку впереди стоящего кресла. Я видел и раньше этот неповторимый жест и знал, что он означает высшую степень сдерживаемого волнения, гнева, обиды. Но что странно, сейчас так же, как Иван Алексеевич, вцепился в спинку кресла и Юрий.

После просмотра, когда Юрий вышел в коридор, я спросил у него, не проявлен ли еще материал их фильма о плотогонах.

— Проявили, — спокойно ответил он.

— Ну и как?

— Ничего не получилось, — сказал он. — Фабричный брак пленки.

БУКЕТ ЦВЕТОВ ИЗ НИЦЦЫ

1

Федору снилось детство.

Снилось, как он, босоногий, скачет по лужам, и великолепные брызги снопами летят от него во все стороны. Потом он становится под рябину, что росла у окна и, заранее ежась, ударяет голой пяткой по ее шершавому стволу. Целый ливень крупных холодных капель падает ему на лицо и на плечи, и вместе с каплями осыпаются мокрые горьковатые ягоды...

Сон был радостным. В ожидании радости Федор проснулся.

— Букет цветов из Ниццы... — тихо напевала ему на ухо никогда в жизни не виданная

прекрасная женщина с необычайно нежным голосом.

Он протянул к ней руки, открыл глаза, ожидая увидеть ее. Но вместо прекрасного лица увидел белую стенку, белые занавески на окнах, серые одеяла на соседних койках и маленький репродуктор на тумбочке у окна. Он почувствовал запах лекарств и сразу догадался, где он, сразу понял, что ждать радостей не следует и что женщины с необычайно нежным голосом нет. Он закрыл глаза и постарался уснуть. Но ему не спалось. Ожидание радости не проходило. Прогоняя запах лекарств, в палату ворвался хвойный ветер и принес горьковатый рябиновый настой. В больничной палате пахло детством.

А что, если она все-таки есть? — подумал Федор. Ему казалось, что она есть, но он боялся открыть глаза еще раз. И, словно догадываясь, что он никак не может решиться снова взглянуть на мир, она настойчиво и нежно повторила:

— Букет цветов из Ниццы...

Тогда Федор все-таки открыл глаза — и опять поспешно закрыл их. Это было похоже на бред. На тумбочке у его кровати стоял огромный букет из рябиновых веточек с рясными гроздьями, оправленный пушистыми лапками кедра. Нет, он не бредил. Букет был здесь, и его запах, запах осенней тайги, стоял в палате, заглушал запахи лекарств.

Неужели это мне? — подумал Федор. — Не может быть, не может быть... Нет на свете человека, который мог бы это сделать. Так случилось. Он сам виноват, что растерял всех. И родных, и друзей. Сам виноват, что остался один. Так случилось...

А букет стоял на тумбочке, и от него пахло детством. Федор закрыл глаза, но слезы катились даже из закрытых глаз. И, оповещая весь мир, что человек счастлив, необычайно прекрасная женщина ликовала:

— Букет цветов из Ниццы навеял сны...

2

Федор сидел в сквере на скамейке. Слабо пригревало сонное осеннее солнце. Куда пойти, с чего начать, он не знал. К его ногам в песок упал окурок. Федор поднял глаза. У скамейки стоял здоровенный белобрысый детина в кожане, широко улыбался.

— Греемся? — спросил он, присаживаясь рядом.

Федор промолчал. Парень достал коробку «Казбека», дружелюбно протянул Федору. Федор закурил. Посидели, помолчали. Федор чувствовал, что белобрысый исподволь рассматривает его.

— Из тайги я, — сказал парень. — Со сплава.

— Из тайги?

— Лес сплавлять не приходилось?

— Не пробовал.

— Сам-то откуда?

— Таежный.

— Вон как! А сплав — дело денежное. Оно конечно, работка та, черт бы на ней работал, ну да у нас братва отчаянная. Все как один.

— Ты к чему ведешь?

— Душа у меня добрая. Вижу, сидит человек без дела, положение затруднительное. А у нас как на зло один тип сбежал из бригады. Исчез — и неизвестно куда. Так что — руки нужны...

Федор молчал, ждал. И белобрысый молчал.

— Ну? — спросил, наконец, нетерпеливо белобрысый, снова вытащив «Казбек».

— Что ну? — не понял Федор.

— Я же тебе ясно толкую: подавайся к нам, коли охотка есть.

— Я бы не прочь, — сказал Федор.

— Вот и ладно. Ну раз согласен, пошли в контору, некогда тут раскуривать.

...Белобрысый поджидал его на крыльце конторы. В кулаке, спрятанном в карман, Федор сжимал толстую пачку денег. Давно не был он так богат, и думалось, денег хватило бы на много полезных вещей. Но рядом шел белобрысый.

— Получил сумму? — спросил он.

— Получил.

— Сполна?

— Как условились.

— Ну вот что. Осень в тайге холодная, а одежки твои ветром подбиты. Пошли-ка, браток, одеться тебе надо.

Они долго ходили по магазинам, и белобрысый заставлял покупать все самое лучшее, самое добротное. К вечеру Федор был одет как на северный полюс, а деньги еще оставались. У автобусной станции, откуда шли машины до леспромхоза, заманчиво светился ювелирный киоск.

— Может, часы купить? — спросил Федор.

— Зачем часы в тайге? — рассмеялся белобрысый. — Да и денег не хватит. Ты сам небось и не догадаешься, а пора бы. В леспромхозе у нас сухой закон, надо здесь закупить все, чтоб ребят угостить. Раз уж вошел в нашу братву...

Федор насторожился.

— Я не пью, — сказал он угрюмо.

— Понимаю, — посочувствовал белобры-

сый. — Стало быть, по пьянке пострадал. Понимаю. Но ребятам все-таки поставить надо. Сам можешь не пить...

Федор задумался. Поначалу парень понравился ему. Таким он и представлял себе идеального бригадира — решительный, заботливый, строгий. И хорошо, что без лишних слов. Мы, сибиряки, народ молчаливый. Тайга не любит болтовни, в тайге слово — золото... Конечно, он прав, ребят надо угостить, таков обычай. И нехорошо с самого начала идти против. Но водка!.. Водки Федор боялся — ученый. И уже только затем, чтобы не колебаться, он подошел к ювелирному и на все деньги, что еще оставались, купил часы, противоударные, с центральной секундной стрелкой, на семнадцати рубиновых камнях — совершенно ненужную в тайге вещь.

Увидев обновку, парень усмехнулся.

— Ну-ну, по-своему значит, решил? Ладно!

И, подойдя к соседнему с ювелирным киоску, положил на прилавок чемодан, раскрыл его, и кинув в окошечко пачку денег, весело прикрикнул:

— Сколько войдет, гражданочка!

Вскоре подошел автобус. Парень дремал всю дорогу, держа чемодан на коленях, чемодан сползал, и Федору приходилось его поддерживать. Чемодан был тяжелым.

До бригады добрались назавтра под вечер. Ребята, мокрые по пояс, только что подошли к костру обсушиться, стягивали длинные резиновые сапоги. На него поглядывали недружелюбно. Белобрысый, поправив лихой чуб, представил его:

— Во — Федор. В городе подцепил.

Ребята были как на подбор — рослые, крепкие, прямо богатыри. Среди них Федор почувствовал себя маленьким. Никто не подал ему руки, не назвал имени. Только один, подсаживаясь к костру, спросил насмешливо:

— Из детсада? Или прямо из яслей? А, Сенька?

Белобрысый заступился:

— Верно, жидковат в кости. Ну да не это главное. Главное — чтоб все за одного. — Он значительно глянул на Федора и повторил:

— Чтоб все как один. Иначе, сам понимаешь, под бревнами вода. Дело рисковое.

— Понимаю, — сказал Федор. — Это по мне.

— Вот и ладно. Я тут за старшего, кличут меня Сенька. А это братва наша, десять гавриков. Харчи общие. Так что приступай! Да, хлопчики, — оживился белобрысый Сенька.— Федор тут вам привез... Где оно у тебя, чемодан-то?

Федор хотел возразить, но Сенька глянул на него так свирепо, что пришлось промолчать. Сенька принес чемодан, начал выкладывать поллитровки. Глаза ребят потеплели.

— Во! Это другой разговор, — сказал кто-то.

Парни сушили портянки, ожесточенно совали их в самый огонь.

— Поди-ка, упарились без меня? — спросил Сенька.

— Было...

— То-то! Учитесь, — довольно засмеялся Сенька. — Учитесь, братцы! Дело-то немудреное.

Пока готовили ужин, Федор пошел к реке. Жадно глотал он ароматный таежный воздух, с радостью шагал по траве, по мягкому мху, по серым валунам. Сколько времени он не видел тайгу? Ох, давно! С того самого дня...

Река была спокойная, какая-то сонная, медлительная. На противоположном берегу росли ивы, похожие на печальных деревенских вдов. С этого берега, более высокого, искоса поглядывали на них ладные коренастые кедры. Бревна шли по реке легко, плавно. Чего ж тут делать? — подумал Федор. — Лес идет, подгонять не надо. Разве что затор! Так вроде и вода большая...

Спускаясь к воде, он натолкнулся на одиноко стоящую рябинку. Такая росла у них под окном. Мать любила рябину. Длинными воскресными вечерами, наплакавшись вволю, пела мать горькие протяжные песни про тонкую рябину да про вдовью долю. Осенью приносила она из тайги яркий букет рябиновых веток с рясными гроздьями, опушенный веточками кедра. Целую зиму стоял букет в избе и напоминал маленькому Федюхе, что не все зима, не все морозы, а вот ужо проглянет солнышко, и зацветет под окном рябина, и хлынут теплые ливни, и харюзки будут плескаться в речке, и маленькие лягушата прыскать из-под ног на лугу. Зимы были долгими и тяжелыми, а летние деньки пролетали незаметно. Вот и казалось Федору, что все-то его детство прошло рядом с таким букетом.

И не заметил, задумавшись, Федор, что уже подходит к костру и что в руках у него — таежный букет. Наверное, он ходил долго, потому что пиршество было уже в разгаре. Его встретили шумом. Он подсел к «столу» — и сразу несколько рук протянули ему кружки.

— Я не пью, — предупредил Федор.

Компания настороженно умолкла.

— Да, не пьет он, — сказал Сенька. — Зарекся.

— Как не пьет? Совсем не пьет?

— Совсем.

— Да ты можешь не пить, — дружелюбно обратился к Федору рябой парень. — Ну а выпить-то надо. Неудобно получается: нас угощаешь, а сам...

— Я не угощаю, — сказал Федор. — Это он, — и Федор показал на Сеньку.

— Как так? — не понял рябой. А другой, пожилой и угрюмый, видно, уже изрядно хлебнувший, в ярости схватил две бутылки и швырнул в кусты. Федор встал и пошел к сараю, в котором ребята спали. Несколько острых, обидных словечек, кинутых от костра, толкнули его в спину.

В сарае было полутемно. Федор наткнулся на железную печку, устроенную посреди помещения, и остановился. Нехорошо получилось, — подумал Федор. — Нехорошо, что с самого начала... А в общем — так держать. Только так!

Зашел Сенька.

— Ты вот что, браток, — сказал он. — Зря ты петушишься. Обидел ребят. А ребятки наши дружные, как один ребятки. — Он сел на одну из нар, что лепились по стенам. — Ну да ничего, Федюха! Не вешай нос... — Сенька показал в угол. — Занимай! Спал тут тип, сбежал который. А теперь ты будешь.

Федор сел на свою нару и сразу же над головами аккуратно пристроил букет. Сенька не удивился этому. Мужчины в своем мужском обществе сентиментальны. На стенке у каждой нары висели фотографии девушек, пучки полузасохших цветов, открытки с голыми женщинами.

— Стало быть, рябина... А почему рябина? — допытывался белобрысый Сенька.

— С детства еще пошло, — сказал Федор. — Обижали мать, вдова была. А пожалобиться некому. Вот и пела про рябину. Всю-то зиму стоял у нас в избе такой букет. С тех пор эта несправедливость мне вот как... — И Федор резанул рукой по шее. Сенька задумался, вздохнул.

— Да, далеко нас занесло, — проговорил он, опустив голову. — Далеко-далече...

Послышалась нестройная песня. Федор снял сапоги, прилег.

— Ты вот что, Федюха, — ласково сказал Сенька. — Парень ты хороший. Только супротив не иди. Мы, на сплаве, не любим, кто супротив. Поперечных не любим.

3

А назавтра Федор понял все значение этих слов.

Он проснулся от равномерного напряженного гула. Так гудят провода в жгучие морозы. Откуда исходит шум, Федор не мог сообразить и лежал завороженный, не в силах шевельнуться.

— Придется поработать, — услышал он ленивый голос Сеньки. — Вставай, хлопцы!

Федор вышел из сарая — и не узнал вчерашней речушки. Она стала черной и гневной, она бурлила и тяжело дышала, по ней метались бревна, сновали в беспорядке то вверх, то вниз по течению. А в сотне метров от сарая они лежали сплошной шевелящейся массой. Оттуда-то и доносился тревожный гул. Печальные ивы стояли по колено в воде.

— И часто так? — кивнул Федор на речку, обращаясь к Сеньке.

— А почитай, каждый день. Перекат. Полверсты перекат. Потому нас здесь и поселили. И сарай на бережку поставили... Тут, брат, все с головой сработано. Попробуй пару дней не разбирать — и затопит наше жилье. Уж мы ученые...

Федор думал, надо немедленно хватать багры и бежать по зыбкой массе бревен, растаскивать залом. Но ребята занялись чаем, словно и не замечая того, что делается на реке. Почаевничав и натянув высокие резиновые сапоги, кучей двинулись на залом. Впереди шел Сенька. Он был без багра. Он шел по бревнам легко и свободно, как на прогулку, и казалось, к чему-то прислушивался. Отойдя совсем немного, он остановился чуть ли не у самого берега и сказал коротко:

— Здесь.

Сначала Федор не понял, в чем дело. Но когда принялись дружно растаскивать бревна, он вдруг услышал под ногами особенно напряженный гул, похожий скорее на мелкую дрожь. Казалось, бревна рвались вперед, но что-то сдерживало их, как поводок сдерживает нетерпеливого застоявшегося коня.

— Вот оно, поперечное! — крикнул кто-то.

Ребята остановились. Теперь настала очередь Сеньки, до сих пор сложа руки стоявшего в сторонке. Сенька не торопясь закурил свой «Казбек», взял багор. Остальные поспешно двинулись прочь.

— Эй ты, новенький, пошевелись! — крикнули ему. Федор присоединился к остальным.

Не успели они дойти до берега, как вся масса бревен пришла в движение, зашевелилась, затрещала, и по устремившимся вперед, то и дело встававшим на дыбы бревнам Сень-

ка, как птица, перелетел на берег. Федор следил за ним со страхом и с восторгом. Он уже понял, что Сенька «сковырнул» то самое «поперечное» бревно, с которого и начался затор. Бревна двинулись вниз...

— Артист! — восхищенно сказал кто-то из ребят, молча стоявших на берегу.

— Артист, как же... «Казбек» курит, — угрюмо проворчал пожилой, тот, что вчера швырнул в кусты две поллитровки. Он вынул кисет, свернул самокрутку и, протянув махру соседу, добавил: — Нырнуть бы ему поскорей, да не вынырнуть, гаду рыжему!

Федору казалось, прошло не меньше получаса. Но когда вернулся Сенька, Федор заметил, что папироса его и наполовину не сгорела. Небрежно кинув багор, Сенька с удовольствием затянулся.

— Ну, видал? — подмигнул он Федору. — Понял теперь, почему мы не любим поперечных?

Федор понял.

4

Федор чувствовал, что ребята не любят Сеньку. А ему Сенька нравился. Нравился за силу и красоту. Нравился и за то, что в своем деле был артистом. Таких Федор привык уважать с детства. Будь ты хоть пропойца, но если ты мастер, почет тебе, — говорили в деревне.

Эх, как красиво работал Сенька на завалах! Как ловко отыскивал он это проклятущее поперечное бревно! Собственно, вся бригада только и делала, что помогала Сеньке, а настоящее дело, трудное и опасное, всегда выполнял он. Столько небрежности и даже лени было в его точных движениях! А как шел он по сплошному гремящему водовороту бревен — загляденье! Федор был знаком с работой взрывников. Сенькина работа казалась ему куда опаснее. И тем еще нравился Федору Сенька, что был заботлив и не задавался, неся трудные обязанности командира затерянной в тайге отчаянной бригады.

Ребята сторонились Федора, и было бы ему вовсе невесело, если бы не Сенька. Сенька его ободрял, показывал нехитрые приемы работы с багром, а когда уже вовсе грустил Федор, один сидя вечером на берегу, подсаживался к нему с неуклюжим разговором.

— Хороший ты парень, Федюха, — говорил. — Правда, характер у тебя скрипучий — ну да это понятно. Не сладко, чай, было...

По реке медленно проплывали бревна. Шли они одинокие, покорные, и справиться с каждым из них было легче, чем раз плюнуть. Глядя вниз, Федор думал, что эти вот бревна, найдись среди них одно, поперечное, превратятся вдруг в грозную, гремящую силу. Встанут обычные, нестрашные бревна плечом к плечу — и пойдет вспять река. Важно только, чтоб нашлось одно. От него все зависит...

— Ты приглядывайся, как я работаю, — говорил Сенька без всякого хвастовства. — Учись. Парень ты ловкий.

— Я учусь...

— Вот и давай. В нашем деле знаешь как...

— Знаю, — усмехнулся Федор. — Все за одного.

— Во! Точно.

— Точно, да не очень.

— Что — не очень? — насторожился Сенька. — В руках его замер тонкий прутик.

— Не очень-то тебя здесь любят, как я погляжу, — подкусил Федор. — В воду за тобой, небось, никто не бросится.

— А, вон ты про что? Это так... Диктатор, поди, говорят? Да только — куда там! Ни поотдельности, ни все вместе не посмеют против меня. Кишка тонка! Был тут один...— И Сенька, хрустнув прутиком, швырнул его половинки в реку.

— Ты вот что... — начал было Сенька, да замолчал. Федор чувствовал: наклевывается разговор. И тянуло Федора поговорить с Сенькой, выведать все интересное, что упрятано в этом большом белобрысом парне, и не решался Федор. Чтобы рассчитывать на откровенность, надо самому быть откровенным.

— Тяжелый у тебя характер, Федюха, — снова начал Сенька.

— Угу.

— А за что ты... Давно уж хотел спросить... За что пострадал-то?

— Дело давнее.

— Оно конечно... По пьяной лавочке, говоришь?

— Было.

Федору вовсе не хотелось рассказывать об этом. Но во всем мире у него не было никого, кому он мог бы довериться. И, торопясь, словно боялся, что Сенька уйдет, не дослушав, начал Федор свой сбивчивый рассказ...

— Я, понимаешь, иду задами... А какие ночи у нас в деревне! Нигде больше не видел таких ночей — прямо волшебные. Воздух какой! Вдохнешь этак всей грудью — и хочется лететь, как птица. Иду, значит, настроение великолепное, девушку проводил только что. Замечательная у меня была девушка, косы золотистые, тяжелые, венком на голове лежат, походка — как у царицы. Иду, значит, —

ночь, темнотища, роса свежая пала. И вдруг слышу — крик. «Спасите, спасите!» — женщина кричит. Побежал я на голос и вовремя успел. Ноги у нее в темноте белеются, длинные-длинные, показалось. И уже не кричит, а хрипит, рот он ей, гад, зажал, что ли... — Федор перевел дыхание. Всегда, когда вспоминал он эту историю, трудно делалось дышать. — Подскочил я сзади, схватил его за глотку и оторвал от нее. Слава богу, думаю, успел...

— А зачем полез? Твое какое дело? — перебил Сенька.

— Я же говорил... С детства такой. Не выношу, когда против справедливости.

— Ну-ну. Валяй дальше...

— Что ж дальше... Тащу я его, а он, гад, как лягнет меня. Потемнело у меня в глазах, и уж ничего больше не помню. Тут, признаюсь, по всем статьям виноват. Хмель в голову ударил, хоть и выпил-то немного, и злость, и все такое... Далеко оттащил я его от девчонки и бросил в траву. А как в себя пришел, понял, что он уже... того...

— Придушил? — радостно удивился Сенька.

— Сам не знаю как. И в мыслях не было.

Сенька присвистнул.

— Ай да Федюха! Ну а дальше?

— Вот так получилось. Страшно глупо. Только самое обидное не это. Девчонка оказалась наша же деревенская, совсем еще сопливая. Так она, дрянь, заявила на суде, что, мол, жених он ей был, а я, дескать, из ревности его придушил...

— Вот стерва! — Сенька захлебывался от непонятного смеха. — Ай да девка! То-то урок тебе приподнесла...

— А мне она нужна была, как... Я бы по нужде с ней рядом не сел, не только что... И он... Какой он ей жених, когда вся морда у него исцарапана была в кровь. И орала-то она на всю округу...

— Стало быть, от собственного благородства пострадал?

— От дурости, вернее сказать. А может... Может, и хмель тут ни при чем. Не терплю подлого человека, так и тянется на него рука.

— Да, брат, не в свое дело встревать — оно как то же поперечное бревно, — отозвался Сенька, задумчиво глядя на реку. — А в общем-то, молодец ты. Я бы так не смог, своими руками. Вот под бревна столкнуть, допустим, — это другое дело. Бултых — и до свиданья. Никто не узнает, сам упал или что...

Сенька усмехнулся, сплюнул в воду.

— Был у нас один тип в бригаде, доносчик...

— Ну и что же? — Федор насторожился.

— Ничего. Бог его знает, исчез куда-то...

Сенька опять усмехнулся криво, и Федору вдруг представилось, как мелькнула в воде, между бревнами, голова «доносчика» — и исчезла.

— Жаль, что не отправил его под бревна, — прибавил Сенька. А потом встал и молча пошел к сараю.

Так и не получилось откровенного разговора.

5

Наутро упал первый снег.

Федор вышел из сарая и удивился, как все изменилось. В белом сверкающем мире текла черная река. Было морозно и празднично. Ивы стояли принаряженные, в белых пуховых платках. На реке появилось тонкое кружевцо заберегов.

— Дело к зиме, — сказал Федору Сенька. — Скоро по домам. Вместо бревен — за баб возьмемся. Только эти проклятущие бревна всю зиму будут сниться, вот посмотришь... Баба-то есть у тебя?

— Никого у меня нет. Ни единой души.

Сенька задумался.

— Ты вот что, Федюха! Ты за меня держись. Махнем-ка мы с тобой в деревню ко мне. Девки у нас — во, справные! Погуляем, а там, может, и приглянется какая...

— А где я жить-то буду?

— Понятно где — у меня.

Федор был совсем один во всем мире. Сенькины слова растрогали его.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Спасибо. Кроме как к тебе, мне и вправду некуда податься...

Это было утром. А в обед приехал бородатый. Он приехал верхом и спрыгнул с седла прямо к костру. Гулко поздоровался со всеми. В поводу за ним шла вторая лошадь, тяжело навьюченная мешками. Торопились разбирать очередной завал, и Федор как-то не обратил на бородатого внимания. Но едва вернулись к костру, Федор понял: затевается грандиозная попойка. Сенька и бородатый, чрезвычайно довольные друг другом, уже сидели с кружками. В сторонке, под деревом, стояли две бутыли. Самогонка — определил Федор по запаху. Там же лежали толстые куски соленого сала, еще какая-то снедь.

Два дня ребята не просыхали, и с каждой кружкой самогонки накалялась атмосфера. Федор думал — не обойдется без грозы. Но

ничего не произошло. Едва затевалась ссора — между врагами молча появлялась внушительная фигура Сеньки, и здоровенные кулаки ребят опускались. Зато с каким выражением плохо скрытой ненависти смотрели на миротворца оба недавние врага! На помощь Сеньке подкатывался бородатый, сыпал шутку за шуткой, анекдот за анекдотом, льстиво улыбался — и все кончалось новым молчаливым тостом.

Бородатый и Федора хотел угостить, поднес ему кружку самогонки — Федор отказался.

— Не трожь его, он у нас поперечный, — сказал рябой, недобро косясь на Федора.

Сенька только глянул — и замолчал рябой, отвернулся.

— Он молодец, — кивнул Сенька в сторону Федора, обращаясь к бородатому. — Молодец! Зарекся — и не пьет.

Бородатый сладко улыбнулся Федору и сказал:

— Что не пьет — не беда. Был бы хороший человек.

Потом бородатый уехал — и на реке закипела работа. Под руководством Сеньки ребята устроили запань, поставив легкие боны, и принялись сколачивать плот. Федор, с удовольствием орудуя топором, работал вместе со всеми. Он не поинтересовался, зачем нужен плот — привык не спрашивать лишнего, бывало, по нескольку дней слова не произносил. И случайно, вгоняя скобу в бревна, услышал за спиной:

— Ну, теперь будет работка. Заломы — что! Заломы — шуточки...

— А не надует он нас?

— Ха! Небось, не впервой!

— А надует, где на него управу искать?

— Управу? Чай, не первый плот и не последний. На бога будем надеяться. Авось он поможет...

Федор не очень-то понимал, о ком идет речь, но суть уловил.

— Это что же, бородатому лес, что ли? — спросил он, обернувшись.

— А ты не знал! Зря он нас угощать будет, как же!

Весь день работали с азартом, не разгибаясь. К вечеру плот был почти готов. После ужина Федор отозвал Сеньку в сторонку, спросил в упор:

— Кто этот бородатый?

— Бригадир, из колхоза.

— Чего ему надо?

— Ты и не понял? Лесу, Федюха, лесу! Сам знаешь, строительство. Клуб, коровник новый...

— Ну?

— Что ну? Вот мы и вяжем ему плоты. Он их угонит — катерок тут есть паршивенький — и полный порядочек.

— А причем тут мы?

— Как при чем? — не понял Сенька. — Мы ему — плоты, он нам — деньгу. Не задаром же. Эх, Федюха, хороший ты парень, а одного не поймешь. Нам тут не ахти платят, не разжиреешься. Какой бы дурак за такие гроши на все лето в тайгу пошел? С бабой не побалуй, стаканчик не опрокинь, да еще, бывает, и без жратвы насидишься. А он нам отломит. Хорошо отломит. Можно всю зиму в ресторане сидеть. Вот как, брат.

— А лес — чей? — не сдавался Федор.

— Знамо чей — леспромхозовский.

— Чего же он его у леспромхоза не покупает?

— Чудак...

— Стало быть, он крадет лес?

— Ну зачем ты так? Нельзя так — сразу уж и «крадет»...

Сенька говорил с Федором, как с малым дитятей, старался объяснить, растолковать — и при этом не выйти из себя. А у Федора внутри подступала к горлу дрожь. Так трясло его только тогда, в ту ночь.

— Значит... мы крадем?

Сенька усмехнулся — и сразу исчез его заботливый тон. Сказал жестоко:

— Ты вот что, Федор. Ты наш закон знаешь — один за всех. Я тебя предупреждал — супротив не иди.

— Я не супротив, — угрюмо буркнул Федор. И неожиданно для себя закричал пронзительно, не своим голосом: — Только воровать не позволю! А приедет бородатый — морду набью.

Их обступили ребята. Стояли поодаль, руки в карманы, молчали. Федор чувствовал, что они не равнодушны к разговору, но за кого они — понять не мог.

— Как же это ты не позволишь? Донесешь, что ли? — зло спросил Сенька, и Федор удивился, какие это разные, совсем непохожие люди — Сенька обычный и Сенька теперешний.

— Я доносить не буду. Я сам.

— Сам? — усмехнулся Сенька. — Сам? Один против всех? Против меня?

И он грозно двинулся на Федора. Только сейчас по-настоящему разглядел Федор, какие у него длинные ручищи, но не испугался. Он не моргнул глазом, когда огромный тяжелый кулак Сеньки приблизился к самому его носу. Федор был уверен, что Сенька не посмеет ударить.

— Ну ты, не очень-то, — раздался вдруг несмелый голос со стороны ребят. Сенька медленно повернул голову к ним, и кто-то юркнул за чужую спину. Отчаянная бригада недружно загудела.

Едва Сенька отвернулся, Федор схватил топор и бросился к запани. Было морозно, бревна покрылись тонким ледком. Похожие на рыбьи плавники льдинки намерзли на боках бревен. Федор бежал, едва сохраняя равновесие, но не думал в эту минуту ни о том, что может подскользнуться и упасть, ни о том, что может сделать с ним Сенька. До каната было уже недалеко, когда он услышал властный оклик:

— Федор!

Он оглянулся. Легко и изящно, как кабарга по скалам, бежал к нему по бревнам Сенька. Федор сделал еще несколько прыжков и всадил лезвие топора в натянутую струну веревочного каната. Цепочка бонов начала медленно разворачиваться вниз по течению, плот дрогнул — и тоже не спеша двинулся вниз. Теперь его никакой силой не удержишь, — подумал Федор.

Сенька был уже совсем близко. Федор видел его длинные, решительно согнутые руки, сбыченную голову и кривоватую усмешечку у рта. Такая же усмешечка была у Сеньки, когда он рассказывал про «типа, который донес». Вон оно что! — догадался Федор. Под ногами, между бревен, чернела страшная бездонная вода. Толстые бревна неудержимо надвигались на воду тупыми заледенелыми рылами.

Теперь Федор видел глаза Сеньки — пожелтевшие, яростные. Вспомнились его слова: «Сам понимаешь, под бревнами вода». И другие: «Бултых — и до свиданья. Никто не узнает, сам упал или что...». Но Федор все еще не верил, что Сенька, которого он полюбил, Сенька, единственный на свете близкий человек, уже почти родной, может поднять на него руку.

А Сенька был уже в пяти шагах, и его рука, протянутая вперед, нацеливалась, казалось, прямо на горло Федора. Федор еще раз глянул под ноги. Вода была черной, совсем черной. Толстый неровный срез бревна, покрывшийся ледяной корочкой, медленно полз по черной воде. И Федор представил себе, как выглядит этот срез оттуда, снизу...

Что-то булькнуло. Федор поднял глаза: Сеньки рядом не было. В трех шагах на такой же черной воде еще расходились медленные круги, но на них уже наезжало бревно — другое, но точно такое же страшное бревно. Еще не успев ничего осознать, Федор выронил топор и нырнул под обледеневший срез тяжелого черного бревна.

6

В больничной палате, заглушая запахи лекарств, стоял густой дух осеннего леса. Пахло рябиной и хвойным ветром. Репродуктор замолчал. Федор понял, теперь уже окончательно понял, что не было ни женщины, ни загадочного букета цветов из Ниццы...

Ницца — далекий солнечный город на берегу синего моря. Это очень веселый город. Наверное, там прекрасные женщины и прекрасные цветы. Но такого букета в Ницце нет и не может быть. Скромно и роскошно покоились рясные гроздья рябины в окружении мягких кедровых игл.

Таежный букет... Букет из детства...

Откуда же он здесь появился? Никто, ни один человек на земле не мог принести его Федору. Так уж случилось. Он потерял всех — и друзей, и родных. И даже тот, кого он хотел бы назвать другом, — и тот не мог принести ему этот букет. Но букет стоял на своем месте, и от него пахло осенней тайгой, хвойным ветром и трудным счастьем жить.

...Когда Федор очнулся, он понял, что его несут двое. Он был весь мокрый, и в голове больно гудело, будто в ней бились тысячи взъерошенных бревен. Потом он лежал на нарах, железная печка раскалилась докрасна, а его трясло от холода. К нему наклонился Сенька.

— Ну, жив?

Федор ничего не ответил, только облизал спекшиеся губы. А потом — или это пригрезилось в бреду? — был такой разговор:

— Ты хоть знаешь, зачем я к тебе шел? — спросил Сенька.

— Знаю.

Сенька покачал головой. Позади него стояла безмолвная стенка ребят.

— Не пойму я тебя, Федор. Дурак ты... или какой особенный человек? Не пойму...

— Нет, я не особенный, — сказал Федор. А может и не сказал, только подумал. — Я как все...

...К постели подошла сестрица, веснушчатая, курносая. Конечно, эта не смогла бы так петь. Это не из Ниццы. И скорее всего, она даже не знает, что есть на свете такой солнечный город — Ницца. Но и она хорошенькая, щечки вон какие розовые...

— Больной, — сказала сестрица. — Вам нельзя петь.

— Я не пою.

— Конечно, я глухая! Хотите чего-нибудь?

— Нет.

— Как вы себя чувствуете, больной?

— Великолепно.

— А ваши думали, что вы и не поднимитесь...

— Кто это — ваши?

— А лежали тут двое. У одного перелом руки, у другого ушиб, кажется...

— Это что-то не то, сестрица, — сказал Федор.

— Как же не то! Они же вас спасали, вся бригада. Уж я-то эту историю наизусть знаю. Как вы прыгнули в воду, так они все храбрыми стали, все как есть поныряли под бревна, вас вытаскивать. Спросите, откуда знаю? — лукаво улыбнулась сестрица. — Один ваш все ко мне руки тянул, в любви объяснялся. Хороший такой парень...

— Белобрысый?

— Нет, рябенький. Славный парнишка...

Федор отвернулся к стенке. Сестрица обиделась.

— Если вы плохо себя чувствуете, так бы и сказали. И нечего нос воротить. Тут к вам все брат ходит, ждет, когда в себя придете. Я уже хотела его допустить сегодня, да выходит — рано...

Федор повернулся к ней так резко, что загудело в голове.

— *Брат? Какой брат?*

— А я откуда знаю, какой! Говорит, ваш брат.

— Нету у меня братьев.

— Нету!? Вот история! Так я и думала, что никакой не брат. Вы черный, а он белый. *Он высокий такой, ладный, а вы...*

— Вот что, сестрица! — сказал Федор. — Я уже здоров. Как он появится, скажите, пусть заходит. Я вспомнил, есть у меня брат...

Он помолчал и добавил:

— Двоюродный.

В *палате пахло детством...*

Федор был еще очень слаб. Радость, которую принес таежный букет, воспоминания о прошлом и разговор с сестрицей утомили его. Он отвернулся к стенке и закрыл глаза.

— Букет цветов из Ниццы... — услышал он опять. Это было как во сне. Такие легкие сны видятся только в детстве. — Букет цветов из Ниццы навеял сны...

— Больной, вам нельзя петь!

Значит, это поет он сам? *Странно...* А ведь он не пел уже много-много лет — с той самой ночи. Но как же так — нельзя петь? Жизнь — она такая! В жизни нельзя без цветов. И нельзя без песен.

Виктория Ярмицкая

* *
*

Проклятая память!
Не будет легко мне:
Я многое помню. Я лишнее помню!
Все помню я: злющее, знойное лето,
И запах волос твоих, солнцем нагретых,
Платформу вокзала, и пламя заката,
Носильщика номер на бляхе помятой.

Уходят, уходят, уходят вагоны.
В них можно уехать из сел и районов,
Из жизни любой, из родимого дома,
В них можно покинуть родных и знакомых.
Лететь, чтоб мелькали деревья и вехи...
Вот только из памяти трудно уехать.

СТИХИ О НЕСБЫВШЕМСЯ

А женщина все шепчет имя сына,
Которого она не родила,
То имя, что три раза сочиняла
И все-таки ни разу не дала.
Шесть крепких ножек, шесть косичек мягких,
Шесть милых глазок, невозможно синих...
Вы скажете: «Счастливая мамаша!»
А женщина все думает о сыне.

А женщина у вас попросит книжку
С новейшими любовными стихами.
Она их после чая прочитает
И вдруг поймет их трепетное пламя.
Муж у нее серьезный и спокойный,
Хороший друг, отец ее детишкам...
Вы скажете: «Счастливая супруга!»
А женщина у вас попросит книжку.

* *
*

Ты сказал мне: «Я твой», как в стихах
в старину
(был осеннего солнца неярок накал).
Ты сказал мне: «Я твой» и ушел на войну.
А друзья утверждают, что ты не солгал.

И в глазах моих дымы далеких дорог,
И в ушах моих топот тяжелых сапог,
Звуки боя и чья-то чужая беда...
Ты сказал мне: «Я твой» и ушел навсегда.

Аркадий Гринкевич

О ЛЮБВИ

От холода твоя рука дрожала,
И вечер ты другому берегла.
Весна бродила свежими дрожжами,
Весной теряют реки берега...
По-детски губы вздрагивали слабо,

В твоих глазах недетская тоска.
И я ушел.
Мне из чужого сада
Не захотелось яблоки таскать.

Кирилл Чистов

У ПАРНЯ ШИРОКИЕ ПЛЕЧИ...

Парень
глаза не прячет.
Парень
нам руки жмет.
Желает
нам всем
удачи
и скалит в улыбке рот.
Он нам помогает вещи
с перрона
грузить в вагон.
У парня
широкие плечи,
но —
с нами не едет он.
Парню
дороже город,
А месяц тому назад
Парень с трибуны гордо
нас в Приангарье звал.
Парень внимания полон,
полон о нас забот.
Пробует крепость полок
и кипяток несет.
А после
с перрона долго
нам машет кепчонкой вслед.
Предателей судит строго
Юность в семнадцать лет...
Мы пляшем, поем в вагоне.
Режемся в домино.
А тот,
кто сейчас на перроне,
нами
забыт давно.

Елена Коблуковская

Человека обидели

Рассказ

...В конце дня Краснов сумел-таки выбрать минутку, чтобы остаться наедине со своими мыслями. Было над чем подумать. Вечером предстояла ему встреча не из приятных. «Объясняй, Краснов...», — скажет комсорг стройки. И никуда не уйти от его цепкого взгляда. «Так... так... Лучшая бригада, надежда...», — бросит он как бы в пространство. И как ему объяснить все случившееся, если сам Краснов не совсем уверен, правильно ли он поступил, отложив собрание?

Еще не кончилась вторая смена. В прорабской, узкой и темной, полной сизого дыма, было тихо. Краснов пришел сюда, чтобы поразмыслить. «Думал вот тоже... процентики — это главное. Гнали план. Звание коммунистической собирались получить. А человека обидели... Какое уж тут звание... Моя, видно, вина».

Тишина прорабской оказалась обманчивой. Уже через минуту зазвонил телефон. Искали то Фомичева, то снабженца Булочкина, грозились жаловаться самому Осовикову, если через час не подвезут бетон. И он было занялся делами стройки, но когда взглянул на часы, до встречи с комсоргом оставалось не более получаса. Еще было время поразмыслить... Краснов стал думать о Славке и об Ефиме, о том, что произошло совсем недавно.

И уже не слышал телефонных звонков, запутавшись в паутине воспоминаний, и все пытался найти то, самое главное, что он проглядел когда-то и отчего теперь чувствовал себя во всем виноватым.

Так как это случилось, когда?

...Бригада Краснова строит дома у самого леса. Ветер приносит на стройку его пьянящие запахи. Заблудившись, залетают сюда бархатные пчелы.

Уже месяц работает на стройке Славка, а все не может привыкнуть к этим волнующим запахам.

— Тю... чудной какой-то, — кивает Ефиму Алик Стручков. — Глядит на лес, как волк голодный. И чего ему этот лес?

— Привыкнет... Степной парень. Эй, помощничек, лениться потом будешь, на кирпичики почаще заглядывай.

Славка вздрагивает. Самое неприятное для него, когда люди вот так легко царапают пустыми словами сердце. «Ну, засмотрелся... Так орать-то чего? Злой какой», — хмуро глядит Славка в сторону Ефима.

Когда невидимой паутиной опутывают Славку запахи, чудится ему, что степь близко, вон за лесочком... Но нет, не видно степи. Далеко забросила Славку жизнь.

Много раз она швыряла его от берега к берегу, как щепку, и скитаться бы ему по свету со злым равнодушием к своей судьбе, если бы не попал он в степь. Увидел Славка однажды, как падало солнце, медленно, лениво за далекий горизонт, как волновались шелковые травы в малиновых переливах. Увидел все это случайно, из окна вагона, когда поезд подкатывал к степному полустанку. Замедлил поезд ход, и Славка спрыгнул с подножки, да так на полустанке и остался.

Потом встретил он Степаныча, однорукого веселого печника. Потянулся навстречу отзывчивому сердцу...

Вилась Славкина жизнь кривой линией, мало видел он добра, а иногда, сам того не ведая, уходил от хорошего прочь. Мальчонкой убежал Славка из детского дома, воровал, потом пошел было к людям с открытым сердцем, да первым встретился ему человек равнодушный. Отмахнулся от Славки, взглянув

на его документы, не поверил, что парень встал на честный путь. И не знал Славка, по какой дорожке идти к настоящему делу.

Степанычу Славка о себе рассказал коротко, да тот подробности и не расспрашивал, а совет дал:

— Ты на этом деле крест ставь. А душу на замке не держи, простые люди-то затаенных не любят...

Ходили они вместе по совхозу, клали печи, обучил Степаныч Славку своему мастерству, проверил: ловкие оказались у парня руки.

Каждый раз, возвращаясь на полустанок, они брели степью, слушали таинственные ее голоса, вдыхали мятные запахи. Любил Степаныч поговорить, давать советы. Говорил непривычные для Славки слова, и тот все удивлялся, откуда только печник их знает.

— Разве печи — настоящее дело? Не подкоси меня увечье. — Он кивнул на пустой рукав, — давно поднялся бы с этих мест. Валяй, Славка, в тайгу, новые города строить. Ты-то что про коммунизм понимаешь?

Славка жует травинку, разглядывает причудливое сплетение облаков над головой, молчит...

— Ну вот, — укоряет его Степаныч. — Мы с тобой кустари называемся. Чистенькую десяточку в карман — и точка. Самый что ни на есть капитализм — затянет. На стройку подавайся, в Сибирь. Слышал, есть там такие, живут они... этой, как ее, коммуной. Ты только не таись. Простят старое-то.

Славка слушал. Непривычные эти слова кружили в голубом воздухе, сливались с мятными запахами, западали в сердце.

— Куда мне, — неуверенно тянул он, — печнику-то...

— Нет, Славка, — торжественно говорил Степаныч. — На каменщика выучишься. А должность эта на земле строитель называется. Каменщик, штукатур там... это для рангу, что ли... Пока молод-то, не прозевай своего места.

...И решился Славка. Приехал на стройку за тридевять земель от мятных понравившихся ему степей. Стройка еще только начиналась, но все здесь сразу удивляло Славку. И зеленые, слегка побуревшие палатки, и запыленные деревянные колышки с названиями улиц, которых еще не было, и разговоры о заводе, который подымется где-то совсем рядом.

Определили Славку в бригаду Лешки Краснова.

В прорабской, сизой от табачного дыма, долго говорил с ним Краснов, «тянул» из новенького по словечку. Расспросов Славка боялся больше всего. А с этого и началось. Ефим, маленький, круглый, как шар, с серыми глазками, как-то боком подкатившись к Славке, спросил у него сердито, размахивая Славкиной «трудовой»:

— С прошлым покончим? Гляди, парень, ты хоть знаешь, какая наша бригада? За честь считай. Баловать не позволим.

Вроде ничего между ними не было, а вот не взлюбили они друг друга, а работать пришлось рядом, захочется Славке словом перекинуться, глянет — ближе других Ефим. Замолчит, нахмурится. Месяц, другой пролетели. Так душу и не распахнул.

...Как-то случилось им возвращаться с работы в поселок втроем, Славка впереди, Ефим и Краснов сзади. Будь Краснов один, замедлил бы Славка шаг. Он чувствует, как буравит глазами Ефим крутой его затылок, и знает, что сейчас они говорят о нем...

— Зачем он нам? Фортелек отколет, считай все насмарку. И охота тебе, Леша, брать его? Да я этих... гадов бы... — Ефим зло сжал кулаки коротких крепких рук.

Рано натер на руках мозоли Ефим, и людей, легко и грязно идущих по жизни, глубоко презирал. Он ненавидел крутой Славкин затылок, саженный размах плеч и молчаливую его усмешку.

Лешка Краснов молчал, думал про себя: «Черт его знает, этого Славку. Где побывал-то... а может, со старым насовсем распростился?»

Было легко и просто бросить в отделе кадров тем, кто сомневался: «А что? и перевоспитаем!» Но все это время Краснов так и не мог поговорить с парнем по душам. Ничего плохого за Славкой он не замечал: работал тот ловко, ему и углы доверяли, но от ребят таился, молчал... Однажды Славка спросил у Лешки осторожно, вполголоса:

— У вас тут... коммуной живут? — Вот бы и начать тогда разговор Алексею, да нет, помнится, буркнул в ответ что-то. А сейчас, слушая злые слова Ефима, он тоже глядел на Славку и думал, что, выходит, он один в ответе за этого парня.

— Бригада наша особая, красновцев вон где знают. Да и Альку бы тоже кому... ну, передать, а, Леха? Смутьян, я тебе скажу. Помнишь драку в клубе... И чего тогда заступился? Нам бы звание уж дали. Эх, гремела бы сейчас красновская бригада... Спросят ведь, какими руками коммунизм строили?

Лешка, скосив глаза, глянул на Ефима. Блеклая майка плотно обтягивала круглые плечи. Только сейчас заметил Лешка, что

Ефим совсем не загорел, и белые руки его в рыжих точках почему-то раздражали Лешку. Он усмехнулся:

— Зря ты от солнышка прячешься.

— Чего? — не понял Ефим.

Лешка думал. «В бригаде — лучший. Тихоня, газетки почитывает. О коммунизме рассуждает... А от солнышка прячется. Чего-то я в нем не понял...»

— У Шабарина, слыхал, людей нехватка. — Вот бы этих двух, а? Это ж между нами... Бригадка будет... Да мы же, Леха, такие дела развернем...

— И славу с тобой вдвоем поделим, — вставил Лешка, — да так на вороных с бубенцами в коммунизм и въедем... Славки там разные рядышком побегут, куда им на тройке... сознание не такое, как у Ефима.

— Ты, Леха, чего взъелся? — обиделся Ефим.

— Дай-ка прикурю. — И Алексей потянулся к огоньку. Они догнали Славку уже у самых палаток.

— Заворачивай с нами, — сказал Краснов, — получка прибыла, твоя первая...

Еще ни разу не приходилось Славке получать зарплату. Там, в степи, все было просто: бывало, подмигнув значительно, протягивал ему Степаныч десяточку, держи, говорит, кровные. И ни расчетов тебе, ни расписочки в ведомости. Был как-то Славка с приятелем на заводе в день получки. В полутемном коридоре у маленького окошечка в стене, толкая друг друга, перебрасываясь словечками, гудели рабочие, а раздраженный, осипший голос кричал из оконца: «Установите очередь... ведь нет же условий».

Здесь, на стройке, все вышло иначе. В прорабской, у стола сидела кассир Шурочка, совсем девчонка, круглолицая, светлобровая, и, поблескивая камушками сережек, отсчитывала деньги, бросая в помятую коробочку из-под леденцов мелочь. Славка сразу представил, как ребята окружат сейчас стол и станут шуметь и как Шурочка просяще будет кричать им: «...ведь нет же условий...» Но Шурочка и не думала выдавать деньги. Она скоро засобиралась.

— Мне еще до третьего добираться, — и начала торопливо повязывать платок на свои светлые и прямые, как солома, волосы. Но ее все отвлекали ребята, и волосы никак не укладывались под платок, а парни еще и на пороге о чем-то говорили Шурочке, и она все хихикала с ними.

Потом, когда, наконец, ушла Шурочка, все подходили к столу, расписывались в сером листочке и отсчитывали себе деньги. И это удивило Славку, как удивляло его многое в этой бригаде. Они не жили, правда, коммуной, так, как представлялось это Степанычу, но Славка видел, что так, как живут красновцы, не живут другие бригады, и он все хотел понять, почему это, но спросить было как-то неловко...

Сейчас его удивило, как они получали деньги, сами, каждый брал столько, сколько стояло в ведомости против его фамилии.

— Ишь ты, — подумал Славка, — полное, значит, доверие и ему, Славке. Подходи, бери. А если... и он испугался мыслей, которые вдруг мелькнули у него в голове. Он и не знал, что они, эти липкие, черные мысли, все еще сидят в нем глубоко, притаясь, готовые в удачную минуту захватить его врасплох. В волнении он оглянулся, но никто не обратил внимания на Славку и, сунув хрустящие бумажки в карман, он вышел из прорабской...

А вечером, когда в прорабскую подошли за получкой остальные из Лешкиной бригады, с дальнего участка, выяснилось, что денег не хватает. Аня Мальцева (она получала деньги последней) растерянно стояла у стола, в который раз пересчитывала бумажки и, потряхивая коробочкой, перебирала мелочь. У стола, окружив Аню, гудели парни.

— Не хватает двадцать пять... Как же, а? — И Аня снова бралась за деньги.

— К Алексею бы, — предложил кто-то.

— Да подожди ты, чего сразу тревожить. Дай-ка я сосчитаю.

И они снова считали, хотя и так было ясно, что нет двадцати пяти рублей и нечего зря заглядывать в ведомость, надо просто подумать, как такое могло случиться. И тогда мысль, мелкая, гаденькая, подобралась к ним и стала назойливо стучаться. Они гнали ее прочь, потому что привыкли верить друг другу, но ведь случилось же такое... с деньгами. А гаденькая мысль жила, стучалась. Чтобы прогнать ее, торопливо и громко сказала Мальцева:

— Кто-нибудь случайно... все же сегодня торопились... Суббота.

— И верно. Идем к Алексею. Еще никто не уехал, пожалуй.

В палатке, где жил Алексей, было шумно, примеряли галстуки, брились, заглядывали в круглое маленькое зеркальце — по субботам бригадой выезжали в район. В случившееся никто не поверил: «Да бросьте, считать не умеете! У красновцев-то такое...»

Алик Стручков, вытряхнув карманы, выложил деньги на стол:

— Вот они мои, считайте...

Тогда Ефим, молчавший до сих пор, бросая в тишину каждое слово, сказал, не глядя на Славку:

— Чего мудрить... ясное дело. Заведется в стаде блудливая овца...

Сразу стало тихо.

«Ух... х», — выдохнул Алик.

— Я тебе говорил, Леха, нашкодит он. Руки-то липкие... — Ефим не успел договорить.

Славка, шагнув сразу на середину, где стоял Ефим, широко размахнувшись, ударил его по щеке. Тот закричал в ту же секунду, бочком наступая на Славку:

— Ты что, а? Ворюга паршивая... Думал, никто не узнает... Ты драться, да? Алеха, ребята. Как же... ворюга опозорил...

Не взглянув на ребят, Славка вышел из палатки.

— Ты... молчи... Ефим, — зло, почти шепотом выдохнул Алексей. — Тебя кто это просил?! Да как ты... Ты догонишь его сам, слышишь, ты не вернешься без него сюда, понял?

А Славка шагал прочь от палатки, и острые желваки ходили на скулах. Он шел мимо палаток, где-то в синем вечере бренчала гитара, кто-то назойливо звал: «Валечка, ну, Валечка же»... Он шел мимо этих звуков, мимо уже мерцающих сквозь бока палаток бледных огней, туда, где чернела дорога. Запахи, степные запахи, такие знакомые, кружили сейчас вокруг него...

«Думал, эти уж не напомнят... А они — как все... Не поверили, все-таки не поверили...» — стучало в голове и гнало его прочь от палаток, к черной дороге...

Уже ночь совсем притаилась в поселке, когда в палатку пришла Шурочка. Забрызганная грязью, со сбившимся на плече платочком, она устало опустилась на табурет и едва слышно спросила:

— Ничего не случилось, ребята, а? Я ведь вам не досчитала нынче. Спешила на третий. Ничего не случилось, ребята, а?

За всех ответил Алексей и сказал как можно спокойнее.

— Так и думали мы. И не стоило ночью к нам тащиться, такая даль — с третьего-то. Ничего не случилось, Шурочка. Ничего не случилось.

...До встречи с комсоргом оставалось совсем немного времени. Как объяснить ему все случившееся, если и сам Краснов не был уверен, правильно ли он поступил, отложив собрание? Алексей еще не знал, о чем и как будет говорить со Славкой. Чувствовал только большую свою вину перед парнем. И как проглядел он Ефима, не заметил то мелкое и гаденькое в нем, что при случае вот так сразу прорвалось? Думал вот — процентики главное...

Ефим и Славка вернулись тогда вместе. Может быть, и не стоило откладывать собрание? Вернулся Славка... Только вернулся ли к ним, к людям душой своей? И он чувствовал, хотя и не знал еще, как это сделать, что должен вернуть Славке веру в людей, должен многое увидеть и понять в своих ребятах. И Алексей отложил собрание.

...До встречи с комсоргом оставалось совсем мало времени. А Краснов так и не решил, правильно ли он поступил...

Николай Денисов

ВЫСОКОВОЛЬТНИКИ

День пропитан
потом и соляркой...
И когда
беремся за работу,
Даже
в сорок пять
бывает жарко —
Кажется,
что лезем
в пекло к черту.
И большой
железной
кочергою
Угли дел
мы ворошим упрямо...
И восходят
зори
над тайгою
Искрами костров
из пекла прямо.
Ночи бесконечны...
Дни коротки...
Просека летит
навстречу солнцу...
Мы среди опор
высоковольтки
Сами, точно боги, —
чудотворцы!

* *
*

Алексей Парыгин

По сельским улицам
нешибко
Обычный катит грузовик.
Но все колхозники
с улыбкой
Глядят в кабину напрямик.
Там за рулем
сидит девчонка,
Косички хвостиком торчат.
А синь в распахнутых
глазенках
От счастья горяча.

Какой-то дед,
седой и старый,
Ворчит под нос:
— Пошла пора:
Мужчины тянутся в дояры,
А бабы лезут в шофера.
Оно, конечно,
труд не женский,
Но интересно, видно,
страсть!
И вслед девчонке
деревенской
Глядит, тревожась
и гордясь.

Из венгерских впечатлений

КОФТОЧКИ

Магазины всегда были
слабостью женщин,
С этим приходится
просто мириться...
ГУМ будапештский
московского меньше,
Но тоже хорош.
Столица.

А сколько других —
в витринах все улицы.
Эх, форинтов мало,
какое горе!
Русские девушки
ходят, любуются,
Долго о кофточках
модных спорят.
Чего же тут спорить,
нравится что-то —
Зайди и купи,
рассей наваждение.
Но девушкам просто
поспорить охота —
Какое ведь все-таки
наслаждение!

А после выбрать,
что всех красивей,
Примерить, прикинуть,
взвесить все «за»
И сладко погрезить,
что кто-то в России
По-новому взглянет
в твои глаза.
Девушки спорят,
хвалят и хают
И не видят, что рядом,
у девичьих плеч,
Русский майор
всем сердцем вдыхает
Родную, горячую
милую речь.

Владимир Петонов

НА БАЙКАЛЕ

На Байкал опустилась кошма темноты.
Свежий воздух размяк от ночной теплоты.

Одинокая в воду упала звезда,
И ее поглотила тугая вода.

Меч монгольский луны разрубил облака.
Беспокойно кряхтит в своем ложе Байкал,

Он вздыхает во всю богатырскую грудь:
Старику лунный отблеск мешает уснуть.

Перевел с бурятского
Виктор Киселев

Солбон Ангабаев

В ТАЙГЕ

Молчаливы горные вершины,
Не встревожит гулкий выстрел их.
Я несу и в рощи, и в долины
Не беду, а задушевный стих.

На тропе, ведущей к водопою,
Не пошлю я пулю кабарге.
Звонкой поэтической тропою
Я иду по девственной тайге.

Подойди сюда, коснись, сохатый,
Рук моих шершавым языком.
Я сегодня рифмами богатый
И пропитан солнечным стихом.

Горные вершины молчаливы,
Не встревожит их разбойный гул...
Я в тайгу хожу не за поживой,
За стихами я хожу в тайгу.

Перевел с бурятского
Виктор Киселев

Леонид Красовский

Новоселье

Рассказ

— Ты, Алешка, старик, — сказала Тайка. Это потому, что он, Алешка, не хотел уезжать со старой квартиры. Как бабушка. Когда папа принес синюю бумажку и сказал: «Третий этаж», — бабушка заплакала.

— Никуда я не поеду, — а сама стала собирать вещи. — Как вы меня оттуда выносить будете?

Алешка подумал и тоже сказал:

— И я тоже не поеду. Как вы меня будете выносить?

Сестренка Тайка — хитрющая девчонка. Ей-то в новом доме будет лучше. Школа рядом. Алешке до школы еще целых два года. Это же очень, очень много! Когда хочешь поскорее стать большим, время тянется, как нитки на бабушкином клубке. Дни пролетают незаметно, а вот годы ну никак не хотят идти побыстрее!

Папа посадил Алешку на колени и спросил:

— Почему ты не хочешь ехать в новый дом?

— А бабушка почему не хочет? — спросил и Алешка.

— Ну, она старенькая...

— А я новенький? Все равно не поеду. — Алешка строго посмотрел на Тайку, которая укладывала книги в чемодан, и добавил: — Сама ты старуха.

Мама засмеялась.

— Вот видишь, ты новенький и дом новенький. Вы подружитесь.

Алешка заколебался. Против маминых слов он ничего не мог возразить, но ему хотелось сказать: «Значит, если бабушка старенькая, ей надо оставаться в старом доме?»

Но Алешка промолчал. Он ведь тоже хитрый. Как он будет без бабушки? Уж лучше помолчать. Он спрыгнул с папиных колен и стал собирать свои игрушки.

Потом папа пошел «ловить машину». Алешка просил взять его с собой, со слезами на глазах доказывал, что он сильный и поможет папе держать машину, когда он поймает ее. Мама не отпустила, а Тайка еще сказала:

— Не пускай его, мама, не пускай. Он ведь такой гулена, убежит еще от папы.

«Противная, — подумал Алешка. — Мамины слова повторяет. Подожди, вот я тебе посажу на тетрадь бо-о-ольшущую кляксу».

Когда все вещи погрузили на машину и бабушка взяла Алешку за руку, чтобы посадить в кабину, из подъезда вдруг выбежал Колька. Соседский мальчишка. Он протягивал зеленый заводской грузовик.

— Леска, Леска! — кричал он. — Твоя масына!

Алешка остановился, шагнул было к Кольке. И вспомнил, как Колька ревел, когда он не давал ему игрушки. Алешка глянул на маму и несмело сказал:

— Знаешь, Колька, пускай тебе будет...

Он думал, что мама сейчас рассердится, и очень обрадовался, когда она улыбнулась.

— Бери, Коля, играй.

Дядя Матвей, тот, который говорит непонятно, распахнул ворота. На прощанье он крикнул папе:

— Зови обмывать квартиру-то!

Ну вот, значит она еще грязная, новая квартира. То ли дело в старой! Бабушка хоть и в очках, а ни одна пылинка от нее не скрывалась.

Шофер был почему-то сердитый. Наверное, потому, что его машину поймали. Выехали из ворот, шофер вздохнул и сказал бабушке:

— Эх, вводите вы меня в грех! Сейчас ведь так строго насчет того, чтобы налево ездить, — и свернул направо.

Конечно, направо! Алешка знал это твердо. Он даже для большей убедительности пошевелил правой рукой. Вот чудной дяденька! Ездит направо и чего-то боится.

Он хотел сказать об этом Тайке, но она смотрела в окно с таким задавацким видом, что Алешка отвернулся. Он молчал всю дорогу. Не вытерпел только в конце, возле нового большого дома. Как тут было вытерпеть, если этот дом такой красивый и большой!

— Как мои кубики! — засмеялся Алешка.

Стены дома были разрисованы разноцветными квадратами. И большие окна были квадратные. А что творилось возле подъездов! Выскочив из машины, Алешка застыл с открытым ртом. Вокруг ревели машины, кричали люди, трещали вещи. Какая-то толстая тетя пыталась затащить в дверь огромнейший черный буфет с круглыми шишками по бокам. Какой-то дядя тащил его обратно.

— Пусти, изверг! — кричала тетя. — Зачем вез?

— Брось ты его! — кричал и дядя. — Вез, вез!.. Привык к нему, а здесь куда его?

«Если они бросят этот буфет, — подумал Алешка, — шишки обязательно отлетят. Красивые будут игрушки».

Кто-то схватил Алешку и приподнял над землей. Это была мама. Она понесла его на третий этаж, открыла ключом белую дверь. Вот она, новая квартира! Большущая, светлая и — пахучая. Запах краски понравился Алешке. Когда мама опустила его на пол, он кинулся вслед за Тайкой. Сестренка важно прошагала в маленькую комнату и поставила в угол свой портфель. Не обращая на нее внимания, Алешка обследовал все закоулки, поглядел в каждое окно, выглянул на балкон, потрогал ручки газовой плиты, проверил все краны и под конец дернул красивую белую грушу на цепочке.

— Горшок шипит! — обрадовался он.

Мама выдворила его из туалета и велела никуда не отходить от Тайки. Алешка не спорил. Зачем спорить? Мама сразу же забыла о нем, побежала помогать папе вносить вещи. Побродив еще немного по квартире, Алешка вышел на площадку. Со всех этажей слышались гулкие голоса. Мимо то и дело торопливо проходили люди. Кто нес узел на плечах, кто чемоданы. А вот показался и черный буфет.

«Не бросили», — пожалел Алешка.

Буфет был очень большой. Он занял всю площадку. Убегая от него, Алешка забился в угол. Но и там мешал буфету. Толстая тетя, красная от натуги, сердито зыркнула на Алешку:

— Ну, чего ты, чего тут слоняешься?!.

Алешка пробрался к своей двери. И сказал тоже сердито:

— Сама ты, тетя, слон.

Тетя чуть не уронила буфет. Алешка даже запрыгал от радости. Он знал уже, что тетя ни за что не бросит свой буфет, потому что тогда отлетят шишки. Она очень хотела, наверное, надрать уши Алешке, но не могла этого сделать. Шишки были дороже ушей.

Наконец буфет втиснулся в коридор квартиры. И Алешка увидел... собаку. Настоящую, большую собаку. Она улыбалась Алешке и виляла хвостом.

— Пальма, сюда! — приказал дядя, который шел за ней.

Пальма послушно отошла от Алешки.

— Ты, малыш, не бойся, — улыбнулся дядя усами. — Она не кусается.

— А я и не боюсь, — ответил Алешка.

— Вот как! — Дядя стал открывать дверь напротив Алешкиной.

Пальма нетерпеливо повизгивала. И едва приоткрылась дверь, скользнула в квартиру.

Дядя оглянулся. Он понравился Алешке. Оттого, что у него была настоящая собака. И оттого, что у него были добрые черные усы.

— Заходи, сосед, если ты такой смелый.

— Хорошо, — сказал Алешка и вошел в его комнату.

— Как тебя звать? — спросил дядя.

— Алешкой. А вас?

— Дядя Петя.

Пальма бегала из угла в угол, стуча когтями по гладкому полу. На ошейнике у нее позвякивал белый жестяной кружочек.

— Что это? — спросил Алешка, приседая и показывая пальцем на кружочек.

— Что? — не понял дядя.

— Ну, у Пальмы.

— А, номерок.

Алешка удивился.

— Почему? Она же не сдала в гардероб свою шубу.

Дядя засмеялся.

— Ты забавный малыш! Ишь, выдумал! Это ее номер, понимаешь?

— Она же не машина, — не успокаивался Алешка.

Дядя снова засмеялся.

— Нет, не машина. Это, чтобы она не потерялась.

— А-а-а... До свидания.

— Куда же ты?

— Гулять.

— Ну приходи еще. Вот у Пальмы будут маленькие собачки, я дам тебе одну. Хочешь?

— Настоящую? — Алешка не поверил, но глаза его зажглись. Он не поверил, но ему очень хотелось поверить.

— Настоящую, — сказал дядя.

— Хочу. Только скажите Пальме, чтобы побыстрее были собачки.

— Хорошо, скажу.

Алешка вышел из квартиры дяди Пети. На площадку все еще высовывался черный буфет. В коридоре он заклинился окончательно. Толстая тетя была в квартире, по ту сторону буфета. Дядя — на площадке. Тетя топала ногами и кричала:

— Изверг, как я теперь?!

Дядя подмигивал Алешке и отвечал с улыбкой, но так грустно-грустно:

— Маша, что же теперь? Как же? Хоть топором его круши.

— Круши! — вскрикнула тетя и добавила: — Изверг!

Дядя куда-то убежал. Алешка заглянул в соседнюю квартиру. Хотел уже переступить порог, но... за спиной послышался Тайкин голос.

— Вот он, гулена! — закричала она. — Мама, вот Алешка!

Вечно эта Тайка! Шпионка!

Мама привела Алешку в квартиру. Тут все на него как накинутся! И мама, и папа, и бабушка, и Тайка.

— Где был?

Говорить или не надо? Он посмотрел на папу. Глаза у папы были совсем не сердитые. Поэтому Алешка ответил откровенно:

— У Пальмы был.

Мама всплеснула руками.

— У какой Пальмы?

— Ну, у которой дядя Петя.

Бабушка пожала плечами, папа и мама засмеялись, а Тайка проворчала: «Гу-ле-на.» Почему? Что здесь особенного?

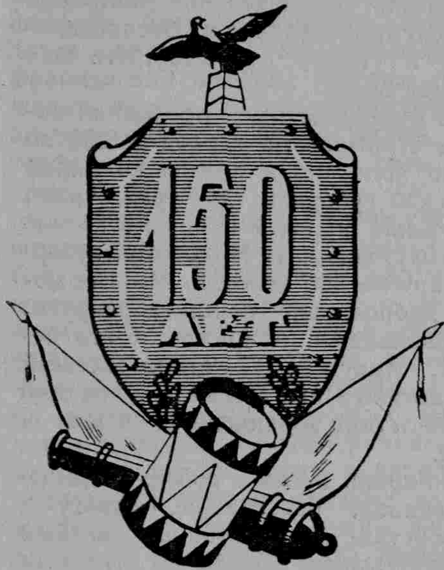
— Тая, — сказала мама, — умывайся и умой Алешку. Вам пора кушать и спать.

Ничего не поделаешь. Алешка дал себя умыть, поужинал, сам разделся и забрался под одеяло. Только он долго не мог уснуть. На потолке бегали незнакомые тени. В старой квартире были не такие, спокойные. Они просто смотрели в окно и молчали. А здесь тени шелестели, заглядывали в окно, карабкались по стенам, срывались и снова карабкались. Кто это? Алешка не знал.

Алешка спрыгнул на пол и на цыпочках подошел к окну. Он увидел внизу фонарь. Белый шар раскачивался от ветра. То прятался наполовину за дерево, то выглядывал весь. Алешка тихо засмеялся.

— Ага, это ты, дерево!

Он снова лег в постель. Долго думал о том, что надо обязательно узнать весь дом и другие новые дома. И дерево, которое будет расти вместе с ним.

В. И. Дулов

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДВИГ СИБИРЯКОВ В 1812 ГОДУ

Народы нашей страны и все прогрессивное человечество отмечает в этом году 150-летие Отечественной войны 1812 года, которая вошла в историю как одна из ярких страниц борьбы русского народа против иностранных захватчиков, как беспримерный воинский подвиг русского народа.

Война, начатая Наполеоном против России, велась в интересах крупной французской буржуазии, стремившейся к установлению мирового господства. Она носила открыто империалистический, захватнический характер. Первые же дни наполеоновского вторжения показали русскому народу, что ему угрожает опасность национального порабощения, поэтому с самого начала для России война стала освободительной, отечественной. Стеной стал русский народ на защиту отчизны и в мужественной борьбе против захватчиков снискал себе бессмертную славу. Героическими усилиями русской армии, предводительствуемой великим полководцем Кутузовым, народных ополчений, бесстрашных партизан и всего народа армия французских завоевателей была уничтожена.

В титаническую борьбу с захватчиками внесла свой вклад и Сибирь.

Жители нашего края не сразу узнали о нависшей над страной опасности. Манифесты правительства Александра I о нападении Наполеона на Россию были получены в Иркутске 6 августа по старому стилю, то есть через полтора месяца после начала войны, когда русские войска уже оставили Смоленск. Иркутяне были извещены о войне немедленно, а остальное население Иркутской губернии узнало о ней в середине и даже конце месяца (в г. Киренске 20 августа, а в Якутске в начале сентября). Информация в те времена не отличалась богатством форм и средств, но она существовала. В губернских типографиях перепечатывались правительственные распоряжения, «Известия из армии о военных действиях» и рассылались по городам и селениям.

Министерством полиции публиковались объявления о зверствах и грабежах вражеских солдат в занятой ими Москве и других городах. Широко распространялись также дипломатические документы: договоры, конвенции России с другими государствами. Сверх того сочинялись и местные воззвания, распространяемые также в печатном виде. В одном из воззваний, напечатанных в Иркутске, так определялись цели Наполеона в войне:

«Бонапарт, почитая род человеческий толпою глупцов, сотворенных для того, чтобы лишить их обманом или силою щастия и жизни, положил в уме своем: напасть на Россию, как на спящего льва и, растерзав ее, обратить все силы Европы на покорение Англии; а потом, имея во власти своей все моря, перенести

огонь и меч в прочие страны света. И тем довершить завоевание или опустошение всего мира».

Так как процент грамотных был тогда крайне низок, то все подобного рода обращения и царские манифесты зачитывались на собраниях мещан, купцов, сельских мирских сходах и в других публичных местах. Так же информировалось население и о ходе войны. В «Известиях из армии о военных действиях» кратко описывались отдельные боевые столкновения русской армии с французской, определялись наши и неприятельские потери, сообщались рапорты главнокомандующего армиями М. И. Кутузова и донесения на его имя от командиров частей об успешных операциях против врага. Эти сообщения о боевых подвигах русской армии вселяли в народ твердую уверенность в победе над захватчиками. Вся довольно несложная информация того времени способствовала более или менее правильному пониманию широкими массами населения характера и смысла отечественной войны, она призывала народ «воодушевиться пламенным усердием и ревностно, не щадя ничего возможного для отражения врагов отечества» и в этом отношении достигала своей цели.

Население Сибири, горячо и страстно любящее свою родину, в самых различных формах проявило в 1812 году подлинный патриотизм. Это патриотическое движение сибиряков выявилось прежде всего в желании непосредственно участвовать в боях против наполеоновской армии. На крестьянских сходах и собраниях горожан принимались решения о готовности взяться за оружие для борьбы с наглым захватчиком. Вот что писали в своем приговоре 395 крестьян Абалакской волости Тобольской губернии: «Единогласно и совокупно желаем к поднятию оружия противу борствующего врага, на что всегда будем по востребованию, сколько начальству угодно будет, все готовы, оставя в домах наших только жен, малолетних детей и удрученных старостью старцев». И это был не единичный приговор. Подобные решения принимались во многих других местах Сибири. Они свидетельствуют о высоком и сознательном патриотизме сибиряков, полностью отвергая клеветнические утверждения русских и иностранных буржуазных историков о том, что русский народ поднялся против Наполеона только потому, что его солдаты грабили русского крестьянина. Сибирь была далека от театра военных действий, сибиряки увидели французов только в качестве военнопленных, поэтому непосредственно французский солдат-мародер не приносил им зла. Все поведение сибиряков в 1812 году было продиктовано их беспредельной любовью к своему отечеству, это был акт сознательной воли.

С большим подъемом тогда проходили наборы рекрутов в армию. За период с 1806 по 1812 год было призвано в армию из одной только Иркутской губернии до трех тысяч рекрутов. Особенно большие наборы в армию были в 1812 году, когда из Иркутской губернии пошло в армию 566 человек. Многие молодые люди добровольно пошли в рекруты. Такими добровольцами, например, были ремесленники г. Иркутска 17-летний Алексей Хабардин, 18-летний Иван Месихин, 20-летний Петр Гулец, 26-летний Афанасий Тюрюмин и многие другие.

Рекруты-сибиряки несли с собою в армию суровость, закалку, бесстрашие, отвагу и смелость — свойства, выработанные веками упорной и кропотливой борьбы со стихиями природы, свойства, воспитанные бесконечной любовью к родному краю, они несли в армию беспредельную преданность отчизне.

Царское правительство, боясь вооружения всего народа, всячески ограничивало приток в народные ополчения. Оно, в частности, запретило поступать в них сибирякам. Однако, несмотря на запрещение, многие добровольцы выезжали из Сибири и вливались в отряды народных ополченцев. Так в состав казанского народного ополчения вошли иркутяне Иван Круглов, Иван Корсаков, Осип Педин, Алексей и Иван Шелковниковы. В рядах петербургского народного ополчения сражался известный впоследствии декабрист В. И. Штейнгель, долгое время служивший в Иркутске, Кяхте и Охотске.

Воины-сибиряки сражались против наполеоновских солдат исключительно храбро и отважно. В героической обороне Смоленска стойко держался Селенгинский пехотный полк, нанесший врагу значительный урон. Полк потерял в бою три четверти своего состава и только после этого отошел на новые позиции. В этом бою безымянный тобольский гренадер у Реченского предместья Смоленска заколол штыком несколько десятков вражеских солдат и одного генерала. Боевое крещение здесь принял доброволец-сибиряк, впоследствии майор русской армии, А. В. Камаев. Сибирские полки участвовали в боях за Гжатск, Вязьму, Бородино, под Тарутино, Малоярославцем, Красным, на Березине, под Гамбургом, Лейпцигом, они брали Париж. Доблестные сибирские полки — Тобольский, Селенгинский, Томский, Сибирский и Иркутский — покрыли себя неувядаемой славой на

Бородинском поле. Сибиряки, как львы, защищали батареи Раевского. О русских солдатах, дравшихся на батареях Раевского, французский генерал Сегюр, участник сражения, писал, что они «упорствовали, доходя до остервенения. Было видно, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды перед нами и, несмотря на то, что их беспрепятственно отбрасывали, они снова под предводительством своих генералов вступали в битву и шли умирать у подножия окопов, возведенных их руками...» «Они яростно защищались, — говорит он в другом месте, — закрывая таким образом дорогу к Москве, которая для них была святыней...» Несмотря на огромные потери от артиллерийских залпов и непрерывных атак французов, сибиряки не уходили со своих позиций. Сибирский драгунский полк не оставил их даже тогда, когда в его рядах осталось всего лишь 120 солдат и 3 офицера. За боевые заслуги в Отечественную войну сибирские полки были награждены знаменами, серебряными трубами (Сибирский, Уланский полки дважды) и другими знаками отличия.

К сожалению, архивные материалы не сохранили нам имен большинства героев-сибиряков, дравшихся против Наполеона. Известны лишь немногие из тех, кто прошел всю войну и вернулся на родину. В 1819 году возвратился домой после 25-летней службы в армии участник войны 1812 года, рядовой Иркутского гусарского полка крестьянин д. Туруки, Орленгской волости, Киренского уезда, Иркутской губернии, Михаил Емельянович Харитонов. Ветеран войны, Харитонов в 1812 году, как то свидетельствует его послужной список, с 16 июня по 5 августа участвовал «в разных отрядных и аванпостных делах», то есть в стычках с неприятелем, перешагнувшим границу и вторгшимся в Россию. Он, далее, действовал в сражениях под Смоленском, Дорогобужем, Вязьмою, Гжатском, Бородином и другими городами России, он был и в заграничных походах 1813—1815 гг. За заслуги в войне 1812 года Михаил Харитонов был награжден серебряной медалью в память о войне 1812 года, знаком отличия Анны и серебряной медалью за взятие Парижа. Эти же знаки отличия украшали грудь рядового из крестьян с. Бадаринского, Карапчанской волости, Киренского округа, Василия Никифоровича Зарубина и крестьянина д. Высоковской, Орленгской волости (ныне Усть-Кутского района), Киренского округа, Алексея Дмитриевича Высоких, бывшего прапорщика Суздальского пехотного полка.

Таких сибиряков, прошедших через пламя Отечественной войны, со славой пронесших в ней победное знамя доблестной русской армии и вернувшихся после окончания войны домой, было, конечно, больше. Можно представить себе, какою гордостью наполнялись сердца их односельчан за ратные подвиги своих земляков, воинов русской армии. Сколько нового, необычного, расширявшего умственные горизонты пытливого сибиряка приносили возвратившиеся в родные села и города участники войны, прошедшие с боевым оружием по полям России и Европы, познавшие горечь поражений и радость побед, закалившие в них свои сердца и волю. Славу о боевых подвигах своих земляков по дорогам обширного края разносили лихие сибирские ямщики.

Патриотическое движение сибиряков в 1812 г. ярко выразилось в сборе денежных средств и вещей для армии. Сибирское население внесло значительный вклад в фонд национальной обороны страны. Всеми силами и средствами народ крепил оборону страны, не жалея ничего для разгрома врага.

Рабочий, изнурительным трудом добывающий себе хлеб насущный, крестьянин, «коего (по выражению иркутского губернатора) все состояние заключается в полосе земли, орошаемой им кровавым потом», и все те, у кого билось благородное сердце патриота, вносили свою лепту в дело защиты отечества.

С уважением мы преклоняемся перед трогательным поступком нашего земляка Белкина. Мастеровой Барнаульского завода, Белкин был обременен огромной семьей. Он и его жена жили впроголодь и ходили полунагими. Тщетны были все усилия трудолюбивого и старательного рабочего выйти из нищеты. Бедность чем дальше, тем все больше душила Белкина и его многочисленное семейство. Только на крайний случай жизни у него хранилось немного денег, оставленных отцом. Но вот пришел 1812 год. Узнав о вступлении в Россию Наполеона, Белкин сдал в казначейство последние свои пять рублей. Когда чиновник, принимавший деньги, был поражен таким взносом бедняка и выразил удивление, Белкин сказал: «Эти деньги оставил мне отец при смерти своей, завещая, чтобы я берег их на черный день. Слыша, в каком положении наша святая Русь, я рассудил, что для всех нас не может быть дней чернее нынешних, и потому, исполняя последнее желание родителя моего, прошу принять мои деньги». В этих бесхитростных и искренних словах, в самом бескорыстном поступке выразилась тревога рабочего за судьбы отечества.

Патриотический поступок Белкина вошел

в историческую литературу об отечественной войне 1812 года как пример беззаветной любви народа к своему отечеству (См. Г. Богданович, История Отечественной войны 1812 года. М., 1959, т. II, стр. 91).

Примеру Белкина следовали и другие рабочие алтайских заводов. Только на одном Змеиногорском руднике среди рабочих в течение недели было собрано полторы тысячи рублей. Рабочие вносили в фонд обороны от 25 коп. до 1—2 руб. Так алтайский угольщик Яков Пастухов внес 50 коп., плавильщик Петр Рудокоп — 1 руб., углевоз Иван Гаврилов — 20 коп., обжигальщик Осип Молодцов — 50 коп., плотник Василий Козьмин — 50 коп., кузнец Никита Соломин — 2 руб. и т. д. Всего жители Алтая — основного тогдашнего промышленного района Сибири — собрали около 68 тысяч рублей.

И так по всей Сибири: народ вносил в казначейство деньги, сдавал предметы, вещи и все, что могло помочь уничтожению врага. Крестьяне везли зерно, мясо, кожи, чулки, рукавицы; ремесленники — свои изделия; рабочие вносили деньги. Иркутский губернатор, подводя итоги сбора средств для «отражения врагов отечества», отметил, что все «население ему вверенной губернии спешит ознаменовать в настоящих обстоятельствах сыновную любовь свою и усердие к отечеству».

«В числе сих усердствующих людей,—подчеркивал он, — особенно отличились при Тельминской суконной фабрике не только чиновники, но даже рабочие люди, имеющие все богатство свое в службе и тягостных трудах и принесшие на пользу отечества до 6 000 рублей». А ведь материальное положение рабочих первой сибирской мануфактуры Тельминской было отчаянное, бедность их доходила до крайности. Иркутская губерния к тому же, как и другие сибирские районы, пережила два неурожайных года, и обычная дороговизна в крае в то время еще больше усилилась. Голодающие крестьяне Киренского округа, питавшиеся, по донесению местных властей, лебедой и древесной корой, своими пожертвованиями являют пример высокой любви народа к отечеству. 26 сентября 1812 года Киренский уездный исправник доносил Иркутскому губернатору, что жители Подымахинской волости собрали пожертвований 343 рубля (надо понять всю значительность этой суммы при тех денежных сбережениях, которые имела тогда деревня) и различные вещи, среди них $6^1/_2$ аршин сермяжного сукна, рукавицы и другое.

Более крупный взнос сделали крестьяне Нижне-Илимской волости — они сдали 1151 руб. 70 коп. серебром; крестьяне Витимской волости — 375 руб. Много денег и вещей собрали крестьяне других волостей Иркутской губернии.

Жители города Иркутска в своем подписном листе писали: «Иркутские мещане, воодушевленные ревностью к пользам государственным и любовью к отечеству, по убеждениям собственных чувств своих на всеобщее вооружение, ополчившиеся для отражения врагов отечества нашего при настоящих обстоятельствах всякой по мере сил и возможностей приносят в пожертвование». Дальше идет список вносивших. Сумма взносов была от рубля до 25—60 руб. Всего иркутское мещанское общество пожертвовало 5075 руб.

Жители г. Киренска также внесли большую сумму деньгами, вещами, в том числе золотом и серебром (две золотые ленты весом в 17 золотников, две серебряные цепочки в 14 золотников и т. д.)..

По всей Иркутской губернии только за август и сентябрь 1812 года было пожертвовано деньгами, золотом, серебром и пушниной более 50 тысяч рублей, а за весь год — более 170 тысяч. Кроме того, в начале 1813 года иркутянами было пожертвовано 23 тысячи рублей на помощь населению, пострадавшему от нашествия Наполеона. Сумма пожертвований по Томской губернии достигает 120 500 руб., по Тобольской губернии было собрано более 168 тысяч руб.

Таким образом, общая сумма пожертвований сибиряков на нужды фронта деньгами может быть исчислена в полмиллиона рублей, что же касается предметов и вещей, пожертвованных сибиряками воинам русской армии, то их число неизвестно, но должно быть весьма значительным. Главными участниками создания этого фонда обороны были простые люди, трудящиеся классы, народ. Богатые, а в Сибири они были представлены прежде всего, с меньшим рвением относились к сбору средств. В конце сентября 1812 года иркутский губернатор констатировал, что иркутское купечество «остается без всякого столь в важном государственном деле достижения и не приемлет с прочими участия в горячейшем стремлении на глас призывающего отечества». «Способнейший» иркутский купец Михайло Мыльников (по фамилии этого купца в Иркутске называлась улица, сейчас Российская) внес 5 руб., другой купец Иван Зайцев — 10 руб. Такими же подачками отделались и некоторые другие купцы. Для тунеядствующего купечества, нажившего огромные состояния грабежом трудового народа, собственные эгоистические интересы были выше

интересов государственных, национальных. Только путем прямого нажима со стороны губернатора иркутские купцы позже внесли некоторую сумму денег. Конечно, среди купцов встречались отдельные передовые представители, которые близко к сердцу принимали нужды обороны отечества и сделали значительные пожертвования на армию.

По свидетельству исторических документов, с энтузиазмом участвовали в укреплении национальной обороны буряты, якуты, эвенки и другие народности Сибири, которые внесли большое количество мяса, кожи, рогатого скота и лошадей. Так, например, Хоринские буряты через Кяхтинское казначейство передали русской армии тысячи лошадей. Кудинские буряты внесли 600 руб., а Верхнеленские — 800 руб. деньгами. Охотничьи эвенкийские племена жертвовали на дело защиты отечества пушнину, мясо промысловых зверей и дичь.

Содружество народов Сибири, которое складывалось в процессе совместной жизни, в борьбе с классами-угнетателями и на почве защиты родной земли от врагов, еще больше укрепилось в годы Отечественной войны 1812 года. Киргизы, казахи, татары, башкиры, буряты, якуты и другие народы плечом к плечу с русским народом ополчились в эту тяжелую годину на своего опасного врага.

В далекие стойбища енисейских тунгусов (эвенков) весть о занятии французами Москвы дошла только в 1814 году. Все как один, по свидетельству местного начальства, поднялись тунгусы и, вооружившись луками и стрелами, готовились отправиться на оленях изгонять Наполеона из русской столицы. Это единение всех народов России в борьбе с завоевателем Наполеоном имеет большое историческое значение.

Отечественная война 1812 года оказала большое влияние на общественную мысль Сибири. Победа народа над французскими захватчиками воодушевляла местных писателей и поэтов. Иркутянин, известный сибирский писатель Иван Тимофеевич Калашников, автор ряда крупных произведений из жизни Сибири, посвятил изгнанию французов из России оду «Торжество России», которая пользовалась популярностью в Иркутске и в других городах Сибири.

Этот общий подъем всего народа в годину страшной опасности спас нашу родину от порабощения ее захватчиками. Французы были разбиты. Позже они с горечью говорили: «Наполеон пошел в Москву, чтобы привести русских в Париж». Но ведь так было и за сто лет до нашествия Наполеона. Разве Карл XII — король шведский — пошел под Полтаву не для того, чтобы привести русских в Стокгольм? Была в истории нашей Родины и более страшная опасность. Кровавый Гитлер тоже пошел на Москву, но дело закончилось тем, что советские воины на развалинах рейхстага в Берлине водрузили знамя победы. Об этих уроках истории не следует забывать современным маньякам и авантюристам, пропагандистам «холодной войны».

Чествуя ныне 150-ю годовщину Отечественной войны 1812 года, этой великой народной эпопеи, мы с гордостью отмечаем активное участие в ней наших земляков. Они вместе со всем русским народом в 1812 году совершили бессмертный патриотический подвиг.

В. Т. Агалаков

ЕМЕЛЬЯН ЯРОСЛАВСКИЙ В СИБИРИ

Емельян Ярославский! С именем этого виднейшего революционера, самоотверженного борца за дело трудящихся, пламенного пропагандиста идей марксизма-ленинизма, крупного ученого и публициста тесно связано революционное прошлое нашего края, история большевистских организаций Сибири. Здесь началась его революционная деятельность, здесь он получил «боевое крещение» в борьбе с самодержавием, сидел в тюрьмах, был на каторге. И после победы Великого Октября Емельян Михайлович не порывал связи с Сибирью, активно участвовал в работе ее партийной организации, являлся одним из создателей широко известного журнала «Сибирские огни» и других сибирских изданий.

1

Емельян Михайлович Ярославский[1] родился 19 февраля 1878 г. в Чите в семье ссыльнопоселенца. Отец Емельяна Михайловича, уроженец Балты (на Украине), за уклонение от службы в царской армии был осужден и сослан на вечное поселение в Сибирь. Это был образованный человек своего времени, хорошо знавший литературу, ряд языков и т. д. Мать, баргузинская крестьянка, все свои силы отдала семье, воспитанию своих детей (их было тринадцать, из них трое умерли в детские годы). Большую семью никогда не покидала нужда, и поэтому Емельяну и его братьям очень рано пришлось пойти на заработки. Уже с 9 лет Емельян работал в переплетной мастерской, затем перешел в аптекарский магазин, где первоначально выполнял обязанности «мальчика». В эти еще детские годы у него пробудилась страсть к знаниям, книгам. Емельян много читает, упорно готовится и успешно выдерживает экзамен за 4 класса гимназии.

Еще юношей Емельян Ярославский стал принимать деятельное участие в революционных ученических кружках, а с 1898 г. начал создавать социал-демократические кружки на Забайкальской железной дороге. Это была пора неудержимого роста рабочего движения, формирования социал-демократических организаций, время борьбы за создание марксистской партии в России. Первыми, с кем молодому революционеру удалось установить связь, были рабочие железнодорожных мастерских В. Нешумаев, К. Кузнецов, П. Киселев и др. Вскоре (1900 г.) в Читу приехал молодой рабочий, иркутянин Иннокентий Воронцов, один из видных деятелей революционного движения в Сибири, и вошел в созданный Ярославским кружок. Затем в кружок вошли Н. Дзержко, И. Горшков, К. Калмыков, Александр Кузнецов, И. Вайнштейн, М. Губельман. В конце 1901 г. в группу Ярославского включились рабочие из Эстонии супруги Реймон, Столяров и др.

В социал-демократических кружках, которыми руководил Ем. Ярославский, читалась нелегальная литература, горячо обсуждалось тяжелое, бесправное положение рабочих; члены кружков знакомились с развитием революционного движения на Западе и в России. Особое внимание обращалось на изучение марксистской литературы, например «Манифеста Коммунистической партии». С появлением ленинской «Искры» и проникновением в Забайкалье ленинских работ, ленинских идей формирование социал-демократических кружков шло под их первостепенным влиянием.

[1] Псевдоним Губельмана Минея Израилевича.

Ем. Ярославский получал с самого начала «Искру», став одним из ее корреспондентов.

В сложной обстановке конспирации развертывалась деятельность первых социал-демократических кружков. Собирались нелегально у кого-нибудь на квартире или за городом. Иногда, например, встречи устраивались на квартире у народоволки А. В. Диковской (не согласной с марксизмом, но практически помогавшей первым марксистам), которая жила в железнодорожном поселке, или в столярной мастерской, принадлежавшей Столярову. Весной и летом устраивали маевки за городом, пели революционные песни, говорили о насущных задачах, о планах на будущее.

С каждым годом росло число членов социал-демократических кружков, на трудный путь борьбы за народное дело вставали десятки новых людей. Постепенно от кружковой пропаганды Емельян Михайлович и его друзья стали переходить к агитации среди рабочих, солдат, служащих, начали распространять революционные воззвания.

Большую роль в формировании Ем. Ярославского как революционера-ленинца сыграла его поездка за границу в начале 1902 г. Будучи в Берлине и Париже, он установил связь с ленинским заграничным центром, встретился с русскими эмигрантами, видными революционными деятелями, получил необходимые указания, нелегальную литературу, которую сумел привезти в Восточную Сибирь (в Иркутск и в Забайкалье). Вернувшись из-за границы, Емельян Михайлович при помощи своих соратников в апреле 1902 г. оформляет Читинскую социал-демократическую организацию во главе с Читинским комитетом. Первым крупным делом комитета была организация первомайского выступления 1902 г. Емельян Михайлович написал прокламацию, которая была размножена при помощи гектографа, расклеена и разбросана в читинских мастерских, на улицах, на вокзале, в учреждениях. В прокламации говорилось о тяжелом положении рабочих, о необходимости их организации для борьбы за свободу. «Долой самодержавие! — восклицал Читинский комитет. — Долой капиталистическую эксплуатацию! Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!»

В это же время Читинский комитет начал вести революционную работу и в воинских частях, стал распространять среди солдат, казаков и офицеров листовки и различные нелегальные издания, например так называемые «Солдатскую» и «Офицерскую» памятки Л. Н. Толстого. «Солдаты, — писал Ем. Ярославский в «Искре» по этому поводу, — резюмировали впечатление таким образом: получили мы от графа Толстого письмо, и граф нам не велел убивать рабочих, и что они такие же, как и мы, люди и что в евангелии запрещено убивать».

Появление в городе значительного количества революционных воззваний произвело впечатление и не на шутку встревожило местную царскую администрацию. Губернатор Надаров и его слуги лихорадочно готовились к предстоящему «бунту»: войска были приведены в боевую готовность, усилены патрули, тайная полиция, штат городовых, расширена система шпионажа.

1 Мая с утра выдалась плохая погода: несмотря на это, группа рабочих (более ста человек) вышла на улицу, поднялась на гору против железнодорожных мастерских, водрузила там красное знамя и устроила митинг. Жандармы видели все это, но опасались лезть на гору по открытому месту навстречу рабочим.

Читинская маевка 1902 г. взбудоражила далекую провинцию, способствовала сближению рабочих с местными социал-демократами. В связи с организацией этой маевки произошел и первый арест Емельяна Михайловича.

Царская охранка упорно искала авторов революционных воззваний, распространителей листовок и прокламаций, организаторов первомайского рабочего выступления. 16 мая 1902 г. полиция нагрянула на квартиру Ем. Ярославского и устроила обыск. Перевернув все вверх дном, перерыв книги, вещи, семейную переписку, полицейские обнаружили спрятанную между стеклом и задней картонной подкладкой небольшого зеркала брошюру с текстом «солдатской» и «офицерской» памяток. Таким образом, охранке удалось ухватиться за нить, при помощи которой она надеялась раскрыть и ликвидировать всю читинскую революционную организацию.

Были арестованы Емельян Ярославский, его сестра Этта (Татьяна), И. Вайнштейн. Началось длительное следствие. Власти прилагали все усилия, весь свой опыт, всю жандармскую изобретательность, чтобы выявить и разгромить социал-демократическую организацию. Однако вырвать какие-либо сведения у арестованных им так и не удалось. Грубому полицейскому нажиму молодые марксисты противопоставили революционную непреклонность. Они никого не назвали, не дали возможность охранке проникнуть в глубины Читинского комитета, постарались замести следы. В конце-концов, ничего не до-

бившись, власти вынуждены были освободить их и отдать под надзор полиции.

Выйдя из тюрьмы, Ем. Ярославский сразу же с головой окунулся в революционную работу, которая для него превратилась в профессию. Он не ограничивается рамками Читы, старается объединить социал-демократов Забайкалья и всей Сибири. Он был одним из организаторов «Сибирского Союза РСДРП», 1-я конференция которого состоялась в Иркутске в июле 1903 г. Вскоре он уехал в Петербург, но его друзья и единомышленники успешно продолжали революционную работу в Сибири.

2

Накануне и в период первой русской революции Емельян Михайлович, являясь организатором, пропагандистом и агитатором, вел кипучую партийную работу в Петербурге, Твери, Нижнем Новгороде, Одессе, Туле, Ярославле, Костроме, Москве. Его страстные речи, призывающие не верить царю, свергнуть ненавистную монархию слышали петербургские рабочие на гапоновских собраниях. В июне 1905 г. во время знаменитого восстания на броненосце «Потемкин» Ем. Ярославский, еще больной (он только что вышел из Одесской тюрьмы, где перенес 10-дневную голодовку), пытался в шлюпке добраться до революционного корабля. Однако принятая в темноте за подозрительную и обстрелянная с броненосца, шлюпка вынуждена была повернуть назад. Осенью 1905 г., когда революция грозно нарастала, Емельян Михайлович руководит революционной работой в Ярославле. Много сил отдал он политическому просвещению рабочих, их организации, и они заплатили ему за это горячей признательностью, преданностью революционному делу. От ярославской организации Емельян Михайлович участвовал в работе Таммерфорской конференции большевиков в декабре 1905 г. В это время он становится одним из главных руководителей большевистской работы в войсках, одним из создателей военных организаций РСДРП. По поручению партии он неоднократно выезжал в разные районы страны. Так, в 1906 г. он побывал в Сибири, посетил Иркутск, Верхнеудинск, Читу. Ехать пришлось строго конспиративно: время было тревожное, всюду рыскали каратели, шпики. С волнением встречался Емельян со старыми боевыми соратниками, вместе с которыми он когда-то вступал на революционный путь.

Емельян привез из центра несколько прокламаций, которые были отпечатаны в местных подпольных типографиях и распространены. Он неоднократно выступал перед сибиряками, рассказывая о положении в партии, о задачах военной работы, о IV съезде РСДРП, участником которого он был, об острой борьбе большевиков и меньшевиков на съезде, о ленинских взглядах на основные вопросы революции.

Недолго пришлось пробыть Емельяну Михайловичу в Сибири в 1906 году: он торопился обратно в Петербург, где ему предстояла большая работа по организации первой военно-боевой конференции РСДРП, состоявшейся в Таммерфорсе в ноябре 1906 г. Она сыграла крупную роль в объединении деятельности отдельных военных и боевых организаций партии. На конференции Емельян Ярославский произнес речь, на которую обратил внимание В. И. Ленин.

«Отметим, наконец, — писал В. И. Ленин по этому поводу, — прения о текущем моменте с замечательной речью тов. Ильяна, [1] который в ноябре 1906 г. на военно-боевой конференции сумел выразить взгляд на вторую думу, блестяще подтвержденный событиями». [2] От военных организаций Петербурга и Кронштадта Емельян участвовал в работе V съезда РСДРП, состоявшегося в Лондоне весной 1907 г. После съезда он снова был арестован. Царские власти в лице Ярославского видели одного из своих непримиримых врагов, поэтому за военно-революционную деятельность он был приговорен к 7 годам каторжных работ (срок был сокращен до 5 лет). Большая часть каторги прошла в тюрьмах Петербурга и Москвы, но вот в 1912 г. царизм решил упрятать Емельяна Ярославского подальше: вместе с группой других политкаторжан он был переведен в Горный Зерентуй, недалеко от Нерчинска, в одно из мрачных мест старой каторжной Сибири.

Под усиленным конвоем возвращался Емельян в родные края, вместе с другими осужденными шел в кандалах по пыльным сибирским дорогам. «Сбивши нас плотной кучею, — рассказывал он впоследствии, — шли кругом конвойные и злобно покрикивали: «Не беги, не отставай, не оглядывайся, не разговаривай, не останавливайся». Кругом чернел темный, глубокий лес. Отойдешь на двадцать шагов, — и пропал в лесу. Конвойные знали: человеку, которого ведут на вечную каторгу, может быть, милее смерть от пули, чем от вечных тюремных страданий. И мысль мелькает — бежать. И тянет к себе лес, и зовет:

[1] Ильян — один из псевдонимов Е. М. Ярославского.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд 4, т. 12, стр. 376.

«беги». Вот почему так настороженны конвойные, и чуть отстанешь, оглянешься, в сторону посмотришь — сзади «чертова пятка», приклад стучит по спине»[1].

Наконец, Горный Зерентуй, огромный тюремный корпус, мрачные казематы... Вдали видны горы. «Небо над горами кажется таким голубым, совсем не такое оно, как над тюремным двором. Там какая-то легкость, простор, а здесь маленький клочок неба, и тюремные стены словно упираются в него»[2]. Режим в тюрьме был весьма суров: заключенных нередко истязали, заставляли работать, тяжелы были бытовые условия. Долгое сидение в тюрьмах, непосильный труд, недоедание, этапы и т. п. приводили к частым заболеваниям, сокращали жизнь узников самодержавия. Так, у Емельяна Михайловича в начале ноября 1912 г. тюремный врач засвидетельствовал бронхит, ревматизм и неправильную деятельность сердца. В такое время грусть, незваная гостья, посещала и большевика, и из-под его пера невольно текли печальные строки:

Надежды блекнут, уходят силы,
А их так много тюрьма берет,
И ждут готовые могилы...[3]

Но неистребимая вера в будущее, революционная страсть неизменно брали верх, и Емельян заносит в свой дневник бодрые строки:

Близок, близок час свободы, скоро кончится неволя, —
Звон цепей, затворы, стражу, — все оставлю за собой,—
Снова встречусь я с тобою, мое счастье, моя доля,
Снова будет жизнь с страданьем, счастьем, радостью, борьбой!

В 1913 г. кончился срок пятилетней каторги, но царское правительство не разрешило Емельяну Ярославскому вернуться в Европейскую Россию или хотя бы поселиться в одном из крупных сибирских городов. Нет! Он был отправлен еще дальше, в далекую Якутию, в ссылку.

До 1917 г. пробыл Емельян Михайлович в Якутской ссылке. Освобожденный Февральской революцией, он вместе с Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровским и другими большевиками возвращался в Центральную Россию.

Вскоре они приехали в Иркутск. Старинный сибирский город, как и вся страна, переживал великие революционные будни. Был тревожный июнь 1917 г., когда реакционная буржуазия с помощью соглашателей готовила преступное наступление на фронте, задумала нанести удар по большевистской партии и разогнать Советы. На Иркутской железнодорожной станции стояли длинные воинские составы. Солдат гнали на фронт. Перед ними лихорадочно выступали соглашатели, внушали им биться «до победы».

Приехавшие большевики немедленно включились в борьбу против меньшевиков и эсеров. Используя недолгую задержку в Иркутске, Е. М. Ярославский, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский установили связь с местными товарищами и приняли деятельное участие в политической жизни города. Они пошли в самую гущу масс, выступали на народных собраниях и митингах, перед солдатами и железнодорожниками, в городском театре и на улицах, везде, где был народ.

Они твердо встали лицом к лицу, против меньшевистско-эсеровских главарей и агитаторов, мужественно требовали прекратить отправку воинских частей на фронт, призывали рабочих и солдат бороться за победу социалистической революции. Выступать против войны было небезопасно: поднявшая голову в связи с готовившимся наступлением контрреволюционная военщина могла пойти на любой шаг.

Но большевики не боялись никаких угроз и решительно шли в бой против врагов трудового народа. И, конечно, им приходилось иметь дело не только со словесными аргументами своих противников. Емельян Ярославский вспоминал впоследствии, как в Иркутске один офицер Временного правительства стаскивал его с забора, когда он выступал перед солдатами и разъяснял им необходимость борьбы за революцию[1].

Деятельность видных членов большевистской партии в Иркутске в июне 1917 г. хотя и была кратковременной, способствовала разоблачению соглашательской политики меньшевиков и эсеров, усилению работы сибирских большевиков.

В бурные дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции Ем. Ярославский входил в состав Московского Военно-революционного комитета, затем был комиссаром Московского военного округа. И на какой бы ответственной и государственной работе Емельян Михайлович ни находился, никогда не порывал связи с Сибирью, где вырос, где получил первую революционную закалку.

---

[1] Ем. Ярославский. На волю! «Сибирские огни», 1922, № 1, стр. 72.
[2] Там же, стр. 71.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 5, из «Дневника» Е. М. Ярославского».

[1] Ем. Ярославский. 30 лет большевистской партии. Иркутск, 1933, стр. 25.

В 1921 г. ЦК РКП(б) постановил направить его на работу в Сибирское бюро ЦК. Отправляясь в Сибирь, Емельян Михайлович поставил вопрос о создании там крепкого партийного центра. Он обращался к В. И. Ленину с просьбой командировать в Сибирь хороших хозяйственников и продработников. В тяжелые голодные 1921—1922 годы Сибирь играла большую роль как важный продовольственный и сырьевой район страны. Но обстановка здесь была крайне сложной. Белогвардейцы, кулаки, эсеры и меньшевики организовывали бандитские антисоветские выступления. Крепкое сибирское кулачество пыталось вести за собой среднее крестьянство. На Дальнем Востоке и в Монголии, по соседству с Сибирью, продолжались военные действия против белогвардейцев, против темных сил мирового империализма, угрожавших Советской России. Партийно-советский аппарат в Сибири еще недостаточно окреп после окончания гражданской войны. ЦК РКП(б) принимал все меры для укрепления положения в сибирском крае.

Ем. Ярославский осенью 1921 г. прибыл в Новониколаевск (Новосибирск), тогдашний центр советской Сибири, и проработал здесь до конца 1922 г. Этот период его сибирской деятельности был чрезвычайно напряженным и плодотворным. Он выступал в качестве общественного обвинителя на процессе ярого врага Советской власти небезызвестного барона Унгерна. Много времени и сил отдавал он делу восстановления народного хозяйства края, выполнению заданий партии по сбору продналога, заботился о том, чтобы быстрее оказать помощь голодающим. Часто выезжал он в разные районы Сибири, в Омск, Барнаул, Иркутск, выступал на партийных конференциях и заседаниях партийных комитетов, делился с молодыми коммунистами своим огромным опытом революционера-профессионала, инструктировал местных партийных работников, помогал им, чем мог. Возглавляя агитационно-пропагандистский отдел Сиббюро ЦК РКП(б), Емельян Михайлович энергично руководил марксистским образованием членов партии, политическим воспитанием трудящихся. В поле его постоянного внимания и заботы были партийные школы и кружки политграмоты, клубы и красные уголки, вузы и библиотеки, газеты и журналы.

С именем Е. М. Ярославского связано создание художественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни». Он был инициатором и идейным вдохновителем этого важного общесибирского органа. При его ближайшем участии был разработан план издания и осуществлен выпуск первых номеров журнала. Часто собиралась редакционная коллегия, иногда на квартире Ярославского, заседания проходили живо и интересно. Емельян Михайлович, очень загруженный работой в Сиббюро ЦК, все же не пропустил ни одного заседания, внимательно читал или слушал художественные произведения, подбирал материалы.

Первый номер «Сибирских огней» тиражом в 10 000 экз. вышел в марте 1922 г. Это было большое событие в культурной жизни молодой советской Сибири. Емельян Михайлович написал для первого номера статью «Зародыши коммунизма в сибирской деревне — огни Сибири», посвященную первым колхозам и коммунам края, рецензию на якутский журнал «Красный Север», яркий очерк «На волю!». Писатель Ф. Березовский, один из организаторов «Сибирских огней», член первой редколлегии журнала, вспоминает, как появился очерк «На волю!». Емельяна Михайловича попросили написать рассказ или очерк на любую тему. «Ведь все мы знали,— вспоминал Ф. Березовский, — что жизнь, работа и революционная борьба Ярославского были необычайно ярки и богаты всякими интересными эпизодами и событиями, следовательно, ему было о чем рассказать в форме художественной прозы. Вначале Емельян отказывался от этой работы:

— Статью напишу с удовольствием. Но рассказ или очерк — не могу. Никогда не приходилось заниматься такими делами.

Мы настаивали.

— Попробуйте.

Но Емельян упорствовал.

— Нет, нет. Избавьте, товарищи. Не могу. Не мастер я! Да и не о чем мне писать.

— Ого! — воскликнула Лидия Николаевна Сейфуллина. — Ему не о чем писать! Слышите, товарищи?.. Нет уж, товарищ Ярославский, садитесь и пишите. Я уверена, что материала у вас больше, чем у всех здесь сидящих, вместе взятых.

Подумав, Емельян Михайлович сказал наконец:

— Хорошо. Попробую». [1]

И вот готов очерк «На волю!» Сочными красками, талантливо поведал он о том, как с группой каторжан покидал Горно-Зерентуйскую тюрьму (в Забайкалье) и направлялся в якутскую ссылку. Очерк звал к борьбе со старым миром, с его тюрьмами и кандалами,

---

[1] Ф. Березовский. Как загорались «Сибирские огни». «Сибирские огни», 1947, № 1, стр. 136.

эксплуатацией и насилием. Его и сейчас, через много лет, нельзя читать равнодушно...

Емельян Ярославский участвовал в подготовке других изданий, сборников статей, разных книг. Вообще его работа в Сибири в 1920—1922 гг. была многогранной и очень плодотворной. И когда он уехал из Сибири, то работники края остро почувствовали его отсутствие. Но партия направила его на новый участок, на новую ответственную работу.

4

В последующие годы Емельян Михайлович Ярославский хотя жил и работал в Москве, но с сибирским краем по-прежнему держал крепкую связь. Ему писали старые соратники по революционному движению, работники культуры и народного образования, атеисты. Он вел большую деловую переписку с партийными и советскими органами, с научными учреждениями Сибири, хорошо знал, как трудятся рабочие, крестьяне, интеллигенция края.

В 1933 г. по поручению ЦК ВКП(б) Ем. Ярославский снова приехал в Сибирь. Это было время упорной борьбы за укрепление и развитие социалистического хозяйства. Неуклонно росло значение восточных районов страны, быстро менялось лицо когда-то отсталых окраин. Ем. Ярославский выступил на собраниях партийных активов Иркутска, Читы, Верхнеудинска, Новосибирска. С гордостью и любовью говорил он о героической истории Коммунистической партии, об успехах социализма, с большевистской страстью рисовал перспективы развития нашей страны.

«Восточносибирская организация, — говорил он в Иркутске, — является форпостом советской власти на Востоке и в особенности в той обстановке, которую мы имеем сейчас».

«От успеха вашей работы, от силы вашей сплоченности, от вашей сознательности, — продолжал Емельян Михайлович, обращаясь к коммунистам Восточной Сибири, — зависит обороноспособность, боеспособность и крепость этого пограничного в значительной степени края — крепость нашего фронта и крепость нашего тыла» [1].

Это были тревожные годы кануна второй мировой войны. И в эти годы, и в неумолимо наступившие грозные 1941—1943 гг. Емельян Михайлович Ярославский оставался самоотверженным борцом за социализм и коммунизм. В ноябре — декабре 1942 г. он еще раз посетил Сибирь, побывал в Омске, Новосибирске, Томске, Прокопьевске и других промышленных центрах. Он выступал на партийных активах, перед тружениками тыла, рабочими Сибири и Урала, на собраниях интеллигенции, в воинских частях.

Вскоре тяжелая болезнь приковала Ем. Ярославского к постели, а 4 декабря 1943 г. он скончался. Но до последнего дня не прекращалась его кипучая деятельность. Последние слова, написанные им перед смертью, были обращены к партии, которая вырастила и воспитала его, с которой неразрывно связана была вся его жизнь.

«Пусть живет, — писал он в «Правде» за 2 декабря 1943 г., — вооружившая нас благороднейшими идеями века, вдохновляющая, организующая весь советский народ на борьбу и победу партия Ленина...»

* *
*

Ем. Ярославский был разносторонне образованным человеком, крупным ученым. Он глубоко интересовался естествознанием, писал стихи, рисовал. Он был мастером атеистической пропаганды, замечательным публицистом. Широко известны его труды по истории большевистской партии и революционного движения России, много сделал он для создания научной биографии В. И. Ленина.

Ем. Ярославский написал немало ценных, очень интересных работ по истории революционного движения в Сибири, об ее социально-экономическом и культурном развитии. Многие его статьи носят мемуарный характер, и это обстоятельство в сочетании с достоверными яркими фактами придает им особую эмоциональную, покоряющую силу. Такова его статья «Первая рабочая организация в Забайкалье» («Пролетарская революция, 1923, № 4), посвященная первым шагам первых социал-демократов Забайкалья; таков его впечатляющий очерк «На волю!» («Сибирские огни», 1922, № 1) и другие. В ряде статей Е. М. Ярославский рассказывает о революционных событиях в Якутии, о деятельности ссыльных большевиков. В первых номерах журнала «Сибирские огни» он опубликовал несколько статей и заметок о жизни Сибири в начале 20-х годов. Интересные факты, ценные материалы содержат многочисленные выступления старого революционера на собраниях партийных активов, рабочих собрани-

[1] Е. Ярославский. Тридцатилетие большевистской партии и очередные задачи. Иркутск, 1933, стр. 52—53.

ях и митингах, на вечерах воспоминаний и собраний землячеств.

Е. М. Ярославский писал о предвоенной Сибири и о Сибири суровых военных лет, Сибири, надевшей солдатскую шинель, ставшей грозным арсеналом оружия. Он горячо любил свой родной край, бескрайние равнины, высокие горы, могучие реки, любил свою советскую Родину, самоотверженный, талантливый, великий советский народ. Организатор первых марксистских кружков, профессиональный революционер, коммунист-ученый, Емельян Михайлович Ярославский принадлежал к старой гвардии большевиков, которая, как сказал на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, «в рядах ленинской партии на протяжении десятилетий вела мужественную революционную борьбу за счастье народа, за социализм».

В. Трушкин

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИРКУТСК НАЧАЛА 30-х ГОДОВ

Литературная жизнь в разные периоды проявляется по-разному. Но почти всегда результаты ее, точно кристаллы в перенасыщенном растворе, оседают в периодике — журналах, альманахах и сборниках, газетах. По ним можно проследить духовную жизнь современников интересующей нас эпохи с ее запросами и идеалами, с ее исканиями и заблуждениями. Именно здесь легче всего улавливается характерный пульс времени.

Это положение в равной мере распространяется и на сибирскую периодику. Так, перелистывая комплекты «Сибирских огней» за сорок с лишним лет, мы многое можем глубже понять и осмыслить в истории становления советской Сибири и ее культуры. Приблизительно аналогичную роль применительно к Восточной Сибири первого пятилетия тридцатых годов призваны были сыграть иркутские журналы «Будущая Сибирь» и «Новая Сибирь», для которых теперь уже настала история.

Литературная общественность Иркутска еще в самом начале 20-х годов предпринимала попытку наладить издание своего периодического журнала. Уже в 1923 году здесь возникли «Красные зори», просуществовавшие, правда, сравнительно непродолжительное время: на четвертом номере издание журнала прекратилось. Очевидно, для начинаний подобного рода еще не созрели в то время необходимые условия.

К началу 30-х годов, когда Восточная Сибирь стала привлекать пристальное внимание партии и правительства, когда здесь начали развертываться изыскательные работы, создаваться колхозы и совхозы, возникать новые научные и культурные центры, назрела необходимость и в создании своего периодического журнала. Первоначально журнал предполагалось назвать «Наш край». Под этим названием в середине 1931 года вышел первый номер. Но он оказался не особенно удачным. На его страницы попал плохо отредактированный материал литературного и публицистического характера. Номер пришлось изъять из продажи и срочно готовить новую книжку журнала, которая и вышла в октябре 1931 года под измененным названием «Будущая Сибирь». Сюда, кстати сказать, вошла значительная часть и тех текстов, которые составляли содержание первого неудавшегося номера «Нашего края».

«Будущая Сибирь» интересна для нас как яркое свидетельство роста культуры Советской Сибири, как своеобразная летопись строительства первых пятилеток на востоке страны и, наконец, как показатель живого литературного процесса в Восточной Сибири первой половины тридцатых годов.

Этот литературно-художественный и краеведческий журнал издавался в Иркутске с 1931 года по 1935 год. Первый номер вышел трехтысячным тиражом. Впоследствии тираж постепенно, от номера к номеру, нарастал и был доведен до 3650 экземпляров.

Во главе «Будущей Сибири» стоял опытный организатор, один из основателей «Сибирских огней» М. М. Басов. Секретарем редакции был Илья Чернев. В редколлегию журнала вошли литераторы, партийные и советские работники: М. Goберник, И. Хайт,

И. Искра, С. Ширабон, проф. Т. Староверов, проф. Н. Козьмин, М. Миронов и др.

Создание своего периодического печатного органа явилось значительным культурным и общественно-политическим событием для всей Восточной Сибири, так как журнал объединял литературные и культурные силы не только Иркутска, но и таких крупных сибирских городов, как Чита, Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), Красноярск.

Редколлегия «Будущей Сибири» ставила своей задачей помочь освоению и изучению обширного края, пробужденного волей большевиков к новой жизни, выявить талантливых представителей культуры и литературы, мобилизовать широкие трудящиеся массы на претворение в жизнь решений партии и правительства, направленных на социалистическое преобразование страны. «Будущая Сибирь», — писала редакция, — ставит своей целью организовать читателя — рабочего, колхозника, советского работника — на включение в дело стройки социалистической Сибири». Журнал «будет, — говорилось там, — мобилизовывать массы на борьбу за превращение отсталой окраины Советского Союза в одну из передовых индустриальных баз социализма».

В программной статье, открывавшей первый номер нового журнала, рисовались широкие перспективы социалистического преобразования обширного края. В ней указывалось на то, что Восточная Сибирь еще не освоена и плохо изучена. А между тем свежий ветер новой жизни начинает властно врываться в глухие таежные дебри. «Восточно-Сибирский край, — подчеркивали авторы статьи, — край новый. Каждый день нашей работы изменяет его лицо. Каждое новое предприятие, новый колхоз заставляют нас работать по-новому. Каждая экспедиция открывает перед нами новые производительные силы, новые богатства». Бывшая страна каторги и ссылки день ото дня все более и более преображается, вступает «в преддверие своего индустриального развития». Социалистическое строительство, отмечалось там, в корне меняет облик Сибири, иной становится и сибирская деревня.

Ставя первоочередной своей задачей последовательную борьбу за проведение в жизнь генеральной линии партии, журнал стремился широко раскрыть свои страницы для всестороннего освещения современности, сплотить вокруг себя разбросанных по различным уголкам края «талантливых людей, много видевших и переживших, знающих вдоль и поперек Бодайбо и Алдан, скитавшихся по тайге, проживших десятки лет на Енисее, Лене и на Байкале». Редколлегия рассчитывала на то, чтобы при поддержке трудящихся «создать действительно массовый журнал».

Инициативу издания журнала «Будущая Сибирь» горячо поддерживал А. М. Горький, который откликнулся на это значительное, с его точки зрения, событие задушевным письмом: «С большой радостью узнал от Вас, — писал он ответственному редактору М. Басову, — что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь». Это совершенно необходимое и своевременное дело, тем более, что оно несколько запоздало». По словам Горького, «вероятно, нет страны, которая за время до Октябрьской революции изучалась бы так мало, как Сибирь, особенно Восточная». В своем приветствии новому журналу великий пролетарский писатель говорил о социалистической индустриализации этой огромной страны, сказочных картинах будущей Сибири, которые создает укрощенная энергией людей стихийная сила Ангары и Великий путь сквозь Сибирь. Издание журнала он рассматривал с высоты задач строительства социализма. Оно ему представлялось как «великое культурно-революционное дело». Письмо Горького заканчивалось горячим приветствием, обращенным к инициаторам нового журнала, и пожеланием успеха: «Сердечно приветствую вас, товарищи, — писал он, — желаю успеха в работе и верю в успех».

Это напутственное послание великого кормчего советской литературы было опубликовано в первом номере только что народившегося журнала. Там же на третьей и пятой страницах находилось факсимиле другого, частного письма писателя к М. Басову, в котором он, между прочим, писал: «Нечего говорить о том, что я искренне сочувствую делу издания журнала и готов в меру сил моих «поддержать его». «В сущности, — продолжал Алексей Максимович, — все мы делаем одно и то же дело, работаем на одного читателя»... И тут же, стремясь поддержать это новое культурное начинание, предложил: «Вот, например, в 4 и 7 №№ «Наших достижений» напечатаны мои «Рассказы о героях». Я слышал, что они нравятся массовому читателю, — не хотите ли перепечатать их?»

Редакция «Будущей Сибири» с радостью откликнулась на предложение Алексея Максимовича, опубликовав его «Рассказы о героях» в первом же номере своего журнала.

«Будущая Сибирь» первоначально выходила тоненькими брошюрками объемом в 60—70 страниц один раз в два месяца. В 1931 году было издано две таких книжки. В следующем году вышло шесть номеров в четырех

книгах. 1933 год ознаменовался выпуском уже шести нормальных, несдвоенных номеров «Будущей Сибири». Показательно, что сравнительно небольшой объем журнала объяснялся не скудостью редакционного портфеля, а главным образом слабой еще материально-технической базой. Вот как, например, характеризовалась в 1933 году эта сторона дела в специальном отчете, посланном в Москву Оргкомитетом Союза писателей Восточной Сибири: «С января 1933 года литературно-краеведческий журнал «Будущая Сибирь» был передан Оргкомитету. Плановые наметки издания журнала были срезаны ОКа и в результате толстый журнал превратился в тонкий, так как после неоднократных урезок годовой листаж был установлен в 24 листа. Таким образом, журнал выходит только шесть раз в год четырехлистными книжками. Журнал развертывает большую работу по выявлению новых авторов».

Ходатайство литературной общественности о расширении полномочий единственного периодического издания в Восточной Сибири вскоре было удовлетворено. С 1934 года объем журнала увеличился вдвое. Он стал выходить ежемесячно книгами большого формата. Листаж его был доведен до 8—10 печатных листов на каждый номер.

В 1933 году, с переходом журнала в ведение Оргкомитета, а потом непосредственно Восточно-сибирского отделения Союза писателей, почти полностью обновился редакционный коллектив «Будущей Сибири». В состав редколлегии вошли наиболее опытные и авторитетные иркутские литераторы: И. Г. Гольдберг, П. П. Петров, И. И. Молчанов (Сибирский). И только ответственным редактором по-прежнему оставался М. М. Басов.

Журнал «Будущая Сибирь» постепенно объединил на своих страницах лучшие литературные и научно-культурные силы Восточной Сибири. Он открыл дорогу в литературу талантливой молодежи начала тридцатых годов. Многие из начинающих тогда авторов выросли впоследствии в значительных художников слова. Здесь следует прежде всего назвать имена таких поэтов и прозаиков, как Константин Седых, Инн. Луговской, Игн. Рождественский, Мих. Ошаров, Н. Устинович и др. Более того, уже и сравнительно опытные литераторы, начавшие печататься задолго до возникновения «Будущей Сибири», обрели в ней свою новую писательскую трибуну. На ее страницах они получили широкую возможность полнее и ярче раскрыть свое дарование. Вместе с литературной молодежью сибирские писатели среднего и старшего поколений заботливо растили и холили свой новый журнал. Много сил творческой и чисто организационной работе в журнале отдали такие литераторы, как И. И. Молчанов-Сибирский, Ис. Гольдберг, П. Петров.

Исключительно плодотворный и многообразный характер носила журнальная деятельность старейшего сибирского писателя Ис. Г. Гольдберга. На страницах «Будущей Сибири» он выступал и со статьями о художественном мастерстве, и советами начинающим писателям, воспоминаниями и очерками, рассказами и повестями. Здесь были опубликованы его повесть «Гармонист», рассказы «Хлеб насущный», «Евсейкина песня», «Когда выбывает боец» и несколько произведений из его известного цикла «Тунгусских рассказов» — «Большая Нульга Баркауля», «Как Юхарца пошел по новым тропам» и др.

В своих статьях и выступлениях этот интересный и своеобразный художник слова стремился осмыслить и обобщить как писательский опыт, так и накопившийся к тому времени опыт развития советской литературы, чтобы передать его подрастающей литературной смене. Так появились в «Будущей Сибири» статьи писателя «Биография моих тем», «Учитель и старший товарищ (к сорокалетию литературной деятельности Максима Горького)», «Под знаком творческих сдвигов», «Предсъездовские заметки», «Заметки делегата (Первый Всесоюзный съезд писателей)», «Некоторые предпосылки работы с начинающими писателями», «На отстающем участке» и пр.

Столь же широко и многогранно развернулось в журнале творчество другого известного сибирского литератора 30-х годов П. П. Петрова. В «Будущей Сибири» впервые были опубликованы такие крупные и значительные его произведения, как романы «Шайтан-поле» и «Золото», повести «Рассада» и «Кровь на мостовых», рассказы «Мустафа», «Бригадиры», статья «Беглые заметки».

Активно сотрудничали в журнале прозаики М. Ошаров, Илья Чернев, Н. Асанов, Семен Метелица, Михаил Глозус и др. Прозаик Илья Чернев напечатал в «Будущей Сибири» большой роман из истории гражданской войны на Дальнем Востоке — «Дворцы на Кульдуре». За подписью Мих. Ошарова появилось несколько ярких рассказов из жизни сибирских окраин — «Бобер», «Вывоз», «Большой пуд».

Богат и разнообразен был поэтический раздел «Будущей Сибири». Из номера в номер, на протяжении всего срока существования журнала шли в нем стихи И. И. Молчано-

ва (Сибирского). Печатались здесь Иосиф Уткин («Песня старого рабочего»), В. Непомнящих, Лев Черноморцев, Елена Жилкина, Конст. Седых, Иннокентий Луговской, А. И. Балин, П. Михалковский, Евг. Березницкий, Ан. Ольхон, Сергей и Иван Рослые, Вл. Чугунов, В. Оловяннов, П. Маляревский, Петр Комаров («Право на песню»), Л. Шелест, П. Скуратов, Д. Хилтухин, Игн. Рождественский.

Многие из них обрели в журнале свое литературное лицо, получили первое крещение. С далекого севера пришла в журнал поэтесса Лидия Шелест, проникновенный и одаренный лирик. Около десяти лет провел на севере, среди эвенков прозаик Михаил Ошаров, учителем работал Игн. Рождественский, выступивший здесь с первыми своими рассказами и стихами. Плотником был читинец Оловяннов, о котором И. Молчанов-Сибирский однажды сказал: «Оловяннов — плотник, но в его стихах часто бывает не плотничья работа, а, я бы сказал, столярная».

Большинство из этих авторов позднее выросло в самобытных и оригинальных поэтов. Вошел в большую литературу замечательный певец Дальнего Востока Петр Комаров, широкую популярность получили задушевные лирические стихи Иосифа Уткина, зрелостью мастерства отмечены лучшие стихотворения сибирских поэтов иркутянина Инн. Луговского, красноярцев Игн. Рождественского и Льва Черноморцева. А нежный и мягкий лирический талант Конст. Седых неожиданно засверкал всеми красками в его сочной и ароматной прозе. Впрочем, уже в «Будущей Сибири» читатель мог встретиться с первыми, правда еще робкими опытами этого самобытного художника и в области художественной прозы. Так, в третьем номере журнала за 1933 год можно было найти три едва ли не первых его рассказа.

Полнозвучно и ярко раскрылось в последующие годы дарование А. С. Ольхона, И. И. Молчанова (Сибирского). По-настоящему оригинальным и сильным обещало быть творчество одаренного поэта Евгения Березницкого, погибшего на фронте в первые месяцы Великой Отечественной войны. В годы войны погиб и другой сотрудник «Будущей Сибири» сибирский поэт Владимир Чугунов.

Не раз выступал на страницах журнала А. М. Горький. Кроме «Рассказов о героях» и приветствия редакции «Будущей Сибири», там были напечатаны его «Беседы с молодыми», очерк «Мальчики и девочки», доклад на первом Съезде писателей.

Пристальное внимание уделялось редакцией «Будущей Сибири» очерковому жанру и хронике литературной, научной и культурной жизни родного края. В специальных статьях и очерках, фоторепортажах и хроникальных заметках освещались социалистические стройки в Сибири, жизнь молодых колхозов, освоение мощных сибирских рек и таежных богатств. Так, во втором номере журнала за 1931 год была помещена большая статья геолога В. Елистратова «Богатства нашего края», посвященная итогам геологоразведочных работ в Восточной Сибири в 1931 году. Современному читателю, свидетелю открытий коршунихинских руд, якутских алмазов, богатейших запасов нефти в Марково небезынтересно будет познакомиться с выводами геологов по Сибири, сделанными свыше тридцати лет назад. По словам В. Елистратова, изучение недр Восточной Сибири обещает быть чрезвычайно перспективным, но такие исследования находятся еще в зачаточном состоянии. «До 1931 года, — отмечает он, — мы не имели систематического и развернутого изучения недр Восточной Сибири».

Еще более категорично говорит он о Восточных Саянах, этом высокогорном крае с отвесными скалами, сплошь покрытом непроходимой тайгой. «Исследователи посещали Восточные Саяны очень редко. Лишь несколько смельчаков побывали в этой горной стране, которая по своему геологическому строению обещает дать очень много. Сейчас сказать что-нибудь определенное про Восточные Саяны трудно». Эти слова едва ли нуждаются в комментариях. О том, сколько неожиданностей таят в себе и поныне Восточные Саяны, можно судить хотя бы по интересным, страстно написанным книгам Федосеева.

Рядом со статьей геолога на страницах журнала можно было встретить записки участника северноморской экспедиции, рассказывающие о плавании по Карскому морю, Обской губе, посещении острова Шокальского, жизни и быте аборигенов севера ненцев (очерк А. Куриловича. Полярный рейс шхуны «Мейснер».)

На страницах журнала то и дело врывались шумные голоса живой жизни, голоса беспокойной, охваченной энтузиазмом и пафосом эпохи первых пятилеток. Журналисты рассказывали о поездках в только что созданные колхозы, о борьбе за хлеб, первых ударниках и первых трудностях. В этих наспех написанных заметках и репортажах многое теперь покажется наивным, неуклюжим и смешным по форме, может быть, малограмотным, но в них по-своему верно схвачен пульс

времени горячего и беспокойного. Вот оно, это время, отраженное в корявых строчках журналиста начала 30-х годов, время с его характерной лексикой: «Вокруг каждой тонны хлеба — переплет классовых противоречий. Цепляется за хлеб жадная лапа кулака. Трясется над каждым зерном мелкий собственник, единоличник-середняк, колеблющийся меж базаром и ссыппунктом. Страдает подчас рецидивом собственнических настроений колхозное «сырье». Но хлеб идет на фундамент социалистической стройки.

Рубить кулацкую лапу! Убедить индивидуала в преимуществе коллективного труда! Переплавить людской металл — переработать нутро колхозного «сырья»! Хлеб дать пятилетке — такова задача». (Очерк Ю. Мирецкого. «Рождение буксира». «Буд. Сибирь», 1931, № 2).

Особенно часто журнал обращался к проблемам Ангарстроя. Уже в первом номере только что возникшего журнала читатель мог найти очерк Ю. Шпехта «Большой Ангарстрой», в котором рисовались широкие перспективы, открывающиеся с покорением могучей сибирской реки. Очерк рассказывал о начавшихся изыскательных работах ангарской экспедиции и возможных проектах по строительству ангарских гидростанций. Эта же тема разрабатывалась и в статье Л. Самойлова «Электрическое солнце социализма». Эпиграфом к своей работе автор взял известные слова В. И. Ленина: «Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Не раз выступал журнал со статьями и очерками о горняках Черембасса (см., напр., статью П. Ханова «Когорта энтузиастов». «Буд. Сибирь», 1931, № 2), о генеральном плане развития Иркутска (статья Ф. Леонова), об индигирской экспедиции («На далеком севере» М. Кротова), об использовании колоссальных природных богатств озера Байкал («Проблема освоения Байкала» Н. Козьмина) и др.

Публицистическая статья, оперативный очерк дополнялись и перемежались в журнале рисунками местных художников, злободневным плакатом, целенаправленной подборкой фотоматериалов, которые давались под рубрикой: «На социалистической стройке».

Не менее широко и полно освещалось и прошлое страны бывшей каторги и ссылки. «Будущая Сибирь» систематически помещала разнообразные материалы и подборки подобного рода. Историко-революционная и историко-литературная тема никогда не сходила со страниц журнала. Здесь публиковались статьи о монгольской революции, о грозовых днях гражданской войны и великого Октября (статьи Ф. А. Кудрявцева «Октябрь в Восточной Сибири», А. Окладникова «Церковь в борьбе с пролетарской революцией в Восточной Сибири», воспоминания В. Вегмана о борьбе сибирских рабочих с колчаковщиной и др.)

Одним из наиболее активных авторов, выступавших по историко-революционным вопросам, был М. А. Гудошников, талантливый и вдумчивый сибирский историк. В «Будущей Сибири» он опубликовал статью о сибирских областниках, очерк о ленском расстреле «Так было», исследования о А. П. Щапове, И. В. Федорове-Омулевском, Н. И. Наумове. Здесь можно было встретить его рецензии на сборник М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», на книгу С. Потапова «Конец пепеляевщины». Как исследователя М. А. Гудошникова отличала широта научных и культурных интересов. Он со знанием дела писал и по собственно историческим вопросам и по вопросам культуры и литературы в Сибири, выступая не только как исследователь, но и как живой участник литературного процесса с талантливыми критическими статьями и рецензиями. На страницах «Будущей Сибири» он публиковал работы и о литературных интересах К. Маркса, и о творчестве Ис. Гольдберга, и об «Угрюм-реке» В. Шишкова. О качестве этих работ можно судить хотя бы по такому замечанию Вяч. Шишкова, которое мы находим в одном из его писем к писателю иркутянину П. П. Петрову: «Благодарю Вас за присланный иркутский журнал со статьей проф. Гудошникова об «Угрюм-реке». Статья умная, и, главное, написана человеком, имеющим вкус и понимающим, что значит художественное слово. Ни один наш критик не обратил (да, видно, и не умел обратить) внимания на особенности моего стиля. А ведь стиль, то есть уменье и манера рассказывания, в искусстве — все».

Почти в каждом номере журнала можно было встретить хронику культурной и литературной жизни. В этих хрониках сообщалось о деятельности писательской организации, выступлениях литераторов перед читателями. Здесь можно было найти очерк о посещении Иркутска группой чехословацких рабочих (А. Маров. Дорогой легионеров), о пребывании в Иркутске К. Е. Ворошилова и пр. Журнал систематически помещал материалы о значительных событиях в общественной и культурной жизни края.

Литературная критика и библиография «Будущей Сибири» была представлена целым рядом талантливых ученых и литературоведов. С библиографическими заметками выступали профессора М. К. Азадовский и В. В. Гиппиус. Язык и стиль иркутских писателей анализировался в статьях, написанных специалистами-языковедами проф. П. Я. Черных, В. Фавориным. Активное участие в работе журнала принимали иркутские литературоведы, фольклористы, критики. Уместно в данном случае назвать имена Н. Острогорского, М. Бобровой, А. Гуревича.

«Будущая Сибирь» просуществовала четыре года. В 1935 году она была переименована в «Новую Сибирь». Облик журнала и направленность его с изменением названия, по существу, не изменились. Правда, редакционная коллегия пополнилась двумя новыми членами; в нее вошли М. А. Гудошников и П. Г. Маляревский. Периодичность журнала осталась прежней — двенадцать номеров в год. В 1935 году «Новая Сибирь» опубликовала роман Ис. Гольдберга о событиях первой русской революции в Сибири — «День разгорается». В журнал приходят новые имена. В нем появляются стихи В. Конева и Л. Огневского, рассказы Н. Устиновича, первые публикации Г. Ф. Кунгурова (очерк «Борьба за социалистическую культуру на крайнем севере»).

Значительно полнее, чем в прежние годы, представлена здесь литература советской Бурятии. Еще в 1932 году в «Будущей Сибири» появилась статья С. Ширабона «Пути развития бурятской литературы». За прошедшие три-четыре года со времени появления работы С. Ширабона молодая бурятская литература заметно окрепла и возмужала. Это обстоятельство не могло не отразиться и на публикациях в русской периодике, прежде всего в журнале «Новая Сибирь», где широко было представлено главным образом поэтическое творчество бурятских литераторов — стихи Д. Мадасона, Бато-Базарона, Хоца Намсараева, Хилтухина и др.

Заинтересовался журнал и якутской литературой. В первом номере «Новой Сибири» за 1935 год была помещена статья известного якутского писателя Н. Мордвинова «Художественная литература Якутии».

Литературно-критический отдел обновленного журнала пополнился в те годы историческим очерком А. Гуревича и Ф. А. Кудрявцева о партизанском поэте Реброве-Денисове, статьями А. Шурыгина о романе Алексея Толстого «Петр Первый», очерками и критическими заметками ряда других авторов о творчестве Ильи Эренбурга, Н. Островского, о зарубежной литературе тех лет.

В том же 1935 году на страницах «Новой Сибири» появилась обширная подборка материалов, взятых из стенографического отчета первой краевой конференции союза писателей Восточной Сибири, проходившей в Иркутске с 5 по 9 февраля 1935 года. Здесь были опубликованы доклады и выступления М. Басова, И. Молчанова-Сибирского, П. Маляревского, Ис. Гольдберга, К. Седых, А. Губанова, Занданова, Солбонэ-Туя, Хилтухина и многих других. В целом опубликованные журналом материалы Краевой писательской конференции свидетельствовали об интенсивной литературной жизни в Восточной Сибири середины тридцатых годов, давали наглядное представление о том, чем жили писатели-сибиряки в это время, что волновало их сердца и сердца их читателей.

Со специальным докладом о работе журнала выступил на конференции И. Молчанов-Сибирский. Большое внимание деятельности журнала было уделено и в отчетном докладе М. Басова. Ораторы говорили о необходимости повышения требований к качеству публикуемых произведений, о расширении творческого актива «Новой Сибири». Вскоре об итогах работы журнала и перспективах на будущее выступил на страницах газеты «Восточно-Сибирская правда» и новый член редколлегии П. Маляревский.

Свое существование журнал прекратил к началу 1937 года, когда стал издаваться под тем же названием литературно-художественный альманах в новом составе, новыми людьми. Прекращение журнала было вызвано отчасти тем обстоятельством, что Восточно-Сибирский край, как административная, а следовательно и культурная единица, к тому времени перестал существовать, распавшись на ряд самостоятельных краев и областей. Это привело к известному распылению писательских сил, многие из которых остались в Читинской области, Красноярском крае и пр. Кроме того, в условиях культа личности ряд ведущих литераторов, составлявших творческое ядро журнала, фактически выбыл из литературы.

Но и за сравнительно короткий срок своего существования «Будущая Сибирь» сыграла заметную роль в развитии культуры и литературы Восточной Сибири. Журнал открыл двери в большую литературу таким писателям, как П. Маляревский, Инн. Луговской, Г. Кунгуров, К. Седых и др. Традиции его были подхвачены и развиты альманахами «Новая Сибирь» и «Ангара».

П. Петров

КНИГА ГЕРОЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[1]

В серии «Военные мемуары» переиздана ставшая библиографической редкостью книга героя гражданской войны Ивана Яковлевича Строда «В якутской тайге». Воспоминания изданы с некоторыми сокращениями, им предпослано краткое предисловие, написанное бывшим военкомом стродовского отряда М. Г. Кропачевым.

Книга эта посвящена ликвидации авантюры бывшего колчаковского генерала Пепеляева, ставившего целью свержение Советской власти в Сибири и мечтавшего о походе на Москву. В ней излагается подготовка и организация этой авантюры, подробно описывается героическая борьба частей Красной Армии против белогвардейцев, убедительно показан массовый героизм советских воинов, приведший к полной ликвидации пепеляевщины, тем самым к уничтожению последнего гнезда контрреволюции на Дальнем Востоке. Книга заканчивается рассказом о суде над пепеляевцами. Читатели найдут в ней богатый и интересный материал по истории борьбы с белогвардейской контрреволюцией в Якутии и на Дальнем Востоке.

Важно подчеркнуть, что автор был непосредственным и активным участником огромного большинства описываемых событий. О событиях, в которых лично не участвовал, он был хорошо осведомлен в связи с занимаемой командной должностью.

Большим достоинством книги является то, что она написана вскоре после окончания гражданской войны. Первое ее издание вышло в 1930 году в серии «Гражданская война в воспоминаниях участников», выпущенной издательством «Молодая гвардия». В книгу включены материалы, собранные автором сразу после окончания военных действий, как говорится, по горячим следам событий. В 30-х годах книга выдержала четыре издания.

При написании своего труда автор использовал большое количество документальных материалов. В книге приведено полностью или частично около 20 различных документов. Документы использованы не только для подкрепления правильного освещения отдельных событий. Часть документов носит характер научной публикации. Наибольший интерес представляют те из них, которые пока не обнаружены в архивах. К ним относятся: выдержки из письма председателя якутского контрреволюционного правительства Ефимова Пепеляеву, донесение полковника Варгасова Пепеляеву, письмо Пепеляева главе Приморского белогвардейского правительства генералу Дитерихсу от 16 октября 1922 года и др. Досадно, что часть ценных документов попала под сокращение.

Автор произведения не ограничивается простым описанием событий и фактов, а дает оценку им, анализирует их. Правильность основных положений и выводов книги не вызывает сомнений.

Сравнение текста книги с сохранившимися в архивах документами, касающимися описываемых событий, а также с воспоминаниями других участников этих событий, в первую очередь бывшего командующего вооруженными силами Якутской АССР К. К. Байкалова, подтверждает достоверность воспоминаний И. Я. Строда.

Книга знакомит нас с рядом фактов, не нашедших отражений в архивных документах.

---

[1] И. Я. Строд. В якутской тайге. Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, 1961, 186 стр. Тираж 30000 экз. Цена 44 коп.

К ним, например, относятся: предупреждение советского полпреда Озорина в Харбине Пепеляеву воздержаться от новой антисоветской авантюры; переговоры Пепеляева в Харбине с эсером Калашниковым, обещавшим в случае удачи Пепеляева в Якутии поднять восстание в Иркутском районе; посещение Аяга японским офицером и его предложение белогвардейцам об установлении дружественных связей с Японией и др.

Особенно много в произведении не отраженных в других источниках фактов по героической обороне Сасыл-сысыы. Этот легендарный эпизод гражданской войны описан во всех подробностях. Книга И. Я. Строда, руководителя эпопеи в Сасыл-сысыы, является единственным и незаменимым источником изучения этого вопроса.

В книге красочно и вдохновенно описан героизм стродовского отряда, мужественно выдержавшего в исключительно трудных условиях двадцатидневную осаду. Ничто не могло сломить несгибаемую волю красных орлов: ни отсутствие продовольствия и медикаментов, ни недостача теплого обмундирования, ни голод и холод, ни потеря связи с главными силами Красной Армии и военным командованием республики, ни гибель и ранение почти половины состава отряда, ни «психические» атаки пепеляевцев, ни хитрость и коварство врага.

Пользуясь полной изолированностью отряда Строда, враги пытались повлиять на моральный дух красноармейцев лживыми сообщениями о мнимых своих победах и крупных поражениях красных. Так, во время одних ночных переговоров (пепеляевцы находились на таком расстоянии, что их крики свободно были слышны в красных окопах) белые сообщили, что генерал Ракитин взял Чурапчу (районный центр в 180 км от Якутска), красный гарнизон сдался, захвачено два орудия... и предложили отряду сдаться.

«Отряд решил показать, что он и после этого тяжелого известия не пал духом, не думает о сдаче, готов биться и умереть за революцию, — пишет Строд. — Из нескольких оглобель от саней бойцы сделали длинный шест. Привязали к нему старое боевое знамя, еще в двадцать первом году поднесенное на Амуре «дедушке» Каландарашвили...

Над небольшим клочком земли, среди баррикад из трупов, поднялось красное знамя с портретом Ленина. И нам стало легче. Казалось, в этот трудный час сам Ильич явился к верным своим бойцам... Жолнин присел, прислонясь спиной к балбахам. В руках у него уцелевшая в походах гармошка. Минуту он пробует голоса, потом громко, чтобы слышно было белякам, играет «Интернационал». Простуженными голосами бойцы подхватывают мелодию, и она несется над снежной равниной, как гимн мужеству и верности революции.

Эффект был поразительный. Пепеляевцы даже растерялись. Не сразу открыли огонь. А когда пришли в себя, буквально засыпали нас пулями».

Все изрешеченное пулями знамя с изображением Ленина развевалось до самого конца осады, свидетельствуя о непреклонной воле красноармейцев во что бы то ни стало выстоять и победить.

Умирая за власть Советов, в предсмертный час красные герои призывали своих товарищей по оружию самоотверженно продолжать борьбу и не сдаваться коварному врагу. Раненый в живот красноармеец Попов говорил:

«— Товарищи! Я умираю за Советскую власть... Призываю всех вас бороться до последней возможности. Не сегодня — завтра придут наши и вас выручат. Не сдавайтесь! Если не устоите, сделайте как решили... Взорвите всех на воздух — пусть наше красное знамя упадет вместе с нами и прикроет нашу могилу. Да здравствует Советская власть и Ленин!»

В книге названо немало фамилий героев «ледяной осады». В их числе начальник пулеметной команды Зорей Хаснутдинов, который при первом наступлении пепеляевцев не растерялся, выбил льдины и своевременно открыл из окна огонь из пулемета, сыграв тем самым решающую роль в отражении вражеской атаки; командир третьего эскадрона Иннокентий Адамский, опрокинувший с эскадроном ударами в штыки в том же бою приблизившихся белых; красноармеец Алексей Вычужин, прорвавшийся через кольцо вражеской блокады и доставивший на лыжах донесение Строда командованию республики; удалой пулеметчик Иван Паргачев, который во время стрельбы с тесаком в руках выбежал на середину двора, вскочил на убитого коня и начал плясать, распевая «Яблочко»: «Пепеляев генерал, куда катишься? В Якутию попадешь — не воротишься...», и многие другие.

В книге показано решающее значение для ликвидации пепеляевщины героического подвига петропавловского отряда под командованием И. Я. Строда, приковавшего к Сасыл-сысыы на продолжительное время основные силы Пепеляева, сорвавшего его план насту-

пления на Якутск, давшего военному командованию ЯАССР возможность выиграть время, подготовить и осуществить план разгрома белогвардейцев.

Использование исследователями богатого фактического материала рецензируемой книги обогатит труды по истории гражданской войны в Якутии и на Дальнем Востоке, позволит восстановить некоторые недостающие звенья в цепи событий борьбы с авантюрой колчаковского генерала Пепеляева, поможет полнее и ярче раскрыть героическую борьбу против белогвардейской контрреволюции. Одной из причин крупных недостатков работы по истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, написанных под влиянием культа личности Сталина, является то, что в них не были использованы (и не могли быть в то время использованы) ценные воспоминания подвергавшихся необоснованной репрессии активных участников и руководителей борьбы с контрреволюцией, к которым относятся и мемуары героя гражданской войны И. Я. Строда, кавалера трех орденов Красного Знамени.

Книга «В якутской тайге» читается легко и с захватывающим интересом. Она написана выразительным языком, доступным самому широкому кругу читателей. Это произведение, ярко и доходчиво рассказывающее о героической борьбе за Советскую власть, за завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, имеет большое значение. Она будет способствовать воспитанию молодежи в духе патриотизма, любви к Родине и преданности делу Коммунистической партии, делу коммунизма.

К сожалению, указанная книга не лишена некоторых недостатков. Наиболее значительным из них является далеко недостаточный показ руководящей роли Якутской областной партийной организации в разгроме пепеляевщины, ее большой организаторской и массово-политической работы в массах и войсках за описываемый период. Читатель не найдет в книге показа деятельности политработников (за исключением упоминания одной беседы военкома М. Кропачева), коммунистов и комсомольцев сводного отряда.

Конечно, «В якутской тайге» — не научное исследование, поэтому нельзя требовать от автора книги всестороннего анализа и исчерпывающе полного освещения всех сторон темы. Но вместе с тем нельзя не отметить слабое освещение финансовой и материальной помощи пепеляевской авантюры со стороны империалистов.

В книге имеются некоторые досадные неточности. В ней сказано, что запись добровольцев в Якутский народно-революционный добровольческий отряд была прекращена якобы ввиду большого их наплыва (стр. 27). В действительности причина была другая. 11 ноября 1922 года в Якутске получили телеграмму Сиббюро ЦК РКП(б), запрещающую организацию национального добровольческого отряда, и в связи с этим была прекращена работа по формированию Якнаревда. Но об этой телеграмме, вероятно, автор не знал.

Автор пишет, что командующий войсками Якутской АССР К. К. Байкалов выступил из Якутска против Пепеляева, имея около 600 бойцов. Из приказа самого Байкалова от 19 февраля 1923 года и из записи в книге штаба войск ЯАССР видно, что у него было около 330—350 человек.

В книге получается, что генерал Ракитин застрелился в момент пленения отрядом С. С. Вострецова охотского гарнизона. В действительности в это время он находился на охоте. Для его поимки был послан взвод пехоты. Ракитина обнаружили в 12 км от Охотска. При подходе красноармейцев он, отстреливаясь, стал уходить в тайгу, но его настигли и предложили сдаться, тогда Ракитин застрелился. Так же неточно изложено пленение пепеляевского «управляющего областью» правого эсера Куликовского. Автор сообщает, что он был захвачен в Амге. Из оперсводки штаба войск ЯАССР от 9 марта 1922 года видно, что он бежал с остатками амгинского гарнизона пепеляевцев, но отбился от своих, заблудился в лесу и был захвачен нашей разведкой южнее Амги 5 марта 1923 года. Курашов выступил из Петропавловска в погоне за бежавшим Пепеляевым не 14 марта, а, как видно из приказа самого Курашова, только 17 марта 1923 года. Если бы он выступил на три дня раньше, кто знает, каков был бы исход преследования убегавших пепеляевцев. К расстрелу было приговорено не 26, как пишет И. Я. Строд, а 21 человек.

Недостатком данного издания следует признать также отсутствие иллюстраций и примечаний.

В рецензируемой книге изменена фамилия Н. А. Каландаришвили на Каландарашвили. В пожизненных изданиях своей книги И. Я. Строд писал «Каландаришвили». Боевой соратник «дедушки» М. В. Церетели пишет «Каландаришвили», а не Каландарашвили (журн. «Литературная Грузия», 1957, № 5). Сам «дедушка» в опросном листе от 6 января 1921 года подписался «Каландаришвили».

Рекомендатели Каландаришвили в партию, близко знавшие его, писали так же. В изданных в 1960—1961 годах в Грузии специальных брошюрах о нем также писали «Каландаришвили». Все это показывает неправильность изменения фамилии «дедушки».

Отмеченные отдельные недостатки не могут умалить большого научного и воспитательного значения книги героя гражданской войны, одного из выдающихся руководителей партизанского движения в Восточной Сибири Ивана Яковлевича Строда.

ИРКУТСКИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ И ЖУРНАЛЫ 1923—1960 гг.

Библиографический указатель (продолжение) [1]

Драматургия

Балдано Н. Рыбаки Байкала. Пьеса. «Новая Сибирь», 1948, № 12, стр. 137—178.

Боровский П. Волчья школа. Ком. в 1 д. «Буд. Сибирь», 1934, № 12, стр. 57—65.

Боровский П. Хлеб насущный. Драматический этюд в одной картине по одноименному рассказу Ис. Гольдберга. «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 37—40.

Давидович А., Мейерович Е., Тяжельников П. Пехотинцы (литературный сценарий). «Новая Сибирь», 1941, № 9, стр. 32—103.

Маляревский П. Г. Дорджи Банзаров. Драма в 5 действиях. «Новая Сибирь», 1935, № 11, стр. 82—114.

Маляревский П. Г. Канун грозы. Пьеса. «Новая Сибирь», 1949, № 22, стр. 3—72.

Маляревский П. Г. Костер. Пьеса. «Новая Сибирь», 1948, № 18, стр. 95—163.

Маляревский П. Г. Крутые перекаты. Драма. «Новая Сибирь», 1956, № 35, стр. 157—205.

Маляревский П. Г. Поэма о хлебе. Романтическое представление в 3 актах, 8 карт. «Ангара», 1958, № 2, стр. 39—79.

Маляревский П. Г. Счастье. Пьеса. «Новая Сибирь», 1938, № 1, стр. 97—135.

Метелица С. Межи. Пьеса. «Новая Сибирь», 1940, № 6, стр. 168—221.

Самсония А. Зимняя быль. Пьеса в 1 действии. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 159—176.

Самсония А. На Байкале. Пьеса. «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 156—206.

Литературоведение. Рецензии. Искусство. Фольклор.

Абрамович А. В жанре сатиры. «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 329—353.

Абрамович А. В широком потоке советской литературы. Страницы из истории литературного движения в Ирк. области. «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 291—346.

Абрамович А. Детская тема в творчестве И. Молчанова-Сибирского. «Ангара», 1960, № 2, стр. 127—134.

[1] Составитель главный библиограф научной библиотеки Иркутского университета Б. М. Школьник. Начало см. «Ангара», 1961, № 4.

Абрамович А. Ф. За верное, глубокое изображение жизненных конфликтов и типических характеров. (Заметки о некоторых итогах сезона в Ирк. областн. драмтеатре). «Новая Сибирь», 1953, № 28, стр. 211—226.

Абрамович А. Заметки о произведениях военных лет писателей Иркутска. «Новая Сибирь», 1947, № 12, стр. 282—336.

Абрамович А. Роман «Даурия» и некоторые вопросы художественного мастерства. «Новая Сибирь», 1945, № 15, стр. 167—186.

Абрамович А. Люди и золото. (О романе В. Тычинина «Год жизни»). «Ангара», 1958, № 4, стр. 122—126.

Абрамович А. Подвиг русских землепроходцев. (Кунгуров Г. Албазинская крепость. М., Молодая гвардия, 1959, 248 стр.). «Ангара», 1960, № 1, стр. 144—149.

Абрамович А. Поэт «окраин милой отчизны». «Ангара», 1960, № 4, стр. 115—124.

Абрамович А. Ф. Современная тема в произведениях сиб. писателей. «Новая Сибирь», 1954, № 30, стр. 209—234.

Абрамович А. Художественная деталь и образ. «Новая Сибирь», 1955, № 32, стр. 324—342.

Азадовский М. К. Письма молодых фольклористов. «Новая Сибирь», 1945, № 15, стр. 73—93.

Азадовский М. Совещание фольклористов и сказителей Сибири. (21—25 марта 1943 г.). «Новая Сибирь», 1943, № 14, стр. 69—76.

Балдано Н. Бурятские песни из пьесы «Рыбаки Байкала». Перев. А. Ольхона. «Новая Сибирь», 1942, № 13, стр. 83—85.

Баранов С. Ф. Горький и народная поэзия. «Новая Сибирь», 1952, № 27, стр. 194—205.

Баранов С. Ф. К вопросу об источниках «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Новая Сибирь», 1946, № 17, стр. 211—216.

Баранов С. Ф. Книга об устном народном творчестве. (Азадовский М. К. «История русской фольклористики»). «Ангара», 1959, № 4, стр. 120—123.

Баранов С. Пушкин и народное творчество. «Новая Сибирь», 1937, № 1, стр. 149—166.

Баранов С. Ф. Ценный труд. (О кн. Н. Ф. Матвейчука «Творчество М. Горького и фольклор»). «Ангара», 1960, № 2, стр. 135—138.

Беляев Б. Литературная жизнь Приангарья. «Новая Сибирь», 1951, № 25, стр. 242—251.

Бер Н. С. Нит Степанович Романов. (Био-библиограф. очерк). «Новая Сибирь», 1946, № 17, стр. 250—256.

Березовский Е. Искусство друзей. (О передвижной выставке китайского изобразительного искусства). «Ангара», 1959, № 3, стр. 136—139.

Библиографический указатель произведений, помещенных в журн. «Буд. Сибирь» за 1934 г. «Буд. Сибирь», 1934, № 12, стр. 104—106.

Боброва М. «День второй» — Ильи Эренбурга. «Новая Сибирь», 1935, № 2, стр. 61—66.

Болдырев-Казаринов Д. Неотложная задача. К вопросу о защите и изучении памятников искусства и старины Сибири. Ст. «Красные зори», 1923, № 4, стр. 123—126.

Болдырев-Казаринов Д. А. Sibirica в искусстве. Ст «Красные зори», 1923, № 5, стр. 101—133.

Боннер А. О детских стихах ирк. поэтов. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 310—322.

Васильева Л. Художники о новой Сибири. «Ангара», 1960, № 1, стр. 124—126.

Вечерний А. Легенда о Ленине. Крит. ст. «Красные зори», 1923, № 5, стр. 134—138.

О двух произведениях: рассказе Всеволода Иванова «Амулет» и поэме Николая Тихонова «Сами».

Владов В. Досадные ошибки. (Осипов В. «Тайна Сибирской платформы». М., 1958). «Ангара», 1959, № 3, стр. 159—160.

Второй пленум Оргкомитета Союза советских писателей Восточной Сибири. «Буд. Сибирь», 1934, № 5, стр. 137—144.

Гайдук В. Вечная песнь Золотой степи. (Кунгуров Г. «Золотая степь». М., 1959). «Ангара», 1959, № 3, стр. 156—158.

Гайдук В. Поэт приходит к людям. (Сергеев М. «Спасибо Вам, люди». Иркутск, 1958). «Ангара», 1959, № 4, стр. 115—117.

Гайдук В. Черты современника в произведениях иркутских писателей. «Ангара», 1960, № 3, стр. 126—129.

Гиппиус В. Поэма о сибирской фабрике. «Буд. Сибирь», 1931, № 1, стр. 109—110.

О кн. Ис. Гольдберга «Поэма о фарфоровой чашке».

Гобов А. Творчество Ив. Молчанова (Сибирского). «Буд. Сибирь», 1932, № 2, стр. 69—73.

Гольдберг И. Биография моих тем. Заметки о литературной работе. «Буд. Сибирь», 1933, № 3, стр. 35—44.

Гольдберг И. За литературу, достойную великой страны! «Буд. Сибирь», 1934, № 2, стр. 115—116.

Выступление писателя И. Г. Гольдберга на второй партконференции Вост. Сибири.

Гольдберг И. Заметки делегата. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Ст. первая. «Буд. Сибирь», 1934, № 9, стр. 105—118.

Гольдберг И. Под знаком творческих сдвигов. «Буд. Сибирь», 1933, кн. 1, стр. 93—98.

Гольдберг И. Предсъездовские заметки. «Буд. Сибирь», 1934, № 3, стр. 82—88.

Гольдберг И. Работа над прозой. (Заметки о начинающих и для начинающих). «Буд. Сибирь», 1934, № 2, стр. 97—103.

Гольдберг И. Учитель и старший товарищ. К 40-летию литературной деятельности Максима Горького. «Буд. Сибирь», 1932, № 4—6, стр. 90—97.

Горский Е. Китайская литература на службе народа. «Ангара», 1959, № 3, стр. 130—135.

Горький М. Беседа с молодыми. «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 41—52.

Горький М. Пионерскому лит. кружку 6 ФЗД в Иркутске. «Буд. Сибирь», 1934, № 7, стр. 70.

Горький М. Приветствие «Будущей Сибири». «Буд. Сибирь», 1931, № 1, стр. 3—4.

Гритчук А. Роман о закалке стальной большевистской воли. (Заметки читателя о романе Н. Островского «Как закалялась сталь».) «Новая Сибирь», 1935, № 9, стр. 101—106.

Губер Б. Творческий путь Ис. Гольдберга. (Доклад на пленуме Восточносибирского Оргкомитета ССП). «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 53—70.

Гудошников М. Литературные интересы Карла Маркса. «Буд. Сибирь», 1933, № 1, стр. 56—58.

Гудошников М. Новая книга о Сибири. «Буд. Сибирь», 1933, № 3, стр. 49—52.

О кн. М. П. Алексеева. Сибирь в «Изв. Зап.-европейских путешественников и писателей», т. 1, XII—XVII вв. Иркутск, 1932.

Гудошников М. О творчестве Ис. Гольдберга. «Буд. Сибирь», 1934, № 1, стр. 95—99.

Гудошников М. А., Наумов Н. И. (Сочинения, изд. «Академия», 1933 г.). «Буд. Сибирь», 1934, № 4, стр. 97—104.

Гудошников М. «Угрюм-река» В. Шишкова. «Буд. Сибирь», 1934, № 9, стр. 99—111.

Гудошников М. А., Толстой Л. Н. «Новая Сибирь», 1935, № 11, стр. 115—124.

Гудошников М., Федоров-Омулевский М. И. «Буд. Сибирь», 1934, № 3, стр. 89—94.

Гуревич А. Безотрадная жизнь. (Песни старых байкальских рыбачек). «Новая Сибирь», 1935, № 4, стр. 89—91.

Гуревич Ал., Кудрявцев Ф. Из песен сибирских партизан. «Новая Сибирь», 1935, № 1, стр. 118—122.

Гуревич А. Первые читатели Пушкина в Сибири. «Новая Сибирь», 1935, № 2, стр. 53—60.

Гуревич Ал., Кудрявцев Ф. Поэт красных партизан (Ребров-Денисов). «Новая Сибирь», 1935, № 9, стр. 107—110.

Длуговский М. Трибуна читателя. «Буд. Сибирь», 1932, № 3, стр. 119.

О журн. «Буд. Сибирь».

Друзин В. Заметки о русской поэзии последних лет. «Красные зори», 1923, № 5, стр. 139—143.

Дымов В. Первое слово молодых поэтов. (О сб. «Первое слово». Ирк. Облгиз, 1952). «Новая Сибирь», 1952, № 27, стр. 215—222.

Жилкина Л К. Читатели и книги. (Заметки библиотекаря). («Новая Сибирь», 1955, № 33, стр. 277—288.

Жинкин В. На каких курортах лечиться трудящимся Восточной Сибири. «Буд. Сибирь», 1932, № 2, стр. 55—59.

За творческую работу. «Буд. Сибирь», 1932, № 3, стр. 111—113.

О перестройке лит.-худ. орг. в Вост. Сибири.

Заузолков Ф. За власть Советов. (О романе К. Седых «Даурия»). «Новая Сибирь», 1949, № 22, стр. 234—253.

Зигур (А. Гуревич). Печать о Базе курносых. «Буд. Сибирь», 1934, № 9, стр. 95—98.

Илховец. Первые шаги. (Иркутское литературно-художественное объединение). «Красные зори», 1923, № 5, стр. 148—154.

Иркутские писатели и поэты в дни Отечественной войны. (Библиографический материал). «Новая Сибирь», 1943, № 14, стр. 92—94.

Исакова Л. Лев Толстой и Сибирь. «Новая Сибирь», 1935, № 11, стр. 125—129.

Искра И. За «Магнитострой литературы». «Буд. Сибирь», 1932, № 1, стр. 71—77.

Итоги первого литературного конкурса. «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 100—117.

Калинченко А. Художник Сампилов (К 15-летию творческой деятельности). «Новая Сибирь», 1935, № 6, стр. 58—59.

Кензина В., Кутузова М. Иркутские пи-

сатели в библиотеках области. «Новая Сибирь», 1937, № 36, стр. 338—342.

Ковалев В. Л. Первый шаг. О сб. стихов К. Седых «Забайкалье». «Буд. Сибирь», 1934, № 3, стр. 111—123.

Кожевников С. Горький и сибирские писатели. «Новая Сибирь», 1949, № 21, стр. 160—208.

Коротко об авторах. (Литература Советской Бурят-Монголии). «Новая Сибирь», 1948, № 19, стр. 135—136.

Кудрявцев В. Д. А. М. Горький о работе над языком художественных произведений. «Новая Сибирь», 1953, № 29, стр. 219—231.

Кудрявцев Ф. Новые материалы о К. Г. Неустроеве. «Новая Сибирь», 1935, № 3, стр. 71—75.

Кудрявцев Ф., Срывцев А. Путешествие в Китай. (О кн. Г. Ф. Кунгурова). «Новая Сибирь», 1941, № 8, стр. 222—226.

Кудрявцев В. Д. Язык иркутских поэтов. «Новая Сибирь», 1946, № 17, стр. 217—219. (А. Ольхон. Конст. Седых. Ив. Молчанов-Сибирский).

Кузнецова Н. Певец сибирских просторов (к годовщине со дня смерти И. И. Молчанова-Сибирского). «Ангара», 1959, № 2, стр. 95—103.

Кунгуров Г. Белинский о писателях-сибиряках. «Новая Сибирь», 1948, № 20, стр. 226—234.

Кунгуров Г. Воспитывать на высоких примерах (Записки делегата третьего съезда писателей СССР). «Ангара», 1959, № 3, стр. 143—148.

Кунгуров Г. Книга рассказов монгольского писателя. «Новая Сибирь», 1951, № 24, стр. 206—210.

О кн. Дамдинсурена Ц. «Монгольские рассказы». М., «Советский писатель», 1949.

Кунгуров Г. Об одном письме А. М. Горького редакции журнала «Будущая Сибирь». «Новая Сибирь», 1940, № 6, стр. 222—229.

Кунгуров Г. Сильная человеческая душа. Воспоминания. (К 70-летию Л. Н. Сейфулиной). «Ангара», 1959, № 1, стр. 128—133.

Кунгуров Г. Современная монгольская литература. Краткий обзор. «Новая Сибирь», 1945, № 15, стр. 105—119.

Кунгуров Г. Лев Николаевич Толстой и Сибирь. «Ангара», 1960, № 4, стр. 97—101.

Кунгуров Г. А. П. Чехов в Сибири. (К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова). «Ангара», 1960, № 1, стр. 134—138.

Купреянова Б. Н. Творчество А. Л. Коптелова. «Новая Сибирь», 1952, № 26, стр. 214—239.

Лисин Л. Ф. Книги, зовущие к подвигам. «Ангара», 1959, № 4, стр. 118—120.

О книгах Н Печерского для детей.

Лисин Л. Ф. Ив. Молчанов-Сибирский. (Критические заметки). «Новая Сибирь», 1940, № 7, стр. 185—195.

Литературный конкурс. Некоторые итоги. «Новая Сибирь», 1935, № 10, стр. 99—101.

Луговской И. Стихи в борьбе за золото. Статья. «Буд. Сибирь», 1933, № 4, стр. 57—61.

Магер П. Две книги о молодежи. (Черненко Ал. Расстрелянные годы. М., 1930; Капица П. Правила весны. Л., 1931). Рец. «Буд. Сибирь», 1932, № 2, стр. 77—78.

Макарова Е. В расцвете творческих сил. К пятидесятилетию К. Ф. Седых. «Ангара», 1958, № 2, стр. 120—125.

Макарова Е. О романе Ф. Таурина «На Лене реке». «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 318—328.

Маляревский П., Бальдауф Ф. И. «Новая Сибирь», 1938, № 1, стр. 148—161.

Марков Г. Хребты Саянские. (О кн. Салтыкова С. Хребты Саянские). «Новая Сибирь», 1953, № 29, стр. 237—247.

Павел Григорьевич Маляревский. «Ангара», 1961, № 1, стр. 133—134.

П. М. (Маляревский П. Г.) Как должен работать литературный кружок. «Новая Сибирь», 1935, № 8, стр. 99—103.

Павел М. (Маляревский). Надо много учиться, много работать. «Буд. Сибирь», 1933, № 3, стр. 54—55.

О стихах молодых поэтов в журн. «Советская Бурятия».

Материалы 1 краевой конференции союза писателей Восточной Сибири (5—9 февр. 1935). «Новая Сибирь», 1935, № 2, стр. 3—72. (2-ая пагинация).

Молчанов-Сибирский И. Речь писателя Ив. Молчанова на IV Облпартконференции. «Новая Сибирь», 1940, № 7, стр 166—171.

Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Некролог. «Ангара», 1958, № 2, стр. 126.

Московский А. Приемы типизации обстоятельств в сатире Маяковского. Стихи. «Ангара», 1950, № 4, стр. 103—119.

Навстречу второму Всесоюзному съезду писателей. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 323—330.

Найдаков В. Творчество М. Н. Тимофеева-Терешкина. «Ангара», 1958, № 3, стр. 110—115.

Нелидова-Фивейская Л. Десять встреч с Шаляпиным в Америке. «Новая Сибирь», 1957, № 36, стр. 209—252.

Непомнящих В. Хорошее начало. «Буд. Сибирь», 1932, № 1, стр. 82.

Рец. на кн. А. Коптелова «Форпосты социализма». Очерки. М., «Федерация», 1931, стр. 176.

Никитин. Книга о монгольском народе. (О кн. Кунгурова Г. «Золотая степь»). «Новая Сибирь, 1949, № 21, стр. 221—225.

Обручев В. А. Загадка сибирского Заполярья. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 262—285.

Огневский Л. Большой разговор о книгах. Очерк. «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 354—358.

О читательской конференции в Нукутах.

Огневский Л. Учить, учиться, крепить творческую взаимопомощь. «Ангара», 1958, № 4, стр. 120—121.

Ольхон А. Посмертная выставка Василия Анисимова. «Буд. Сибирь», 1932, № 4—6, стр. 131—132.

Ольхон А. Устное народное творчество и его подделки. «Новая Сибирь», 1949, № 22, стр. 251—257.

Ольхон А. Якут Таттинского улуса (К двадцатилетию со дня смерти А. Е. Кулаковского). «Новая Сибирь», 1946, № 17, стр. 174—181.

А. С. Ольхон. (Некролог). «Новая Сибирь», 1950, № 23, стр. 213—214.

Острогорский Н. О двух поэтах (И. Молчанов-Сибирский, К. Седых). «Буд. Сибирь», 1934, № 7, стр. 85—92.

Ошибки начинающих авторов. «Буд. Сибирь», 1934, № 1, стр. 113—119

Первый расширенный пленум Оргкомитета Союза советских писателей Восточной Сибири. «Буд. Сибирь», 1933, № 1, стр. 99—101.

Пермитин Е. О творчестве П. Петрова. (Стенограмма доклада на 2 пленуме Оргкомитета ССП Восточной Сибири) «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 71—82.

Петров П. Беглые заметки. «Буд. Сибирь», 1933, № 5, стр. 53—56.

Першин В. О романе П. Петрова «Золото». «Буд. Сибирь» 1934, № 12, стр. 91—94.

Постановление жюри литературного конкурса начинающих авторов Восточной Сибири имени Первого Всесоюзного съезда советских писателей. «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 21.

Постановление оргкомитета Союза советских писателей Вост.-Сиб. края от 1934. «Об итогах первого литературного конкурса начинающих писателей Восточ-

ной Сибири имени Первого Всесоюзного съезда советских писателей. «Буд. Сибирь», 1934, № 6, стр. 122.

Поэты Бурят-Монголии. (Стихи. Под ред. и с предисл. С. Ширабона. Улан-Удэ, Бургиз, 1935, 93 стр.). Рец. «Новая Сибирь», 1935, № 2, стр. 72.

Рассказовов И. А. Художественная литература о коммунистическом воспитании. «Новая Сибирь», 1940, № 7, стр. 152—166.

Седых К. Писательская бригада на Сользаводе. «Буд. Сибирь», 1932, № 2, стр. 75.

Седых К. Стихи и хлеб. (О работе поэта И. Луговского в колхозах). Статья. «Буд. Сибирь», 1933, № 6, стр. 28—33.

Селявская А. П. Ценные исследования. (О последних трудах М. К. Азадовского). «Новая Сибирь», 1955, № 35, стр. 266—276.

Сергеев М. Мир открывается заново. Размышления о книгах для детей, изданных в Иркутске. «Ангара», 1959, № 4, стр. 124—127.

Сказки ербогаченских эвенков. Собр. Г. Коненкин. «Новая Сибирь», 1940, № 6, стр. 27—37.

Скороходов В. Новые документы о пребывании Ярослава Гашека в Сибири. (1918—1920 гг.). «Новая Сибирь», 1937, № 36, стр. 324—337.

Скуратов М. Творческий путь Ив. Молчанова (Сибирского). «Буд. Сибирь», 1934, № 5, стр. 111—126.

Смирнов М. М. Иркутские писатели в дни Отечественной войны. «Новая Сибирь», 1945, № 15, стр. 3—14.

Сороковиков Е. И. Новые сказки Вост. Сибири (Гитлерище поганое и его хвост. Богатырская семья. Рыбак Василий и его семья). «Новая Сибирь», 1942, № 11, стр. 71—75.

Сороковиков Е. И. Чудесные небесные птицы. Богатырь и орел. Как охотник Федор японцев прогнал. Новые сказки. Записи А. Гуревича. «Новая Сибирь», 1938, № 1, стр. 136—147.

Срывцев А. Поэзии солдат. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 297—309.

Об Ив. Ив. Молчанове-Сибирском.

Сухиненко В. Толстой и музыка. «Новая Сибирь», 1935, № 11, стр. 130—135.

Стихи усть-кутских поэтов. «Буд. Сибирь», 1933, № 3, стр. 53.

О кн. «Усть-Кутский литературный кружок союза советских писателей». Усть-Кут, 1932, 46 стр.

Тарасенков А. Стихи Анатолия Ольхона. «Новая Сибирь», 1948, № 19, стр. 248—252.

Тарский Г. Комсомольская литература Якутии. «Буд. Сибирь», 1932, № 2, стр. 66—68.

Таурин Ф. На крайнем Севере. (Гл. из романа «К одной цели»). «Новая Сибирь», 1950, № 23, стр. 50—150.

Тихонова Л. Певец сибирской природы (Б. И. Лебединский). «Ангара», 1958, № 3, стр. 96—102.

Тихонова Л. Театр называется народным (Ангарск) 1. Новый театр нового времени. 2. Страницы творческой биографии. 3. Хозяева большой сцены. 4. Барабанщица. 5. Время зовет вперед. «Ангара», 1960, № 2, стр. 26—32.

Трушкин В. Борель. (Послесловие). «Ангара», 1958, № 3, стр 81.

Трушкин В. Ветер юности. (Преловский А. «Просека». Стихи. Иркутск, 1959). «Ангара», 1959, № 3, стр. 152—155.

Трушкин В. Верность жизни и дань штампу. (О достижениях и ошибках в романе В. Козловского «Верность»). «Ангара», 1958, № 4, стр. 127—131.

Трушкин В. Горький и писатели сибиряки. (Забытая страничка из истории литературы Сибири). «Ангара», 1958, № 3, стр. 103—109.

Трушкин В. Слово поэта. «Новая Сибирь», 1957, № 36, стр. 330—337.

Трушкин В. Живая летопись. (Об отражении подлинной истории колчаковщины в романе В. Зазубрина «Два мира»). «Ангара», 1959, № 4, стр. 107—114.

Трушкин В. Когда побеждает жизнь. (Кукуев А. «Живые и мертвые». Роман). «Ангара», 1960, № 1, стр. 139—143.

Трушкин В. Георгий Марков. «Ангара», 1960, № 3, стр. 119—125.

Трушкин В. Певец Забайкалья. (Константин Седых). «Ангара», 1960, № 4, стр. 125—135.

Трушкин В. П. Первый Советский роман. О романе Владимира Зазубрина «Два мира». «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 347—363.

Трушкин В. Поэзия Сибири. «Ангара», 1958, № 1, стр. 115—118.

Трушкин В. (Рец.). Там, где течет красавица Лена. Чаусов Н. «Далекие рейсы». Иркутск, 1959). «Ангара», 1959, № 2, стр. 108—111.

Трушкин В. Художник революции. (К семидесятилетию Л. Н. Сейфулиной). «Ангара», 1959, № 1, стр. 134—139.

Тычинин В. В гостях у Леонида Леонова. «Ангара», 1959, № 3, стр. 149—151.

Уляндро В. Писатель-демократ И. А. Кущевский. «Ангара», 1960, № 2, стр. 139—143.

Фаворин В. Беседа с начинающими прозаиками. «Новая Сибирь», 1935, № 4, стр. 79—88.

Фаворин В. Книга об эвенках. (М. Ошаров. «Большой аргиш». Роман. М. — Иркутск, 1934, 189 стр.). «Новая Сибирь», 1935, № 2, стр. 67—71.

Фаворин В. Новая книга по диалектологии Сибири (Черных П. Я. «Русский язык в Сибири». Иркутск, 1934, 83 стр.). «Буд. Сибирь», 1934, № 12, стр. 100—103.

Фаворин В О повести Льва Рубинштейна «Тропа самураев». «Новая Сибирь», 1935, № 3, стр. 76—81.

Фаворин В. О языке сибирских поэтов. «Новая Сибирь», 1935, № 1, стр. 78—117.

Фаворин В. Синонимы. (Работа над словом). «Новая Сибирь», 1935, № 6, стр. 60—69.

Фаворин В. Лев Черноморцев. «Тайга». (Стихи. М., 1934). «Новая Сибирь», 1935, № 4, стр. 92—94.

Фаворин В. Язык литературного героя. «Буд. Сибирь», 1934, № 8, стр. 108—126.

Фатеева Т. И. Исаак Григорьевич Гольдберг. К тридцатилетию литературной деятельности 1903—1933. Библиографический указатель. «Буд. Сибирь», 1934, № 1, стр. 120—128.

Флоров Д. Н. А. П. Чехов в Сибири. «Новая Сибирь», 1935, № 1, стр. 48—52.

Фролов В. Достоинства и недостатки одной пьесы (Самсония «Всходы гнева»). «Новая Сибирь», 1952, № 27, стр. 206—214

Ханбеков Л. (Рец.). О любви, верности и дружбе. (Рубанович А «Песню нелегко сложить»). «Ангара», 1959, № 2, стр. 106—107.

Хейсин И. Страницы прошлого. Воспоминания о литературной Сибири. «Ангара», 1959, № 2, стр. 112—121.

Чернев И. Лубсун Хурги — народный певец Монголии. «Буд. Сибирь», 1931, № 1, стр. 96—97.

Черных П. Заметки о языке и стиле Исаака Гольдберга. «Новая Сибирь», 1935, № 4, стр. 67—78.

Черных П. Я. Заметки о языке «Конька-горбунка» П. П. Ершова. «Новая Сибирь», 1935, № 11, стр. 136—142.

Черных П. Литературный язык на распутьи. «Буд. Сибирь», 1934, № 4, стр. 86—96.

Черных П. Я. О художественном воспроизведе-

нии русско-сибирской речи. «Новая Сибирь», 1935, № 3, стр. 61—70.

Черных П. Первый сибирский роман. «Новая Сибирь», 1935, № 6, стр 49—57.

О романе И. Т Калашникова «Дочь купца Жолобова».

Черных П. (Рец.). Толковый словарь русского языка. Под общ. ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1, М., 1934. «Новая Сибирь», 1935, № 5, стр. 104—107.

Читатели о романе «Даурия». «Новая Сибирь», 1951, № 23, стр. 223—230

Чичаева Е. Мы построим танки крепкие. (Отрывки из сказа). «Новая Сибирь», 1943, № 14, стр. 76—78.

Чуйко К. Для читателей больших и маленьких. «Ангара», 1960, № 1, стр. 150—152.

Чуйко К. Полезная книга для детей. (Смирнов А. В. «В тайге у Байкала»). «Ангара», 1959, № 2, стр. 104—105.

Чуйко К. Что мы издали в 1957. «Ангара», 1958, № 1, стр. 119—121.

Шерхунаев Р Потомки великого писателя. «Ангара», 1960, № 4, стр. 102—104.

Встречи с потомками Л. Н. Толстого.

Шерхунаев Р. Пробуждение народа. (Малакшинов П «Учитель». Перев. с бур. М., 1959, 551 стр.). «Ангара», 1960, № 3, стр. 130—133.

Шерхунаев Р. Улигеры Аполлона Токоева. «Новая Сибирь», 1951, № 25, стр. 235—241.

Ширабон С. Пути развития бурятской литературы. «Буд. Сибирь», 1932, № 1, стр. 78—81.

Школьник Б. М. Сибирь в художественной литературе. (Рец. на указатель лит.). «Новая Сибирь», 1953, № 29, стр. 232—236.

Шмаков А. Наши общие знакомцы. (О стихах Ольхона А. «Мои байкальские знакомцы»). «Новая Сибирь», 1941, № 10, стр. 85—94.

Шмаков А. Неутомимый писатель. (Мстиславский Д.). «Новая Сибирь», 1943, № 14, стр. 85—92.

Шмаков А. Советские писатели о сибирских фронтовиках. «Новая Сибирь», 1945, № 15, стр. 94—104.

Шмаков А. Творчество поэта А. Ольхона. «Новая Сибирь», 1946, № 6, стр. 229—247.

Шмаков А Улька из рода Букочар. (О кн. Штейнберга А.). «Новая Сибирь», 1941, № 8, стр. 227—231.

Шостакович С. В. Новые материалы о Грибоедове. «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 306—317.

Шурыгин А. «О Петре Первом» А. Толстого. Кн. 1 и 2 .(К вопросу об исторической канве романа). «Новая Сибирь» 1935, № 9, стр. 90—100.

Шурыгин А. Путь к правде. (Марков Г. «Строговы») «Новая Сибирь», 1944, № 7, стр. 172—184.

Эвенлев М. Анри Барбюс. «Новая Сибирь», 1935, № 9, стр. 85—89.

Эвенлев М. Некоторые обещания и большие срывы. (П. Лист. «Дороже жизни». М.—Иркутск, 1934, 247 стр.). «Новая Сибирь», 1935, № 1, стр. 123—127.

Эвенлев М. Илья Эренбург и его новый роман. «Новая Сибирь», 1935, № 10, стр. 102—111. (Эренбург И. «Не переводя дыхания»).

Югов Л Письмо другу. (О кн. Молчанова-Сибирского «Письмо из тайги»). «Новая Сибирь», 1952, № 24, стр. 223—226.

Яновский Н. Жизнь начинается снова. (О писателе И. Г. Гольдберге). «Ангара», 1960, № 4, стр. 136—142.

ИСТОРИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА

Авдеев А. У монгольских друзей. Очерки. «Новая Сибирь», 1956, № 35, стр. 305—324.

Алакшин Е. Люди колхозной деревни. Записки агронома. «Новая Сибирь», 1948, № 19, стр. 196—225.

Ануфриев Г. И. Борьба за власть Советов в Тырети. «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 265—272.

Бардунов Л. В. Замечательный русский ботаник 19 в. и крупнейший исследователь флоры Восточной Сибири И. С. Турчанинов. «Новая Сибирь», 1956, № 35, стр. 325—335.

Бардунов Л. В. Свидетели прошлого. (Страницы из истории природы Прибайкалья). «Ангара», 1960, № 3, стр. 110—118.

Богданова М. М. Неизвестные и забытые страницы истории русско-польской дружбы. «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 283—290.

Бояркин В. М. Братская ГЭС. Экономико-географическая справка. «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 271—278.

Второму Всесоюзному съезду писателей. «Новая Сибирь», 1955, № 32, стр. 3—8.

Галченко И. По следам И. Д. Черского. Записки геолога. «Новая Сибирь», 1956, № 34, стр. 226—270.

Гантваргер М. Заметки библиотекаря. «Новая Сибирь», 1950, № 23, стр. 215—222.

Гранина А. Н. Исследователь Сибири И. Д. Черский. «Новая Сибирь», 1953, № 27, стр. 194—210.

Гранина А. Обручев в Иркутске. «Новая Сибирь», 1954, № 30, стр. 195—208.

Гранина А. Сибирь в романе Жюль Верна. «Новая Сибирь», 1955, № 33, стр. 289—301.

Гудошников М. А. Столетие Ленских приисков. «Новая Сибирь», 1943, № 13, стр. 80—84.

Двадцать пять лет. Ст. «Красные зори», 1923, № 4, стр. 23—33.

25 лет с основания Ком. партии.

Демин А. А — пред. колхоза «Гигант» Нижнеудинского района. Работать инициативно. Смелее поддерживать все новое «Ангара», 1960, № 1, стр. 3—6.

Дулов В И. 1905 г. в Вост. Сибири. «Новая Сибирь», 1955, № 32, стр. 308—323.

Коваль С. Ф О некоторых публикациях из литературного наследия В. Ф. Раевского и новом его автографе. «Новая Сибирь», 1957, № 36, стр 307—323.

Копылов А. Н. Затянувшийся вопрос. (О дате основания Иркутска). «Ангара», 1960, № 4, стр. 143—146.

Кубалов Б. Г. Сибиряк-шестидесятник. (Н. А. Белоголовый). «Ангара», 1960, № 2, стр. 117—126.

Кудрявцев В. Д. Быть и красными и специалистами. «Ангара», 1959, № 3, стр. 140—142.

Об изучении русского языка в Китае.

Кунгуров Г. Борьба за социалистическую культуру на крайнем Севере. «Новая Сибирь», 1935, № 3, стр. 51—60.

Маляревский П. Краевая научная библиотека. Ст. «Новая Сибирь», 1935, № 7, стр. 120—126.

Мордвинов Н. Художественная литература Якутии. «Новая Сибирь», 1935, № 1, стр. 74—77.

Монин Д. Из воспоминаний об Ильиче. «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 273—274.

Муратов М. К истории книги в Сибири. (Заметки). «Ангара», 1958, № 4, стр. 132—134.

Нацов С. Японский империализм и революционная Монголия. «Буд. Сибирь», 1932, № 2, стр. 42—46.

Окладников А. П. Памятники культуры о Восточной Сибири. «Ангара», 1959, № 2, стр. 122—130.

Павловский Е. В. Когда и каким образом возникла впадина озера Байкал. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 273—285

Пашин М. Записки старого книжника. «Буд. Сибирь», 1934, № 11, стр. 72—92.

Пестун И. С. В борьбе с контрреволюцией. «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 258—264.

Черемховский район в 1919 г.

Пепеляев В. Дневник Пепеляева. «Красные зори», 1923, № 4, стр. 75—90. 1923, № 5, стр. 32—50.

Петряев Е., Сергеев М., Скалон В. Памяти А. Н. Орловой. «Новая Сибирь», 1937, № 36, стр. 343—345.

Музейный раб. Забайкалье..

Петров Л. Доржи Банзаров — первый бурятский ученый. «Новая Сибирь», 1954, № 31, стр. 286—296.

Попов М. Г. Флора Байкальской Сибири и ее происхождение. «Новая Сибирь», 1955, № 33, стр. 302—319.

Программа для литкружков. «Новая Сибирь», 1935, № 6, стр. 70—95.

Разговор шел о Сибири. Слово ученых. «Ангара», 1960, № 1, стр. 114—123.

Разумов М. О. Хозяйственный подъем и культурное строительство Восточной Сибири. (Доклад на I съезде ударников культуры Восточной Сибири 13 июля 1935). «Новая Сибирь», 1935, № 5, стр. 65—103.

Ржанов Г. Через документы к воспоминаниям. «Красные зори», 1923, № 1, стр. 27—31.

Рождественский П. И. К вопросу о пребывании Вл. Г. Короленко в Сибири. Короленко и администрация. «Красные зори», 1923, № 4, стр. 70—74.

Силинский П. Иркутская область в новом пятилетии. «Новая Сибирь», 1956, № 35, стр. 297—304.

Скороходов В. Ангаро-Илимский партизанский район. «Новая Сибирь», 1957, № 36, стр. 229—306.

Скороходов В. П. Исследователь Камчатки. Степан Крашенинников. К 200-летию со дня смерти. «Новая Сибирь», 1955, № 33, стр. 320—328.

Смирнов Р. О культурной жизни Иркутской области. «Новая Сибирь», 1949, № 21, стр. 209—220.

Тагаров З. Сергей Лазо в Иркутске. По новым материалам. «Новая Сибирь», 1957, № 37, стр. 262—275.

Турицына-Одинцова М. К. Из воспоминаний о первой русской революции. «Новая Сибирь», 1957, № 36, стр. 282—288.

Чураев А. Грановщина. Из истории Сибирской деревни. «Новая Сибирь», 1935, № 8, стр. 87—98.

Шастин Н., Шастина Н. Доктор Н. П. Шастин — С предисл. Х. Г. Ходоса «Мы помним их имена». «Ангара», 1960, № 1, стр. 128—131.

Ширендыб. Дружба. «Новая Сибирь», 1951, № 25, стр. 3—7.

Шкитов С. Так было в Красноярске. «Новая Сибирь», 1957, № 36, стр. 276—281.

Штейнберг А. Для всех детей наших. «Новая Сибирь», 1941, № 10, стр. 26—28.

Щетинин С. Н. Победа на Ангаре. «Ангара», 1959, № 3, стр. 3—5.

Библиография

Новые книги. «Новая Сибирь», 1948, № 20, стр. 235—237.

Новые книги. «Новая Сибирь», 1949, № 21, стр. 226—227.

Сибиряки в Великой отечественной войне. Библиография. «Новая Сибирь», 1945, № 15, стр. 120—127.

АЛЬМАНАХ «АНГАРА» № 4

Худож. редактор *Е. Г. Касьянов*
Техн редактор *А. В. Пономарева*
Корректоры *Л. В. Глаголева* и *А. В. Ласкина*

Сдано в набор 17 октября 1962 г. Подписано к печати 12 декабря 1962 г. Печ. л. 13,9. Уч.-изд. л. 13,5. Бумага 84 X 108$^{1}/_{16}$. Тираж 5000. Заказ № К-442. НЕ 04238.

Иркутское книжное издательство, ул. Горького, 36.

Типография № 1 отдела Полиграфиздата Иркутского областного управления культуры, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

60 к.